

ПЛЮСЫ **НЕ-**
РАЗДЕЛЕННОЙ
ЛЮБВИ

18+

Бекки
Альбертсони

ОТ АВТОРА
САЙМОН И ПРОГРАММА HOMO SAPIENS

Бекки Алберталли

Плюсы неразделенной любви

Молли знает все о неразделенной любви. Она влюблялась двадцать шесть раз, и всякий раз – безответно. Но парни и не догадываются о ее чувствах, ведь она очень осторожна. А как иначе? Толстые девчонки не могут рисковать. Однако сестра Молли, Кэсси, настаивает, что ей давно пора повзрослеть и перестать бояться отказов. Кэсси пытается свести Молли с красивчиком Уиллом, который проявляет к ней интерес. Есть только одна проблема – неуклюжий гик Рид, коллега Молли, – он никак не выходит у нее из головы. Но Рид – совсем не ее типаж, и она никогда в него не влюбится. Так ведь?..

Содержание

#1	.0005
#2	.0006
1	.0007
2	.0012
3	.0018
4	.0025
5	.0030
6	.0034
7	.0037
8	.0046
9	.0051
10	.0056
11	.0063
12	.0073
13	.0079
14	.0087
15	.0090
16	.0093
17	.0100
18	.0103
19	.0113
20	.0120
21	.0128
22	.0138
23	.0143
24	.0144
25	.0145
26	.0149
27	.0156
28	.0160
29	.0164
30	.0165
31	.0166
32	.0169
33	.0171
Благодарности	.0179

Бекки Алберталли Плюсы неразделенной любви

THE UPSIDE OF UNREQUITED by Becky Albertalli

Книга издана с согласия автора и при содействии литературного агентства Prava i Perevodi.

Originally published by *BALZER + BRAY*, an Imprint of *HarperCollins Publishers*.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

© Никита ЗКХРА, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. Popcorn Books, 2019

© Cover Art by Aline Riberio, 2017

THE UPSIDE OF UNREQUITED

Copyright © 2017 by Becky Albertalli

All rights reserved.

* * *

Женщинам, которые знают меня слишком хорошо:
Кэролайн Голдштейн, Айлин Томас, Адель Томас,
Джини Алберталли и Донне Брэй.
И светлой памяти любимой Молли Голдштейн.
Эта книга для вас.

1

В туалете клуба «9:30» мне становится интересно, как писают русалки.

Это не случайная мысль. На двери висит барби-русалка. Все-таки странный туалетный талисман. Если они вообще бывают. Туалетные талисманы.

Дверь открывается, и в комнату врывается музыка. В этот туалет незаметно не войдешь. В тот самый миг, когда я открываю замок кабинки, со щелчком закрывается соседний. Я выхожу.

Над раковинами висят зеркала. Я втягиваю щеки так, будто у меня есть скулы. Прямо преображаюсь. Иногда мне кажется, что я справлюсь – смогу провести остаток жизни, легонько закусив щеки, хотя из-за этого губы выглядят странно. И потом, со втянутыми щеками особо не поговоришь; увы, это чересчур даже для меня. Даже ради скул...

– Блин, – доносится из кабинки низкий, хрипловатый голос. – Эй, бумагу не подашь?

Это она мне. Я не сразу поняла.

– О! Конечно.

Я отматываю немного и сую под дверь. Ее рука касается моей.

– Ух, ты мне жизнь спасла.

Я спасла жизнь. Здесь, в туалете клуба «9:30».

Зардевшись, она выходит из кабинки, и я сразу замечаю ее футболку: красный хлопок и причудливо нарисованные G и J. Вообще, мне кажется, мало кто опознает в них буквы.

Но я все поняла.

– Футболка Georgie James.

Девушка удивленно улыбается.

– Ты знаешь Georgie James?

– Ага, – улыбаюсь я в ответ.

Georgie James. Местная группа, уже сто лет как распалась. Трудно найти ровесника, который слышал об их существовании, но моя сестра была на них помешана.

Девушка кивает:

– Круто.

– Круче некуда, – отвечаю я, а у нее вырывается тихий смешок. Тогда я внимательно на нее смотрю. И – ох.

Она красивая, эта девушка.

Невысокая стройная азиатка; волосы покрашены в настолько темный оттенок фиолетового, что это уже и не фиолетовый вовсе. Очки в толстой оправе. А еще губы. Четко очерченные, красивые губы.

Кэсси она бы точно понравилась. Особенно очки. И футболка Georgie James.

– Короче, спасибо, что спасла мою задницу. В буквальном смысле. – Она качает головой. – Ну, не совсем задницу...

Я хихикаю:

– Пустяки.

В таких мгновениях что-то есть – меня и абсолютно незнакомого человека связывает тонкая невидимая нить. Словно вселенная сжимается. Сладкое чувство.

Я возвращаюсь обратно в клуб и тут же оказываюсь во власти музыки. Это

еще одна местная группа, о которой я никогда не слышала, но зал забит до отказа. Похоже, людям нравится, как грохочут ударные. Меня окружают танцующие – их тела дергаются, скупое освещенные лица обращены к сцене. Внезапно атмосфера накаляется до предела. Наверное, потому что вокруг так много парочек – они смеются, обнимаются и горячо целуются.

То самое чувство, когда я вижу, как кто-то целуется... Я ощущаю себя иной. Будто я в другом агрегатном состоянии. Они – вода, а я – кубик льда. Самый одинокий человек на свете.

– Молли! – кричит и машет руками Кэсси.

Они с Оливией стоят прямо под колонками. Оливия морщится. Она не из тех, кому нравится «9:30». Пожалуй, и я тоже, но Кэсси умеет убеждать.

Скажу сразу: моя сестра-близнец ничуть на меня не похожа.

Мы непохожи даже внешне. Обе белые, обе среднего роста, но в остальном – полные противоположности. Кэсси грациозная зеленоглазая блондинка. Во мне из перечисленного нет ничего: шатенка, глаза карие, и ни намека на стройность.

– Я познакомилась с девушкой твоей мечты, – с ходу сообщаю я Кэсси.

– Что?

– Подружилась с очень милой девочкой в туалете, думаю, вам надо влюбиться, пожениться и наделать детишек.

Кэсси, как всегда, морщится и вскидывает бровь. Вы видели блондинок с коричневыми бровями? Так вот – она одна из них. Сложно передать словами, как ей это идет.

– Это как?

– Что как? Как влюбляются?

– Нет, как ты нашла себе подругу в туалете?

– Кэсс, ты упускаешь главное. Это девушка мечты.

– погоди-ка. – Кэсси слегка толкает меня в плечо. – Молли опять запала? В двадцать седьмой раз?

– Да нет же. – Я начинаю краснеть.

– О боже. Впервые запала на девчонку! Я так тобой горжусь!

– Уже двадцать седьмой, да? – спрашивает Оливия.

Я воспринимаю это как комплимент. Значит, я профессиональная влюбленная. Ничего плохого в этом нет. Да и ни на кого Молли не западала.

Я мотаю головой и прикрываю глаза ладонью. Голову будто накачали гелием. Наверное, это и есть опьянение. Наша кузина Эбби рассказывала, что когда ты под градусом, ты словно паришь. Интересно, можно ли опьянеть без алкоголя?

– Эй. – Кэсси отводит мою ладонь от лица. – Ты же знаешь, моя задача – над тобой издеваться.

Но прежде чем я успеваю ответить, Оливия достает телефон.

– Слушайте, уже одиннадцать сорок пять, – говорит она. – Нам не пора?

– Ой! – восклицаю я.

В полночь метро закрывается, а завтра у меня первый рабочий день – на настоящей летней работе. Это значит, что мне надо хотя бы немножко поспать, чтобы не отключиться на кассе. Говорят, это непрофессионально.

Мы плетемся к выходу, наконец оказываемся на улице, и мне сразу становится легче. Прохладно для июня, приятный ветерок обдувает ноги. На мне

хлопковое платье – когда я его купила, оно было совсем черным, но я пришила к нему белый воротник а-ля Питер Пэн, а подол украсила тесемкой. Усовершенствовала, в общем.

Кэсси и Оливия переписываются с кем-то на ходу и даже не спотыкаются. Меня это восхищает. Я держусь чуть позади и наблюдаю за ними. Они отлично смотрятся здесь, на Ю-стрит. У Кэсси идеальный неряшливый хвостик. Кажется, она надела первое, что попало под руку. Наверное, так и есть, но ей идет – даже больше, чем просто идет. По сравнению с ней все выглядят разряженными в пух и прах. Рядом шагает высокая Оливия. Она сияет опрятной красотой – впрочем, нос у нее проколот, а пряди волос покрашены в синий. Это привлекает внимание. Думаю, Оливию тоже считают щекастенкой, но до меня ей далеко.

Иногда мне любопытно, как окружающие воспринимают мою внешность.

Странно, но порой стесняешься даже тех, с кем провел всю жизнь. Буквально всю жизнь. Мы знаем Оливию с тех пор, как наши мамы вместе пошли в Ла Лече Лигу[1]. Все семнадцать лет нас было четверо: Кэсси, Оливия, я и наша кухня Эбби. Но прошлым летом Эбби переехала в Джорджию. Теперь Кэсси заставляет нас с Оливией заниматься тем, что она обычно делала с Эбби, – все эти стендапы, концерты и прогулки по Эйч-стрит...

Год назад мы с Оливией и Титанией валялись бы на диване в гостиной и смотрели бы «Вселенную Стивена»[2]. Титания – метис бигля и шнауцера. Но вместо этого я болтаюсь в окружении тех, кто бесконечно круче меня. Ю-стрит заполнена ребятами, которые только и делают, что смеются, курят и целуются. Я поворачиваюсь к метро и сразу же замечаю девушку мечты.

– Кэсс, это она! – я тяну сестру за майку. – В красном. Смотри.

Склонившись, девушка что-то ищет в своей сумочке. Над ней нависают два белых хипстера. Оба уставились в телефоны. Один – рыжий в джинсах-скинни, другой – брюнет с драматично спадающей на глаза челкой.

– Ты так и не объяснила, почему она – девушка ее мечты, – говорит Оливия. Вдруг незнакомка перестает копаться в своих вещах, и Оливия быстро отводит взгляд.

Но девушка мечты замечает меня. Она машет рукой, и я машу в ответ.

– Ой, милашка, – шепчет Кэсси.

– Я же говорила, – ухмыляюсь я.

– Она идет сюда.

Так и есть. Девушка мечты, улыбаясь, приближается к нам. Теперь улыбается и Кэсси. Она пялится в землю, но на ее лице все написано.

– Привет еще раз, – здоровается девушка.

– Привет.

Я тоже улыбаюсь.

– Спасительница.

Похоже, она в самом деле ненавидит, когда в туалете нет бумаги!

– Кажется, я так и не представилась, – спохватывается она. – Мина.

– Молли.

– Твоя футболка! Лучшая, что я видела в своей жизни. Просто... – говорит Кэсси и восхищенно качает головой.

– Спасибо, – смеется Мина.

– Кстати, я Кэсси. Никогда не встречала человека, который слышал про

Georgie James.

Ну-ну. Я вообще-то у тебя под боком стою.

– Знаешь, что странно... – начинает Мина, но тут парень с челкой касается ее руки.

– Пошли, Ини-Мини[3]. – Он перехватывает мой взгляд за плечом Кэсси. – Привет! Девчонки, приятно познакомиться, но нам надо успеть на поезд.

– Блин, – говорит Мина. – Ну, лады. Я...

– Да нам тоже, – быстро отвечает Кэсси.

Так наша компания и собирается. Кэсси и Мина шагают в ногу, за ними – увлеченная своей перепиской Оливия. Я встаю на эскалатор и облокачиваюсь на поручень, стараясь выглядеть не как отставшая от стада овечка. Молли Пескин-Сусо: дезориентированный интроверт один на один с природой.

Но стоит мне поднять глаза, как я понимаю: на самом деле я не одна. Ступенькой ниже едут хипстеры. Я случайно встречаюсь взглядом с рыжим.

– Ты кого-то мне напоминаешь... Мы не знакомы? – спрашивает он.

– Нет, наверное.

– Ну, я Уилл.

– Молли.

– Как наркотик[4], – говорит Челочник.

Как наркотик. Будто я из тех, кто ассоциируется с веществами.

Не успеваем мы сойти с эскалатора, как на станцию подходит поезд, и нам приходится пробежаться. Я занимаю Кэсси место, но она садится рядом с Миной.

Вместо нее рядом падает Оливия. А вскоре к нам подходят Миныны друзья. Челочник что-то читает в телефоне, а рыжий виснет на поручне и с улыбкой смотрит на нас.

Я поднимаю глаза:

– Уилл, да?

Так... А он симпатичный. Он самую малость, ужасно, безумно милый.

– Хорошая память! – отмечает он.

Затем представляется Оливия, и повисает тишина. Хотела бы я быть той, кто всегда знает, как заполнить паузу. Но я не знаю. Оливия – тем более.

– О, а это Макс, – говорит вдруг Уилл.

Челочник на секунду отрывается от экрана и еле заметно улыбается:

– Как оно?

Уфф. А он тоже симпатичный. Даже нет: как минимум красавчик. Настолько красив, что даже милым не назовешь. Только с челкой надо разобраться.

– Так на кого она похожа? – спрашивает Уилл, глядя на меня. – Прости, но меня это с ума сводит.

Стиснув губы, Макс оценивающе меня осматривает.

– Без понятия.

– Нет, она явно кого-то мне напоминает.

Дело в том, что я постоянно слышу подобное. Думаю, у меня просто очень типичное лицо. Забавно, но три незнакомых между собой человека убеждали меня, что я смахиваю на какую-то там актрису семидесятых – мол, я вроде как ее толстая версия. А незнакомцы говорят, что я похожа на их двоюродную сестру или подругу из летнего лагеря. Меня это подбешивает. И тревожит. Не исключено, что все эти кузины и лагерные знакомые и вправду мне кем-то

приходятся.

Сейчас я, наверное, должна сказать, что мы с Кэсси зачаты с помощью донора спермы. Так что меня всегда преследует мысль, что каждый новый знакомый может оказаться моим родственником.

– Слушай, я просто буду пялиться на тебя, пока не вспомню, – говорит Уилл.

Напротив фыркает Кэсси. До меня доходит, что они с Миной наблюдают за нами и это их дико веселит.

Я заливаюсь краской.

– Э-э, ладно, – отвечаю я, моргая.

Поезд начинает тормозить, и Оливия поднимается с места.

– Приехали. Чайнатаун.

– Мы тоже выходим, – заявляет Уилл.

Меня это не удивляет – здесь делает пересадку половина земного шара. Двери открываются, и вслед за нами на платформу выходят Кэсси с Миной. Кэсси что-то набирает в своем телефоне.

– Вам куда? – спрашивает Уилл; он до сих пор на меня таращится.

– Такома-парк. Красная ветка.

– А, окей. Нам в другую сторону. На Бетесду. Ну все, тогда пока.

Никогда не понимала, как действовать в таких ситуациях. Типа стоишь ты в очереди, и тут какая-то старушка начинает рассказывать тебе про внуков и артрит, а ты все киваешь и улыбаешься. Но когда подходит твоя очередь расплачиваться за покупки, ты такая: *вот и всё, прощайте навсегда*.

И это печально, если задуматься.

Табло показывает, что поезд в сторону Гленмонта будет через десять минут. Это наш. Но поезд до Шейди-Гроув буквально только что приехал. Уилл, Макс и Мина несутся по эскалатору, чтобы успеть.

Когда мы спускаемся на платформу, их поезда уже нет.

Что ж. Вот и всё.

2

Вот только у Кэсси есть номер Мины. Чему тут удивляться? Ей в этом нет равных. Порой она даже напрочь забывает, что секунду назад кто-то оставил ей телефон. Или один раз звонит, а потом «теряет». Безжалостная девушка.

– Ты приглянулась этому Уиллу, – пихает меня локтем Оливия.

– Что?

– Это такой предлог. Притворяешься, будто человек тебе кого-то напоминает, чтобы с ним поговорить.

– Кто тебе сказал?

– Интернет, – говорит она и с очень серьезным видом кивает.

Оливия вообще очень серьезный человек. Я думаю, что есть два типа спокойных людей. Одни – такие как я, с виду безобидные, но в тихом омуте, как известно, все время бушует буря и вертятся шестеренки. А другие – вроде Оливии – как океан в расслабленный солнечный денек. Я не говорю, что она простая. Но что-то умиротворяющее в ней есть и всегда было. Она любит драконов, календари с волшебными мирами и смотреть на звезды. А еще она с тринадцати лет встречается с одним и тем же парнем. Его зовут Эван Шульмейстер. Они познакомились в лагере.

– Эй, знаешь что. – Кэсси наклоняется ко мне. – Твой парниша ни с кем не встречается.

– Ты о ком?

– Ну рыжий твой. Мистер Попка-Персик-Узкие-Штаны. Одинок и в активном поиске. – Она машет передо мной телефоном и добавляет: – Мина подтвердила.

– Кэсси!

Она ухмыляется:

– Обращайся. Мина все устроит.

Я замираю.

– Что?..

– Он же тебе понравился, разве нет?

Я не отвечаю. Тупо пялюсь на нее, а Оливия хихикает.

– Ты так радостно с ним щебетала, – говорит Кэсси и пальцем тычет мне в плечо. – Ну слушай... Я же знаю твое любовное выражение лица.

– Нет у меня никакого выражения!

Блин... А что, если есть? Значит, все вокруг замечают, если мне кто-то нравиться?..

Тут я вздрагиваю – в кармане жужжит телефон. Сообщение от Эбби.

Молли!!! Расскажи про рыжего красавчика!

– Ты издеваешься? – я показываю сообщение Кэсси. – Уже и Эбби растрепала?

– Возможно.

Теперь мне дурно. Кажется, сейчас стошнит. Желательно на Кэсси – она снова кому-то строчит. Скорее всего, про меня и мою предполагаемую влюбленность в парня, с которым я разговаривала от силы пять минут. Кэсси думает, что знает меня лучше меня самой.

Но вообще да. Уилл – настоящий красавчик.

Оливия едва заметно мне улыбается.

– Ты чего так паникуешь, Молли?

Я просто пожимаю плечами.

– Мне казалось, ты хочешь завести бойфренда.

– Вот-вот, – встревает Кэсси, внезапно вернувшись к разговору. – Все эти тайные влюбленности Молли, которые ни к чему не приводят... С меня хватит.

– С тебя хватит, да? – у меня сжимается горло. – Ну, извини, что я не нравлюсь парням!

– Боже, какой бред, Молли! Ты же с ними даже не общаешься.

Началось!

Любимая тема Кэсси: мои двадцать шесть влюбленностей и ровно ноль поцелуев. А все потому, что я недостаточно смелая. Мол, если мне кто-то нравится, надо прямо ему об этом сказать. Может, в мире Кэсси так все и работает. Но я сомневаюсь, что то же самое происходит в мире полных девочек.

Не знаю. Я просто осторожна.

Кэсси нагибается ко мне. Ее лицо смягчается.

– Слушай... Я не собираюсь тебя позорить, понимаешь? Доверься мне.

Я пожимаю плечами.

– Давай-давай. Короче... Я организую тебе бойфренда.

Я откидываю челку со лба.

– Э-э... Не думаю, что это так просто.

А затем добиваю Кэсси своей фирменной гримасой. Мои мамы называют ее Молли-фейсом. Молли-фейс совмещает в себе кривой рот с поднятыми бровями и выражает вечный, бессмертный скептицизм.

– Да просто, я тебе говорю.

И все же нет. Похоже, она не понимает. Неспроста я влюблялась двадцать шесть раз и при этом ни с кем не встречалась.

Я не совсем понимаю, как кто-то вообще способен найти себе парня. Или девушку. Шансы нереально малы. Нужно влюбиться именно в *того* человека в *тот самый* миг – и в то же время понравиться ему. Идеальное совпадение чувств и обстоятельств... Совершенно необъяснимо, почему это случается сплошь и рядом.

И почему у меня так колотится сердце?..

Поезд подъезжает к Такоме, и Кэсси мгновенно вскакивает с места.

– А еще надо узнать, лесбиянка ли Мина.

– Ой-ой-ой, – говорю я, – поглядите-ка, у кого теперь любовное выражение.

– А почему ты сразу у нее не спросила? – интересуется Оливия.

– Ага, точно. – Кэсси качает головой. – Ладно, проверим, есть ли у нее фейсбук. – Она печатает на ходу. – А как тут вообще людей искать?

– Шутишь? – спрашиваю я.

В этом наше главное отличие. Я, можно сказать, родилась со знанием, как шпионить за людьми в социальных сетях. А Кэсси скорее из тех, за кем шпионят такие, как я.

– Хочешь Уилла спрошу, раз уж он мой будущий парень?

– Ш-ш-ш!

Она все еще смотрит в телефон.

Уверена, это лишь совпадение, что Кэсси хочет сделать моим бойфрендом

именно его. И это *никак* не связано с тем, что он дружит с девушкой ее мечты.

Кэсси вприпрыжку сходит с эскалатора, и мы с Оливией проходим за ней через турникет. Неподалеку, прислонившись к автомату с проездными, целуется какая-то парочка; автоматы предназначены совершенно для другого... Я быстро отвожу взгляд.

– Ты это с Миной до сих пор переписываешься? – спрашиваю я.

Кэсси улыбается.

– Не скажу.

Скажет. Обязательно. Если вам доводилось делить с кем-то материнскую утробу, секретов друг от друга у вас не бывает.

Естественно, в эту ночь я не могу уснуть. Часами пялюсь в потолок. Продолжаю прокручивать в голове вчерашнее – мозг отдыхать не хочет. Вот на меня косится Уилл – все пытается понять, кто же я такая. Вот синие пряди Оливии – они ярко сияют в лучах флуоресцентных ламп в метро. А вот и едва заметная улыбка Кэсси, которая появляется на ее лице каждый раз, когда гудит телефон.

Некоторые вечера буквально заряжены электричеством. Некоторые вечера меняют тебя навсегда. Мне кажется, что вчерашний был особенным, – но я не могу сказать почему.

Это странно.

Наконец меня клонит в сон. Кажется, проходит всего несколько секунд, прежде чем жужжит мой телефон.

Не спишь?

И смайлик. Это Кэсси.

Во рту ужасный привкус, глаза слиплись и болят. Видимо, так и должно быть. Вчера я умудрилась опьянеть, не выпив ни капли. Теперь у меня безалкогольное похмелье.

Смотрю на экран.

Телефон вибрирует еще раз.

МОЛЛИ, ВСТАВАЙ!!! СЕГОДНЯ ЖЕ ТВОЙ ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ!!!

Отвечаю:

Бегу!

И добавляю сонное эмодзи.

Она отвечает жутким бодрым эмодзи с выпученными глазами.

Я отправляю в ответ нахмурившуюся мордочку. Мою голову придавливает к подушке. Тело весит миллион фунтов. Но я заставляю себя встать и натянуть леггинсы и платье от ModCloth с оборками. И принять таблетку. Я уже четыре года на золотце[5]. Раньше в школьной столовой у меня случались панические атаки.

Долгая история.

В общем, я выхожу в коридор и чувствую запах масла и бекона. Мы из тех евреев, что едят бекон.

– Неужели это наш юный профессионал? – улыбается Патти.

Патти – одна из моих мам – выскакивает из кухни в безразмерной батиковой тунике.

– Вот, неси к столу, – говорит она и передает мне тарелку с горой оладий.

– Ладно...

– Котик, ты вся зеленая. Все хорошо?

– Да... – Я смотрю на оладьи. – Что ты пыталась испечь?

– Сердечки, – отвечает Патти.

У нее мука на подбородке.

– А-а-а-а.

– Кажется, больше похоже на пенисы.

– Угу.

– И мошонки, – добавляет она.

– Очень аппетитно, мам.

Это далеко не первый раз, когда она употребляет слово «мошонка» в отношении еды. Патти – акушерка, так что я привыкла слышать от нее подобное. Однажды она всю дорогу до торгового центра объясняла нам с Кэсси, что такое «собачья помада» (это возбужденный пенис пса). Короче, об анатомии Патти знает немало.

К слову, советоваться насчет помады мы с ней уже никогда не будем.

– Оставь братику попробовать, – просит Патти.

– Ксав любит мошонки, – киваю я.

Она поднимает бровь и забирает у меня тарелку.

Я заглядываю в столовую. Все уже проснулись. Естественно. Надин работает учителем, а потому даже летом встает, как она выражается, «с рассветом на заднице». Или «жопе», тут как придется. Ксавье тоже встает с рассветом на пятой точке – такой уж он ребенок.

– Не вздумай! – говорит Надин, грозно глядя на него.

А Ксавье расплывается в широкой улыбке и произносит, сидя на своем стульчике:

– Момо.

Это значит «Молли».

В двух словах: чтобы зачать нас с Кэсси, Патти обратилась в банк спермы. А два года назад Надин использовала сперму того же донора, чтобы зачать Ксавье. Посторонним нелегко переварить эту информацию. Некоторые любят общаться мне, что технически Ксавье мой брат лишь по отцу. Эти же люди просвещают меня насчет того, что на самом деле мы с Эбби не двоюродные сестры. А Надин – не моя настоящая мать. Уверена, что если бы Надин, Эбби и Ксавье были белыми, никто бы это под сомнение не ставил.

Надо ли говорить, что я ненавижу таких умников?

Ксавье бросает кусочек банана на пол и хнычет.

– Все, чувак, – говорит ему Надин, – банана больше нет. Потрачено.

– Ты хоть знаешь, что это значит? – спрашивает сидящая напротив Кэсси.

– Я знаю куда больше, чем ты думаешь, – ухмыляется Надин. Ксавье блеет, словно козленок, и Надин целует его в лоб. – Эй, спокойно, Ксэйвор Ксэв.

Ксэйвор Ксэв, как Флэйвор Флэв[6]. В этом вся Надин.

В столовую заходит Патти. У нее в руках тарелка с беконом, прикрытым бумажным полотенцем.

– Надеюсь, ты готова, – говорит она Кэсси.

Любовь Кэсси к бекону широко и печально известна.

Однако сейчас она откидывается на спинку стула и улыбается:

– Вообще-то я не голодна.

– Кто ты такая и что ты сделала с Кэсси? – выпучив глаза, спрашивает Надин.

Кэсси хохочет и пожимает плечами. Она из тех худосочных девочек, которые каждый раз наедаются, словно перед спячкой. Но сейчас она даже не приоткрыла рот к завтраку. Ни кусочка не съела. Удивительно.

– Ну правда, Китти Кэт. Что происходит?

– Да ничего. Просто... – она умолкает на полуслове; ее руки исчезают под столом, следом опускается и взгляд.

Читает сообщение.

От Мины. Сто процентов. Наверное, решает, как вынудить Уилла пригласить меня на свидание. От одной этой мысли меня бросает в жар.

– Ну а ты, Молли? Как себя чувствуешь? – спрашивает Надин. – Волнуешься? Переживаешь?

– Из-за чего?

– Сегодня же большой день. Начало твоей трудовой жизни.

Я поднимаю бровь:

– Ты же понимаешь, что я там не мозг буду оперировать? Я устроилась в магазин.

– Момомомо! – перебивает Ксав. – Какакакака!

– Эй, хватит меня так называть, – хмурится Кэсси.

– Всегда зови ее именно так, – говорит Надин.

Кэсси корчит ей гримасу, а потом проводит ногой по моей ноге, от колена до пятки. Наши ноги всегда были практически идентичны, вплоть до миллиметра. Думаю, у нас до сих пор один и тот же размер.

– Ты когда уходишь? – Кэсси наклоняется ко мне, уперев кулаки в стол, и улыбается.

– Через несколько минут... – начинаю я, но Кэсси многозначительно смотрит на меня, и я исправляюсь: – Прямо сейчас?

– Отлично! Провожу тебя до работы, – говорит она и резко встает, сунув телефон в задний карман. – Идем.

– Ночью я четыре часа переписывалась с Миной, – сообщает Кэсси, стоит нам выйти за порог. Кажется, она чуть не лопнула, пока держала это в себе.

– Ого!

– Ага.

Я чувствую на себе ее взгляд и знаю, что она ждет от меня комментария. Или вопроса. И – может, это ментальная связь между близнецами – мне передается ее возбуждение. Оно буквально пульсирует во мне.

Почему-то мне не кажется, что это история о поиске *моей* половинки.

– Ну так о чем болтали?

– Да просто, как бывает... – Она смеется. – Правда, даже не знаю, о чем. Музыка. Фотография – она снимает. Обо всем, короче.

– Четыре часа.

– Угу.

Кэсси улыбается.

– Круто. – Я выдерживаю паузу и спрашиваю: – Так что, ей нравятся девушки?

– Молли. Я не знаю.

Она отвечает резко, и мне становится не по себе.

– Ясно, – осторожно говорю я.

С минуту мы молчим. Слышно, как чирикают птицы.

Такома-парк прекрасен. Большую часть времени ты ничего вроде бы не замечаешь, а потом вдруг – бах! – и все это великолепие сваливается на тебя в одночасье. Например, летом в восемь пятнадцать утра солнечные лучи мягко пробиваются сквозь ветви деревьев. Вокруг – яркие дома с подвесными качелями, «музыкой ветра» на крылечках и цветами на ступеньках.

Мне хочется просто смотреть на цветы. Хочется идти по Тюлип-авеню, чувствовать голод, чувствовать, что снова хочется спать, и понимать, что Кэсси на меня не злится. Зря я спросила про Мину. Хотя если она раздражается из-за того, что я сую нос в ее любовные дела... Откуда тогда у нее право так нагло лезть в мои?

Правда, через минутку она говорит:

– Так, после обеда встретимся с Миной во «Фрозен-йо»[7] и обсудим стратегию.

– Стратегию?

– По соблазнению рыжего. Операция «Бойфренд». Операция «Целующаяся Молли».

О боже! Seriously, что ли? Я качаю головой.

– Ладно, но у меня же...

– Молли, я знаю, что у тебя работа. Но освободишься ты в три, а мы встречаемся в три тридцать. Идет?

– Я не хочу вам мешать. А то скажешь еще, что я обломщица.

– Молли, – смеется Кэсси. – Невозможно кого-либо обломать в кафе с замороженным йогуртом. Оно обламывает само по себе.

– Это точно.

– Но смотри, – говорит Кэсси, глядя мне в глаза, – ты обязана прийти. – Похоже, она искренне.

– Ладно, буду, – наконец отвечаю я.

– Ништяк! – Кэсси дает мне пять. – Ох, блин. Приступим!

3

Возможно, в наказание за мою утреннюю самоуверенность теперь я начинаю нервничать из-за работы. Даже несмотря на то, что это не операция на мозге. И слава богу. Не думаю, что когда-нибудь найдется человек, который доверит мне свой мозг. В частности, потому что мои руки дрожат – совсем чуть-чуть – даже когда я просто касаюсь дверной ручки.

Магазин выглядит как обычно – словно Зоуи Дешанель[8], разорвавшаяся на пять тысяч скатертей, расписанных тарелок и стоек с открытками. Он называется «Биссель». Нет, это не производитель пылесосов[9]. На идише это слово означает «немножко». Попробуйте *биссель* потратиться в «Бисселе». Удачи. На одни украшения ручной работы уйдет вся ваша зарплата.

Не верится, что я вхожу сюда как сотрудник.

Я сотрудник.

Владельцы магазина, Дебора и Арье Уэртеймы, стоят за прилавком. Я смущаюсь.

– Здравствуйтесь, – говорю я до смешного высоким голосом. Писклявая Молли. Суперпрофессионал.

Дебора отрывает взгляд от кассового аппарата.

– Молли, привет! Ты уже пришла. Отлично! – Она опирается обеими руками на прилавок и расплывается в лучезарной улыбке. – Мы очень, очень рады, что ты теперь в наших рядах.

Она ужасно милая. Они оба такие. Именно это запомнилось мне с собеседования. Уэртеймы милы, словно психологи: кажется, что они с удовольствием выслушают все, что тебе есть сказать о жизни и человечестве. Они женаты и идеально подходят друг другу – оба высокие и крупные, и очки у них одинаковые, в толстой оправе. Арье лысый, а непослушные черные волосы Деборы собраны в пучок. Иногда она делает два пучка, как Сейлор Мун, хотя ей, наверное, уже за сорок. Мне это нравится. А еще их руки покрыты яркими замысловатыми татуировками. В общем, это самые крутые взрослые на планете. Ну, в Мэриленде так точно.

– Хм, кажется, основное мы рассказали на собеседовании. Ты помнишь, как работать с кассовым аппаратом?

Я киваю, хотя не имею ни малейшего понятия, как с ним управляться.

– Круто! Знаешь, сегодня касса капризничает, так что отведу тебя в подсобку к Риду. Он тебе все покажет. Ты с ним знакома?

– Не думаю.

– Ну, сейчас мы это исправим. – Дебора кладет руку мне на плечо. – погоди секундочку.

Она уходит в подсобку через детскую секцию. Я пытаюсь держаться как ни в чем не бывало. Играет музыка – какое-то легкое инди. Кэсси узнала бы группу. Рядом со мной стойка с керамическими кружками в виде китов. Естественно, в «Бисселе» продаются кружки в виде китов. Естественно, такие кружки существуют. Не понимаю, как можно зайти в этот магазин и моментально в него не влюбиться.

Через минутку Дебора возвращается с парнем, которого я, оказывается, уже где-то видела. Он высокий и крупный – словом, *крепыш*. На футболке – карта Средиземья[10]. А кроссовки сияют белизной – либо новые, либо только что из

химчистки.

– Молли, это Рид. Рид, это Молли.

– Привет, – говорит он, застенчиво улыбаясь.

– Привет, – улыбаюсь я в ответ.

Дебора поворачивается ко мне:

– Молли, ты переходишь в выпускной класс?

Я киваю.

– Прекрасно! Вы ровесники. Уверена, у вас много общего.

Типичная логика взрослых. Мы с Ридом примерно одного возраста, а значит, как минимум родственные души. Это как с гороскопом. Я должна верить, что меня и всех, кто родился в тот же день, связывает нечто большее. Ну или всех Стрельцов. Даже нас с Кэсси не так уж много объединяет, а мы родились с разницей в шесть минут.

Извините, конечно, но этот парень добровольно носит на себе рекламу «Властелина колец». Не думаю, что мы похожи.

Кажется, пока мы идем через детский отдел, он думает, что сказать. Я сразу вспоминаю все те бессмысленные фразы, которые люди выдавливают из себя, когда им неловко: «Ну, э-э, в общем, это...»

Впрочем, Рид из себя ничего не выдавливает. Он сам – воплощение этих слов. Мне бы хотелось, чтобы для таких ситуаций существовал некий тайный сигнал: ПРИВЕТ. МНЕ, В ОБЩЕМ-ТО, КОМФОРТНО И В ТИШИНЕ.

Это неправда, но вдруг он сможет расслабиться...

Несколько секунд мы стоим у входа в подсобку. Вокруг картонные коробки и простая деревянная мебель. Я покусываю губу. Мне неудобно.

– Добро пожаловать, – наконец произносит он.

– Спасибо, – отвечаю я и улыбаюсь.

Он настолько высокий, что мне приходится задирать голову. Выглядит он неплохо. Волосы хорошие. Идеальные взъерошенные волосы парня – каштановые, мягкие и немного вьющиеся. А еще очки. И губы очень соблазнительные. Я всегда обращаю внимание на губы.

– А ты здесь давно работаешь, да? Я тебя уже видела, – говорю я и сразу же краснею.

Не хочу, чтобы он решил, будто я его ЗАПРИМЕТИЛА. Я его замечала, конечно, но не в этом смысле. Просто потому, что он часто здесь бывал и не очень хорошо вписывался. По мне, «Биссель» – это магазин для людей, которые обращают внимание на неприметные детали. Вроде текстуры плетеной салфетки или узора на салатной ложке.

Не думаю, что для Рида имеет значение узор на салатной ложке.

– Ну да, я здесь постоянно. Это неизбежно. – Он пожимает плечами. – Родители.

– Родители?

– Арье и Дебора.

От удивления я прикрываю рот рукой.

– Арье и Дебора – твои родители?

– А ты не знала? – Кажется, его это забавляет.

Я медленно качаю головой:

– Да уж. Только что ты взорвал мне мозг.

– Серьезно? – смеется он. – Почему?

– Потому что! Не знаю. Просто Дебора и Арье такие... – Крутые и по панку, а не по «Властелину колец». – У них же татуировки, – выдаю я наконец.

Он кивает.

– Ага.

Какое-то время я пялюсь в никуда, а он опять начинает смеяться.

– Похоже, тебя это удивило.

– Нет, я просто... – Я снова качаю головой. – Не знаю.

И снова эта тишина.

– Э-э, не хочешь распаковать что-нибудь из детского? – наконец спрашивает Рид и легонько пинает коробку мыском кроссовки.

Тогда мы садимся рядом с ней и скрещиваем ноги по-турецки. Хорошо, что я надела леггинсы под платье.

Рид достает из коробки кипу детских боди.

– На них нужно приклеить ценники, – говорит он. – Ты знаешь, как это делать?

– Как клеить наклейки?

– Это не так уж и просто, – отвечает он. Мы улыбаемся друг другу.

Я беру в руки боди.

– Отлично подойдет для Такома-парка.

Неокрашенный хлопок гендерно-нейтрального покроя с овощным принтом. Seriously. Детей вынуждают носить на себе овощные знамена, пока они не подрастут и не смогут сказать: «Выкуси, мам, хочу мороженое».

– Это вторая поставка. На прошлой неделе продали всю партию, – говорит Рид.

– Ну разумеется, это вторая поставка.

– Овощи сейчас очень популярны. – Он опускает глаза и улыбается.

Мы молча клеим ценники на бирки и аккуратно складываем боди. А когда заканчиваем, Рид говорит:

– Вроде бы есть еще пеленки.

Я беру одну в руки и читаю на бирке:

– «Натуральная конопля».

– Ага.

– Правда? – я смотрю на него с удивлением.

Он смеется.

– Правда.

Значит, есть и такие родители, которые скручивают своих детей, как косяки.

Забавно наблюдать за тем, как работает Средиземный Рид. Наименее изящный человек из всех, кого я встречала, горбатится над всеми этими изящнейшими детскими штучковинами. Ему тяжело складывать крошечную одежду. Видимо, руки слишком большие.

Может, из-за этого меня и наняли – из-за маленьких ручек и умения аккуратно сворачивать одежду.

Вдруг он поднимает на меня взгляд:

– Можно вопрос?

– Конечно.

– Просто любопытно. Почему тебя так удивляют татуировки моих родителей?

Э-э-э... Потому что они твои родственники.

– Потому что они евреи? – добавляет он.

– О нет! Конечно, нет. Я знаю, что они евреи. В смысле магазин же называется «Биссель». И фамилия у них Уэртейм.

Он смеется.

– У меня тоже. Рид Уэртейм.

Он подается вперед и протягивает мне руку. Хм. Рукопожатие у него уверенное.

– Молли Пескин-Сусо, – говорю я.

– Пескин! – восклицает Рид. – Ты тоже еврейка?

– Да.

– Серьезно?

У него загораются глаза. Ясно, о чем он думает. Я не считаю себя какой-то супереврейкой, я даже в синагогу не хожу. Но когда я встречаю другого еврея, я испытываю особое чувство. Как будто мне тайно дают пять.

Забавно все это. Обычно, встречаясь с парнем в первый раз, я смущаюсь и молчу. Так и приходят к двадцати шести влюбленностям и нулю поцелуев. Но рядом со Средиземным Ридом я нервничаю, как при обычном новом знакомстве. Ни больше ни меньше.

И сказать по правде, это замечательно.

К трем часам мы с Ридом распаковали и обклеили ценниками шесть коробок детских товаров. Времени для разговоров было предостаточно. Пока что я смогла выяснить, что он очень любит шоколадные яйца «Кэдбери». Я спросила, сколько же он съел их в прошлом месяце, а он ответил, что ест «Кэдбери» всегда. Наверное, закупает целую кучу на Пасху и оставляет про запас.

Уважаю.

Я ухожу с работы ровно в три. Поезд в метро приходит вовремя, так что на Силвер-Спринг я оказываюсь раньше времени; спускаюсь по Эллсворт-драйв и забиваюсь в уголок при входе во «Фрозен-йо». Тут не меньше пятидесяти миллиардов ресторанов и даже в будни полно народу. Папаши толкают перед собой коляски; девочки, с виду мои ровесницы, разгуливают в костюмах, словно работницы банка. Мои мамы часто вспоминают, каким был Силвер-Спринг до реконструкции. Грустно, когда изменения приводят к худшему.

Я откидываюсь к стене и играю в телефоне. Социальные сети пробили дно: фейсбук и инстаграм переполнены селфи, причем люди на них делают вид, будто это и не селфи вовсе: смотрят куда-то вдаль и стараются выглядеть естественно. Мне нужна кнопка «не нравится». Не то чтобы я бы ею пользовалась, но...

Интересно, где Кэсси с Миной? Обычно Кэсси не опаздывает, но я жду уже десять минут. Не знаю даже, злиться мне или переживать. Однако в три сорок пять я их замечаю: идут вместе, над чем-то смеются, в руках по пакету из N&M. И никуда не спешат.

Не нравится. Дизлайк.

– Привет, – произносит Кэсси, улыбаясь. – Мину ты помнишь.

– Из туалета, – добавляет Мина.

У меня вырывается смешок.

Меня в себе это очень расстраивает: если всем хорошо, то и я тоже не в со-

стоянии злиться. Мои конформистские чувства... Лажа это. Иногда очень хочется по-настоящему впасть в ярость.

– О боже, какой крутой кулончик, – замечает Мина.

Я краснею.

– Ой... Я сама его сделала.

– Серьезно?

– Ну да, это просто. Видишь, это старая молния, – говорю я и подаюсь вперед. – Отрезаешь конец и расстегиваешь, получается сердечко. А потом сшиваешь внизу.

– Молли все время мастерит подобную хренотень, – горделиво поясняет Кэсси.

Они кладут пакеты на соседний столик. Наверное, ходят по магазинам с обеда. Как по мне, ужасное коллективное занятие – впрочем, для людей с маленьким размером все может быть по-другому. Наверное, они и в примерочную ходили вместе. И, вероятно, наряды купили одинаковые.

Я беру пустой стаканчик для йогурта. Здесь самообслуживание. Можно выбрать какой угодно вкус, а потом добавить любой из пятидесяти миллионов топпингов. Не всем по душе такое разнообразие – а вот я справляюсь как профи. Нужно знать, что любишь, только и всего.

Я расплачиваюсь и иду обратно. Вскоре ко мне подсаживается Мина. Она заглядывает в мой стаканчик.

– Что взяла?

– Шоколад с печеньем.

Как я и сказала. Я профи.

Тогда Мина показывает мне свой йогурт. Естественно, она из тех, кто жутко теряет от чрезмерной свободы, потому и смешивает мармеладных мишек с шоколадом.

– Кэсси сказала, ты ходишь в Джорджтаун Дэй[11]. – Слова даются мне с трудом.

– Ага. Перехожу в выпускной класс.

– Мы тоже. А еще ты фотографируешь?

– Да ты все обо мне знаешь! – восклицает она.

Я краснею. Что ж... Криповый я персонаж – всегда знаю о людях больше, чем они знают обо мне.

Повисает неловкая пауза.

– Наша подруга Оливия тоже фотографирует, – вставляю я, просто чтобы хоть что-то сказать.

– Ух ты, круто! Ну, я только начала заниматься. Уилл – вы с ним виделись, тот, рыжий... Он очень талантливый. Подтягивает меня по основам. У него есть эта программа, в которой можно настраивать яркость и цвет изображений. А еще скоро он научит меня работать с бликами. – Мина замолкает. – Я не слишком разболталась?

– Нет, ты...

– Я много говорю, когда нервничаю.

– А ты нервничаешь? – спрашиваю я.

Она пожимает плечами и улыбается.

– Не знаю. Это все так неловко, да? Тебе не кажется это странным? Лезть из кожи вон, когда стараешься с кем-то подружиться.

– Наверное, – говорю я.

– У нас с друзьями такого не было – типа, знаешь: «Эй, давай дружить». У нас было что-то вроде: «Окей, ладно. Ты здесь и ты мне нравишься».

– То же самое я сказала Кэсси в утробе.

Мина смеется и почесывает руку. Рукав рубашки задирается и обнажает краешек татуировки. Непонятно, что там изображено. И все-таки – у нее есть татуировка. При том, что она моя ровесница. Рядом с ней я чувствую себя слегка ущербной.

Тут напротив садится Кэсси.

– Долго же ты, – отмечает Мина.

– Да. Решения.

В этом вся Кэсси. Каждый раз она по три часа выбирает себе йогурт, но останавливается на одном и том же варианте. Ванильный. И какой-нибудь особенный мармелад. ПАМЯТКА ДЛЯ КЭССИ: все мармеладки на вкус одинаковые. Честное слово.

– Так, ладно, мне надо закончить свою теорию, – сообщает Кэсси и сует в рот полную ложку йогурта. – Молли, ты пропустила: мы обсуждали предков.

– Э-э... Что?

– Ну, предков. Родственников, которые умерли до твоего рождения.

– Почему вы о них вспомнили?

Ложка Кэсси замирает в воздухе.

– Да сложно сказать...

– Ну, мы начали с доноров спермы, – поясняет Мина, – рассуждали, считаются ли доноры спермы твоими родственниками.

– Точно! – подхватывает Кэсси. – Так вот, моя теория. У каждого есть предки, и они встречаются и тусуются в раю или аду. Если что, это не официальные положения иудаизма. Не раввин нашептал.

– Я догадалась, – улыбаюсь я.

– Ага. Так вот. Сидят они там, пьют амброзию и все остальное...

– Раввин такого бы точно не нашептал.

Она не обращает на меня внимания и продолжает:

– И вот у одного из их потомков появляется ребенок. И это ты! Ты рождаешься, и твои предки всю жизнь за тобой наблюдают. Переживают за тебя, обсуждают твои решения. Но вмешиваться им запрещено. Можно только смотреть. Вроде реалити-шоу.

– Очень, очень скучное реалити-шоу, – говорю я.

– Да, но им-то не скучно, понимаешь? Ты же их потомок. – Кэсси хлопает в ладоши. – Они на тебя поставили.

Мина облизывает ложку и кивает.

– А потом ты стареешь, умираешь, – продолжает Кэсси, – и тоже оказываешься в раю, где ты уже гребаная знаменитость. И твои предки такие типа: «Знаешь, я хотел, чтобы ты была с другой девушкой, но ничего». И: «Мне жаль, что ты постарела и умерла». А ты типа: «Ага, отстой, но ничего не попишешь». – Кэсси пожимает плечами. – И так ты сама становишься одним из предков, и когда рождается следующий ребенок, наблюдаешь за ним со всеми остальными. И так до бесконечности.

– Жутковато, – говорит Мина.

Кэсси наклоняет голову набок.

– Почему?

– Ну, получается, за тобой без перерыва наблюдает толпа мертвецов! Они смотрят, как ты писаешь, занимаешься сексом, мастурбируешь. А потом все это обсуждают.

– Фу. Да нет же. – Кэсси быстро качает головой. – Это не кучка извращенцев. На *такое* они не смотрят. И потом, у них по миллиону потомков, так что они не могут следить за всеми настолько пристально. Они как будто переключают каналы.

– Нет, погоди, только что ты по-другому говорила, – возражает Мина, взмахнув ложкой. Мне это нравится. Люблю, когда Кэсси бросают вызов. Думаю, ей и самой это нравится.

– Ну, теория еще в разработке, – оправдывается Кэсси с улыбкой.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, пускай мертвецы не подглядывают, как я писаю, – просит Мина. А потом смотрит на меня и со стоном закрывает лицо. – Боже... Молли, наверное, ты думаешь, что я только о туалете и говорю.

– Так и есть.

В ответ она показывает мне язык.

И я понимаю, что действительно могу с ней подружиться. Два настоящих друга за день, а еще даже половины пятого нет. Туалетная Мина и Средиземный Рид. Отлично сработано, Молли. Я чувствую, что расплываюсь в улыбке.

Кэсси кивает:

– Ладно, вводим цензуру. Им нельзя наблюдать за тобой в туалете, в постели и все такое.

– Но ты же не можешь им приказать, – замечает Мина. – Все-таки это метафизическая теория, а не реалити-шоу.

– Но это *моя* метафизическая теория, – фыркает Кэсси.

Я обдумываю эту идею. Странно, но мне она по душе. Внушает спокойствие. Приятно представлять себе кучу народа, и все за тебя переживают. Болеют за твое счастье. А когда кто-то тебя обижает, злятся. И хотят, чтобы твоя любовь была взаимной. Чтобы тебе ответили взаимностью все двадцать шесть человек.

Это значило бы, что ты *важна*. В этом вся штука. Иногда я так переживаю... Я никому об этом не рассказывала – ни мамам, ни даже Кэсси, – но именно этого я больше всего боюсь: быть неважной. Жить в мире, где всем на меня плевать.

Это абсолютно иная степень одиночества.

Наверное, это из-за сестры-близнеца. Я никогда не была по-настоящему одинока, поэтому меня так сильно это и пугает.

– Они и сейчас за нами наблюдают, – говорит Кэсси и обращает глаза к потолку. – Привет, предки. Обязательно попробуйте замороженный йогурт. Отличная штука, – прибавляет она и поднимает большие пальцы вверх.

А Мина закрывает лицо руками и хохочет.

4

Естественно, всю неделю Кэсси говорит исключительно о Мине. Стоит мамам уйти из дома или нам оказаться наедине, и начинается...

В пятницу она подсаживается ко мне на диван, как раз когда я собираюсь посмотреть «Молодых мамочек»[12].

– Ты знала, что Мина – корейка? То есть американская корейка, ну ты поняла.

– Да, ты уже говорила.

– Ее родители родились здесь, но у нее есть родственники в Южной Корее. Она собирается туда в августе. Наверное, замутит там фотопроект.

В общем-то, я не из тех, кто терпеть не может комментарии во время просмотра сериала, – но это должны быть комментарии *о происходящем на экране*. Например: я спокойно отношусь к репликам Надин *о чересчур-взрослых, скрысиной-рожей и зачем-ты-вообще-на-них-смотришь* папашах.

Скрестив ноги, Кэсси откидывается назад.

– А еще ей очень нравятся пингвины.

Пингвины. Никакого уважения к папашам.

– Рада за нее.

Напоминает времена, когда Эбби начала встречаться со своим первым парнем. Нам было пятнадцать. Он ходил с ней на математику. И если Эбби открывала рот, то каждое произнесенное ей слово звучало одинаково: *Даррелл*. Даррелл ненавидит яблочное пюре. Даррелл очень хорошо танцует. Однажды Даррелл ездил во Флориду. Как будто одно его имя приводило ее в восторг.

– А еще, – как ни в чем не бывало говорит Кэсси, – Мина – пансексуалка.

Я ставлю TiVo[13] на паузу и выпрямляюсь, будто кол проглотила.

– Погоди... Что?

Кэсси утыкается лицом в диванную подушку.

– Как ты узнала?

– Просто спросила.

– Кэсси! – говорю я, прикрыв рот ладонью. – Ты шутишь? Это же здорово!

– Ну да. Только это не значит, что я ей нравлюсь.

Я разворачиваюсь на все сто восемьдесят градусов и смотрю на нее.

– Да это и не имеет значения, – добавляет она с едва заметной улыбкой. А потом обнимает подушку и вздыхает.

– Кэсс.

Такой я ее никогда не видела. Кэсси все время флиртует с девушками. Как правило, она очаровательна – иногда беззаботна, иногда сосредоточена. Но – уязвима? – нет, такого раньше не было. Она никогда так не переживала.

– Имеет, конечно, – говорю я мягко.

– Да, да, она дико милая. И да, я хочу быть с ней, – выдает Кэсси и стонет в подушку.

– О боже. Ты втюрилась. По-настоящему.

– Да пофиг, – отвечает она.

Но ее горящие радиоактивным алым щеки говорят обратное.

Обычно это происходит со мной. Это я краснею, это я теряю голову, как типичная героиня любовного романа. Только без поцелуев. У Кэсси же все иначе.

Но сейчас что-то изменилось. И это по-настоящему завораживает.

– Что ты так смотришь? – спрашивает она.

У меня дергается губа.

– Никак я не смотрю.

– Ненавижу тебя!

Она ухмыляется, и я ухмыляюсь в ответ. Кэсси перецеловала немало девчонок – и поверьте, я знаю буквально о каждой молекуле слюны, имеющей к этому отношение. А тут...

С Миной совсем другая история.

В субботу я просыпаюсь от сообщения Эбби.

В этом нет ничего необычного. Эбби не просто моя кузина. Как и Кэсси, она моя лучшая подруга. Даже ближе Оливии. Это забавно. Мы с Оливией тихони, а Кэсси и Эбби – с точностью до наоборот, но когда нам доводилось делиться на пары, обычно мы гуляли с Кэсси, а Эбби с Оливией. Или Эбби со мной, а Оливия с Кэсси. Как-то так. Видно, дружба далеко не всегда измеряется общими интересами.

В общем, раньше Эбби жила в двух кварталах от нас, но в прошлом году переехала в Джорджию. Хреново, конечно. Но мы каждую неделю разговариваем. И переписываемся столько, что это походит на один непрекращающийся диалог.

Я нажимаю на экран. Тут два сообщения. Первое:

Нужно поговорить. СРОЧНО.

А второе – с подмигивающим эмодзи.

В определенном контексте подмигивающее эмодзи означает секс.

Наверное, прошлой ночью Эбби переспала со своим бойфрендом. Да, в Джорджии у нее есть парень. Зовут Ник. Судя по фоткам, он симпатичный. Кажется, для Эбби не составляет проблемы найти себе ухажера. Честно говоря, возникает впечатление, что у нее и вовсе нет проблем. Но Эбби – моя прекрасная кузина, и я за нее рада и нисколько не завидую. Потому что зависть – это отстой.

Не хочу быть отстойницей.

Я зеваю, тру глаза и печатаю:

Привет-привет, подмигивалка. Че там?

Вскоре приходит ответ: покрасневшее улыбающееся эмодзи.

Секс, не иначе.

Звоню.

– Поздравляю, – говорю я, как только она поднимает трубку.

Смеется.

– Эй, ты ведь даже не знаешь, что я хочу сказать!

– Да это очевидно. – Я переворачиваюсь на бок. – Но ты все равно рассказывай.

– Ну, ты меня смущаешь!

– Как? Почему?

– Не знаю! – хихикает она. – Ох. Ладно, сейчас. Проверю, не дежурит ли папа в коридоре.

– Хорошая мысль, – замечаю я.

Когда дело доходит до парней, дядя Альберт ведет себя неадекватно. Однажды он увидел, как Эбби держалась с кем-то за руку, и приговорил ее к

недельному домашнему аресту.

– Все норм, – возвращается она через пару секунд.

– Чисто?

– Ага. – Я слышу, как она вздыхает. – Итак...

И вот что странно: в душу закрадывается какое-то неприятное чувство; меня как будто тошнит. Не понимаю почему. В ее бойфренда я не влюблена. Да я с ним даже не знакома. И о тревожном ожидании тоже речи не идет. Я ведь понимаю, что скажет Эбби.

Она скажет, что переспала с Ником.

– Я переспала с Ником, – говорит она почти шепотом.

– Я так и знала!

Эбби смеется.

– Боже! Так неловко об этом говорить.

Представляю, как она падает на кровать и закрывает лицо руками. Эбби, как и Кэсси, никогда не краснеет, хотя по ее темно-коричневой коже это не так-то просто определить. Стыд, неловкость и самодовольство Эбби выражает иначе: в такие моменты у нее невольно поднимается уголок рта.

Вот и сейчас – я слышу, как у нее меняется голос – краешек губ ползет вверх.

– И как это было? – спрашиваю я.

– Это было... Ну, знаешь. Хорошо.

Ничего я не знаю. И вообще не в теме. Даже понятия не имею, какой задать вопрос.

– Лучше, чем с Дарреллом?

– Ага, – отвечает она после небольшой паузы. – Сто процентов.

– Ну так отлично!

– Ты же не думаешь, что я шлюха?

– Что? Нет!

– Мы встречаемся только пять месяцев. Довольно быстро все...

– Нет, – говорю я, – совсем нет.

– Да знаю. Но... В общем, я знакома с одной девочкой. Абсолютно отвратительной. Слышала бы ты, как она рассказывает про свой обмен веществ – а он у нее сверхскоростной, и все, конечно, должны быть в курсе. Зачем я вообще ее слушаю... Короче. Недавно она сказала, что если ты встречаешься с кем-то в школе, то секса у вас не должно быть как минимум год. Не могу выбросить это из головы. Понимаешь?

– Эбби... Мне жаль.

– Да все в порядке. Ну знаешь, слово «шлюха» она не говорила, но подразумевала. А я подумала: класс. Я шлюха, значит.

У нее слегка надламывается голос, а я не знаю, что сказать. Я в этом не специалист.

Есть одна вещь, которую я никогда бы не произнесла вслух: часть меня верит, что если тебя называют шлюхой, то это такой тайный комплимент. Это значит, что у тебя бывает секс. Что люди тебя хотят. В общем, шлюха равно нормальная девушка.

Наверное, я ошибаюсь. Очень сильно ошибаюсь.

– Эбби, никакая ты не шлюха, – убедительно заявляю я. – Кто она вообще такая, эта девка? Сучка.

– Да знаю, знаю. Бред.

– У Оливии был секс. У Кэсси тоже, причем какой хочешь. С тобой все в порядке. И, между прочим, никого, кроме тебя, это не касается.

– Да, ты права.

– Ну так рассказывай, – прошу я. – С самого начала. Как это произошло?

– Ладно. – Я слышу шорох и представляю, как она садится на кровати. – Мы были на концерте. На Weeries – расскажи Кэсси, кстати. Ну так вот, потом мы двинули домой к Саймону, смотрели ящик, и Нику написала мама.

– Э-э-э, пока я что-то не врубаюсь, как дело дошло до секса.

– Ха. В общем, мама сказала ему, что ее вызвали на работу в больницу.

– А-а-а.

Снова меняется голос – Эбби расплывается в улыбке.

– Вот-вот. Тогда мы ушли...

– Вы с Ником остались наедине... – говорю я. – И?..

– И – да!

– Отлично сработано.

– Спасибо. – Она радостно зевает. – А что у тебя?

– Переспала ли я с кем-то вчера?

– Нет! Хотя... Переспала?

Если бы Эбби была рядом, я бы испепелила ее взглядом. Должно быть, она это понимает.

– А как же, – ехидничаю я. – Ты же меня знаешь.

– Молли! Я хочу быть в курсе, что там у тебя происходит. Как там этот мальчик с баками?

– С подготовки к тестам?

– Ага!

Влюбленность номер двадцать пять: Подготовительный Куинн. На самом деле мы даже ни разу не разговаривали, но я на восемьдесят процентов уверена, что его зовут Куинн. Однажды после теста по математике у нас произошел потенциально значимый зрительный контакт.

– Без понятия. Надеюсь, у него все хорошо.

– Ты о чем?

– О тестах.

– Не смейся...

Я пожимаю плечами. Она меня не видит, но наверняка это чувствует.

– Почему ты больше не рассказываешь мне о парнях? – спрашивает Эбби.

– Так ведь нечего рассказывать.

Когда разговор заканчивается, я зарываюсь в подушки. Эбби переспала с Ником. Значит, у нее был секс уже с двумя парнями. А я с двумя парнями даже не целовалась. Да я и с одним не целовалась. Конечно, это не соревнование. Но ощущение, что я сильно отстала от остальных, никуда не уходит.

Из нашей четверки – Кэсси, Эбби, Оливии и меня – я последняя девственница. Это не новость, но я не могу понять, почему меня это вдруг стало беспокоить. Впрочем, дело не совсем в сексе.

Тут другое. Представляю себе картину: Эбби и Ник тусуются после концерта – сонные, довольные, в окружении друзей. Она сидит у него на коленях. Потом приходит сообщение от мамы. Они резко поднимаются и уходят, все над ними подшучивают. Эбби и Ник наверняка смущены. И сразу же берутся за

руки, стоит им выйти за порог.

Вот этому я и завидую. Завидую мгновению, когда Ник вставляет ключ в замок. Это не эвфемизм. Просто ключ в замке пустого дома. Сладкий момент предвкушения. О чем думала Эбби? Что она чувствовала? Я бы на ее месте умерла от волнения.

Так что вот она, правда: я очень, очень этого хочу. Так сильно, что иногда мне больно физически.

Я хочу тихих бесед, как у Оливии и Эвана Шульмейстера, ради которых она отстает от нас на пять шагов. Просто чтобы поговорить с парнем по телефону наедине. Я хочу почти осязаемого электричества, исходящего сейчас от Кэсси. Я хочу знать, каково это – влюбиться и знать, что *однажды он может стать моим бойфрендом*.

Желания...

Я достаю телефон. Голова идет кругом. Надо отвлечься на какой-нибудь «БаззФид»[14]. Это, конечно, не делает меня уникальной, но я люблю интернет. Обожаю. Интернет для меня то же самое, что для кого-то – океан. Огромный, неизведанный – и в то же время абсолютно предсказуемый. Вводишь запрос, жмешь «энтер», и все, что тебе нужно, моментально появляется на экране.

В жизни все иначе – сколько бы ты ни хотела, материализоваться желание не может. Не думаю, что у Кэсси что-нибудь получится. Сама концепция – Молли-и-ее-Парень – неправдоподобна.

Тем более если этот парень – симпатичный хипстер. Тем более если это Уилл.

Но я этого хочу. И едва справляюсь со своим желанием.

5

Утром все это уже не кажется нереальным. Не знаю почему: то ли из-за солнца, то ли из-за залофта, то ли просто потому, что мне надо идти на работу... Короче, энергии у меня хватает. Даже с избытком.

Когда я прихожу в «Биссель», Дебора сразу же просит меня расставить корзинки и прочие штучки на столике из необработанного кедра. Интересный факт обо мне: я отлично выкладываю винтажные вещицы на деревянных фонах. Получается всегда красиво и естественно. Эбби называет меня Королевой пинтереста[15]. Мне кажется, это комплимент. Наверное, это единственное, что я умею делать хорошо.

Дверь в подсобку приоткрыта, в створку протискивается Рид с коробкой в руках. Он ставит ее на стол и с минуту что-то обсуждает с Арье. Затем замечает меня и подходит.

– Привет, Молли, – улыбается он.

– О, привет! А я все думала, где же ты.

Боже, почему?! Девяносто девять процентов времени мне удается держать рот на замке, но иногда система дает сбой. Без предупреждения.

А я все думала, где же ты. Так говорят маньяки и преследователи. А ты, Молли, на работе всего лишь второй день. Однако Рид снова улыбается и поднимает корзину.

– Чем занимаешься?

– О, Дебора поручила мне обновить выкладку.

– Круто.

Он взъерошивает волосы – для парня довольно милый жест, – а потом с минуту стоит рядом, словно придумывает, что сказать. Бедный смущенный Средиземный Рид.

Хотя сегодня на нем футболка с «Игрой престолов», значит, наверное, теперь он Рид из дома Ланнистеров.

В тишине как-то особенно неловко... Забавно. Кажется, что тяжелее всего даются новые знакомства, но на самом деле вторая встреча гораздо хуже, потому что в первый раз вы уже успели затронуть все самые банальные темы. А даже если нет, на этом этапе очень неловко задать новую. *Привет, Рид. Давай обсуждать всякое. СКОЛЬКО у ТЕБЯ БРАТЬЕВ и СЕСТЕР? КАКИЕ КНИЖКИ ЧИТАЕШЬ?*

Хотя на второй вопрос я бы с радостью ответила.

– А что тебе больше всего нравится в магазине? – выпаливаю я. Лучше не придумаешь, Молли.

– Давай покажу, – говорит Рид.

Он идет к канцелярке, поглядывая через плечо, мол, следую ли я за ним? Так что я следую. Затем останавливается у стойки с открытками и достает одну из них.

Открытка, значит. Эта лавка – как крутая и красивая старшая сестра «Антрополоджи»[16], а Риду больше всего нравится какая-то открытка...

Он передает ее мне, и я осторожно беру ее обеими руками. Признаю, открытка красивая. Плотный картон с замысловатым портретом Елизаветы Первой – я почти уверена, что это она. На королеве платье с эпичными рукавами-фонариками и воротником, похожим на солнце, а на лице явно читается

«идите отсюда нафиг!». Под портретом стилизованная под старину надпись: «Наблюдаю и храню молчание». Я читаю вслух.

– Это Елизавета Первая, – говорит Рид.

– Я так и думала. – Я поднимаю взгляд. – Ее цитата?

Он серьезно кивает:

– Насколько я знаю, да.

– Идеальная открытка для анонимных угроз.

– Что? – смеется он.

– Ну, типа «Я слежу за каждым твоим шагом, но ничего не говорю... Пока что». Посмотри на это лицо. – Я демонстрирую ему открытку.

– Нееееет! – На его щеке появляется ямочка. – Нет. Не надо портить для меня Елизавету. Она безупречна.

– Безупречна, Рид? В самом деле? – На секунду я делаю Молли-фейс. Бесконечный скептицизм.

– Да. В самом деле. Она безупречна.

Он смотрит на меня, и я вижу, что у него красивые глаза – цвета лесного ореха. Не знаю, может, я не обращала на них внимание из-за его очков. Но теперь заметила.

– Ладно, – говорю я, потому что надо же что-то сказать, – так что это, любовная история или...

Он наклоняется ко мне.

– Что?

Я снова демонстрирую открытку.

– Ну, ты и Елизавета?..

– Очень смешно. – Он с улыбкой вырывает карточку у меня из рук.

– Это значит «да»?

Очень странно. Обычно я *не* такая. То есть я такая со своей семьей, но не с парнями. Раньше я никогда не подшучивала над парнем и уж тем более в одиночку. И, кажется, мне это нравится.

– Надо сделать вид, будто мы заняты, – вдруг выдает Рид и оглядывается.

Проследив его взгляд, я встречаюсь глазами с Деборой. Она улыбается и машет, а я чувствую, как к щекам приливает тепло.

Блин. Точно. Работа. РАБОТА.

– Можно опять разложить вещи в детском, – предлагает Рид.

– Давай.

– Ну просто... – говорит он тише, еще раз обернувшись на Дебору. – Тут не так уж много работы, понимаешь? Ну как... День на день не приходится.

– Понятно.

Я иду за Ридом в детский отдел. А это, в общем-то, пинтерест во плоти. На потолке драпировка в пастельных тонах, декорации с воздушными шарами (не для продажи) и до невозможности мягкие игрушечные животные (для продажи). Все органическое.

Внезапно Рид поворачивается ко мне.

– Ты же не уволишься, правда?

– Что?

– Не стоило мне говорить...

– Что здесь мало работы?

Он закусывает губу.

– Я обожаю ничего не делать, – заверяю я его.

И это правда. Ничего не делать – мое самое любимое занятие. А еще мне нравится проводить время среди разнообразных баночек, обновлять выкладки на прилавках и дразнить гиковатых парней за их привязанность к королевам прошлого.

– Вот и хорошо.

Я улыбаюсь.

– Иначе мне бы пришлось подкупить тебя шоколадными яйцами «Кэдбери», – добавляет он.

– Черт, серьезно?

– Конечно. Но уже слишком поздно. Какая жалость!

Я сердито на него смотрю. На его щеке снова появляется ямочка, и – эй – похоже, у Рида из дома Ланнистеров все-таки есть чувство юмора.

Странно, но всю дорогу домой я прокручиваю в голове наш разговор. И осознаю это лишь у порога.

Общеизвестно, что когда назревает двадцать седьмая влюбленность, положено заниматься именно такими вещами. Я про гипотетическую влюбленность.

Но я не влюбилась в Рида. Не знаю, как объяснить... Просто любовь – это очень специфическая штука. Вспомним, например, влюбленность номер восемь. Ресничный Шон. Предпоследняя ночь в лагере, лето после восьмого класса... Шел дождь, так что все сидели в домике и смотрели «Жаркое американское лето»[17]. По какой-то случайной причине (или это была судьба – тогда я решила, что судьба) Шон сел рядом со мной. Мне он показался безумно симпатичным: невысокий голубоглазый брюнет с торчащими волосами. Ну и ресницы, конечно. По меньшей мере семьдесят пять процентов веса Шона приходилось на его ресницы. Он сидел на раскладном стуле и в какой-то момент совершенно внезапно подался ко мне и сказал: «Крутое кино».

Я не могла не согласиться. Тогда я расценила это как знак внимания.

У меня перехватило дыхание, а сердце неистово колотилось до самых титров. Мой мозг был полностью сосредоточен на одной непростой задаче: как бы сказать что-то небрежное и остроумное этому парню – идеальному парню, которого я уже давно заметила, который чудесным образом оказался рядом и который – еще более чудесным образом – сам решил со мной заговорить. Но я тогда впала в жуткий ступор. Мои бедра словно стали еще шире, а пояс шортов резко впился в жир на животе. Я поняла, что Шон (естественно, я уже выяснила, как его зовут) не стал бы болтать со мной, знай он о шортах, жире и поясе.

Так что я просто рассеянно уставилась на экран.

А когда фильм закончился, Шон подтолкнул меня локтем и спросил: «Круто было, да?» Я улыбнулась и, не задумываясь, кивнула.

Больше я с Шоном не разговаривала. Все эти годы я о нем даже не вспоминала. Но вот я поднимаюсь по лестнице в свою спальню, и перед глазами снова оживает его облик. От одного этого воспоминания сердце у меня бешено колотится.

Молли Пескин-Сусо: девушка, которая влюбляется в воспоминание из восьмого класса. Неужели я – главный псих во Вселенной? (Варианты ответов: «да» и «конечно, да».)

Я падаю на кровать. Да, был Шон. А еще был Джулиан Портильо, старший брат моей подруги Элены. Влюбленность номер одиннадцать: Завтрачный Экспериментатор Джулиан. Главное воспоминание – его сложные гурманские завтраки, которые он готовил нам, когда я оставалась у Элены с ночевкой. Мне почему-то казалось, что это просто очаровательно. Хотя сама я с завтраками *не* экспериментирую.

Короче. Джулиан учился в выпускном классе, а мы с Эленой только-только перешли в старшую школу. У них обоих были большие ямочки на щеках. Их родители приехали из Сальвадора. А еще Джулиан очень громко смеялся. Тогда я вела дневник и писала обо всех (довольно, впрочем, редких) случаях, когда Джулиан со мной заговаривал. Редких, потому что рядом с ним я теряла дар речи. А красивым выпускникам, как мне кажется, не очень интересно биться о стены молчания девятиклассниц. Так или иначе, Джулиан переехал в Джорджтаун, а Элена перешла в частную школу. Их нет в фейсбуке, так что я не в курсе, что с ними сейчас происходит.

Словом, я не могу общаться с парнями, которые мне нравятся. Увы, мое тело меня предает. С каждым парнем я веду себя немного по-разному, так что привести влюбленность к общему знаменателю довольно сложно, но если бы мне нужно было описать это чувство, я бы сформулировала как-то так: ты только что пробежала мимо и тебя подташнивает, к тому же ты голодна, но аппетита нет, в голове туман, а еще очень хочется писать. Невыносимо. Но мне нравится.

Даже больше, чем нравится. Я страстно этого желаю.

Потому что, несмотря на тошноту и туман, влюбленность рождает непоколебимое чувство, что вскоре произойдет что-то чудесное. Это объяснить сложнее всего... Не важно, насколько мои фантазии далеки от реальности, я всегда лелею надежду. И уже давно от нее завишу.

6

В шесть утра Кэсси без стука влетает в мою комнату.

– Йоу, соня. Где твои бусы? Оливии срочно нужна бусинная терапия.

Я растерянно моргаю.

– Сейчас, что ли?

– Она уже на подходе. Эван опять что-то выкинул.

Ясно. Чистосердечное признание: я никогда не понимала, что такого притягательного в Эване Шульмейстере. Нет, я не ревную Оливию к бойфренду. Просто мне кажется, что Эван – на любителя. При этом сама я никогда не пойму, что там можно любить.

– Так что, одеваться?

– Для Оливии? – смеется Кэсси.

Значит, остаюсь в пижаме.

Через двадцать минут мы сидим на крыльце у входа, скрестив ноги по-турецки, а вокруг разбросаны журналы, вырезки и ножницы. Глаза слипаются, но на улице прохладный ветерок, и находиться здесь приятно. Все в округе, похоже, до сих пор спят.

– Так что этот мудака выкинул на этот раз? – спрашивает Кэсси.

– Он не мудака.

Оливия беспокойно перебирает бусы. Мы с ней годами над этим работали. Над бусами то есть. Мои уже метра три в длину. Наверное, на них тысячи бусин, и каждая сделана моими собственными руками. Как именно? Вырезаешь из журнала треугольник и плотно оборачиваешь его вокруг кусочка пластиковой трубочки, начиная с основания треугольника. Потом обмазываешь клеем, а сверху иногда – прозрачным лаком для ногтей. Нанизываешь на нитку – и повторяешь. У меня получился радужный градиент – я начала с красного, а теперь добралась до индиго. Скоро возьмусь за фиолетовый. А когда закончу, подвешу как гирлянду к потолку спальни.

– Короче... Ничего особенного не случилось, – начинает Оливия. – Просто у него был такой тон, что я почувствовала себя как на допросе.

– Ничего такого? Ну-ну, – говорит Кэсси.

Заклеивая новую бусинку, Оливия пожимает плечами.

– Ты мне написала в пять тридцать утра, – ухмыляется Кэсси.

– Прости... Бред все это.

– Никакой не бред, Ливви. – Кэсси подвигается ближе и обнимает ее. – Не люблю, когда ты грустишь.

– Да не грущу я. Просто... – Оливия разглядывает склеенную бусинку у себя на ладони.

– Очень красиво получилось, – хвалю я.

– Спасибо. Да. Просто Эван вел себя очень странно. Задавал кучу вопросов про воск...

– Что?

– Про восковую эпиляцию зоны бикини.

– Ага. Так. – Кэсси удивленно поднимает брови.

– Да. Внезапно. И все спрашивал и спрашивал. Типа ему любопытно. Потом я не выдержала и говорю: «Ты на что-то намекаешь?» – Она нанизывает бусинку на нить и продолжает. – А он: «Конечно, нет, с чего ты взяла?»

Кэсси вздыхает:

– Господи боже.

– Не знаю. – Оливия слабо улыбается. – Наверное, ему и правда любопытно.

– Говорю тебе, он просто решил взять твою вагину под контроль.

– Но он же не просил меня сделать эпиляцию.

– Зато очень явно намекал, – смеется Кэсси. – А вообще, пошел он. Это не ему решать.

И тут до меня доходит, что я уже пять минут кряду пялюсь на одну и ту же страницу, хотя она даже по цвету не подходит.

Да, мне не по себе. Честно, ненавижу такие разговоры. Не то чтобы я не знаю, что такое восковая эпиляция, хотя... До конца я действительно не знаю. Это одна из тех девичьих привычек, которые настолько мне не близки, что я чувствую себя представителем другого вида. Неужели парням нравятся исключительно безволосые лобки? Неужели это общеизвестный факт?

Естественно, журнал в моих руках убеждает меня, что так и есть. Безволосый лобок на две полосы тут, конечно, не напечатали, зато показали модель с идеальной ложбинкой между грудями. Как они добиваются такого эффекта? Мои сиськи настолько далеки друг от друга, что между ними можно запросто пускать корабли.

Наверное, я сама верю, будто с каждым сантиметром моего тела что-то не в порядке. А потому верю и в то, что любой парень, который решит, что я нормальная, моментально сбежит, стоит нам с ним раздеться. *Ого. Не-не-не. Я на такое не подписывался.*

Так что я вообще не хочу оголяться. Впрочем, неспособность раздеться до гола мне не грозит. Не люблю джинсовые шорты[18].

– ...Я права? – спрашивает Кэсси.

Я поднимаю взгляд – они обе смотрят на меня.

– Да, – говорю я. Кажется, это идеальный ответ. Кэсси права в большинстве случаев.

– А... Не знаю, – качает головой Оливия. – Я-то ничего не имею против. Просто не хочу, чтобы это превратилось в скандал. Ненавижу ссоры.

– Это-то понятно.

Оливия застенчиво улыбается.

– То есть?

– Ну, ты только что подтвердила, что скорее позволишь выдрать волосы со своей вагины, чем начнешь ссору.

– О, наверное, так и есть.

– Короче, нет. Дай сюда. – Кэсси выхватывает телефон у нее из рук.

– Кэсси!

– Ты напишешь ему? – спрашиваю я.

– Просто сообщу... – Она печатает. – ...что Оливия с радостью пойдет на воск, если он тоже сделает эпиляцию на своей миниатюрной, микроскопической пипке...

– ЧТО? Только попробуй отправить! – Оливия яростно выхватывает у нее телефон.

Кэсси со смехом откидывается назад и опирается на локти.

– Вот это боевой дух.

– Да пошла ты, – говорит Оливия, широко улыбаясь в экран.

Тут у меня в кармане жужжит телефон.

Сообщение от Оливии:

волосы на вагине ван лав!! вагины РУЛЯТ!!! с жопы себе кудри удали шульмейстер.

Я хихикаю и показываю его ей.

– Упс! Наверное, это Эвану. Переслать?

– Что одна, что вторая. Ненавижу, – с притворной сердитостью говорит Оливия и еле сдерживает смех.

Примерно через час бусы нам надоели, точнее, надоели Кэсси, и она начала убирать журналы обратно в сумки-шопперы, в которых мы их храним. Мне правда кажется, что бусинная терапия помогла, – Оливия ушла домой в обычном для нее невозмутимом настроении. А вот Кэсси возмущена до сих пор.

– Так что случилось? – спрашивает Надин, когда мы входим в гостиную. Она сидит на диване и кормит Ксавье.

Кэсси падает рядом:

– Тебе лучше не знать.

– У Оливии все хорошо? Я только что разговаривала с ее мамой. Похоже, они ищут программы по изучению искусств.

– Поверь, мы не об этом говорили.

– Эван опять ведет себя как мудозвон, – говорю я, и Кэс одаряет меня гордым родительским взглядом. Наверное, из-за «мудозвона». Ей нравятся сложные по составу ругательства.

– Шульмейстер? – спрашивает Надин. – Что этот мелкий говноед учудил на этот раз?

Вообще, если задуматься, Надин тоже любит сложные ругательства.

Кэсси рассказывает все с самого начала; Надин слушает ее с явным удовольствием. Ничто не радует ее так, как возможность втоптать в грязь Эвана Шульмейстера. Он ей никогда особо не нравился. Окончательно же Надин утвердилась в своем мнении после того, как Эван спросил у Кэсси, на самом ли деле она лесбиянка или просто подражает мамам. Так и сказал – *подражает*. А потом повисла неловкая пауза... Даже вспоминать не хочется.

Хотя чего уж там. Хочется. Было круто.

Однако я возвращаюсь к тому, что почувствовала утром на крыльце... Я столько всего не понимаю. А остальные знают всё с рождения. Всё. Про восковую эпиляцию. Про контрацепцию. Естественно, я в курсе, как это работает. Но как это *происходит*? Кто берет с собой презерватив? Всем ли их продают? И где? Есть ли там касса самообслуживания, чтобы избежать зрительного контакта? Хотя... Боже мой! Что, если автомат объявляет о покупке?

ПРЕЗЕРВАТИВЫ! Двенадцать девяносто девять! Пожалуйста, положите свою ЗДОРОВЕННУЮ УПАКОВКУ ПРЕЗЕРВАТИВОВ В ПАКЕТ. Ой, для нашего сканера УПАКОВКА ПРЕЗЕРВАТИВОВ слишком большая. Пожалуйста, подождите, в ближайшее время вам окажут необходимую помощь.

– Ты чего вся красная, Момо? – спрашивает Надин.

Прием! Молли! Алло! Соберись!

Не стоит сейчас об этом переживать. Сначала нужно хотя бы... Ну, знаете... Поцеловаться.

7

В среду я каким-то образом оказываюсь на заднем сиденье старого, но ухоженного «лексуса» Мины.

– Поверить не могу, что это твоя тачка, – говорит Кэсси. – В смысле круто, что у тебя вообще есть машина.

– Она бабушкина, – отвечает Мина.

– А нашей бабуле за руль уже нельзя. Она как-то сбила пешехода.

– Серьезно? – Мина округляет глаза.

– Абсолютно. Я была с ней. Вообще она ехала очень медленно, да и чувак не пострадал. А бабуля на него наорала и назвала сволочью.

Мина смеется.

– Я должна познакомиться с этой женщиной!

– Она приедет в гости на следующей неделе, – говорю я. – Приходи.

– О нет, – протестует Кэсси, – Мине с бабулей видеться не нужно. Нет-нет-нет.

Я смотрю на нее: она ухмыляется и неестественно выгибается – тело тянет к Мине словно магнитом. Цветок, который манит солнце.

– Слушай, Молли, можно вопрос? – спрашивает вдруг Мина, встретившись со мной взглядом в зеркале заднего вида.

– Конечно.

– Кэсси сказала, ты влюблялась двадцать пять раз.

– Двадцать шесть, – тут же поправляет Кэсси.

– Но ни с кем не встречалась. Правда, что ли?

– Ага, – киваю я, как обычно смущаясь.

Однако когда Мина смотрит на меня снова, я понимаю, что ей и правда любопытно.

– А с чем это связано? Что-то произошло?

– Да ничего. Просто я никогда...

Я откидываюсь на спинку сиденья и зажмуриваюсь.

Внезапное воспоминание из школы. Когда мимо мальчиков в столовой проходила красивая девчонка, они хором кричали *виу-виу!* А когда проходила я – *вуа-вуа-вуа* — как будто опадает эрекция.

Помню, как все внутри замирало.

Кэсси ругалась с ними, а у меня просто перехватывало дыхание... Я думала, что умру.

Так и случилась моя первая паническая атака.

Никак не пойму одного. Как люди приходят к уверенности, что им ответят взаимностью? Разве такой настрой может быть у человека по умолчанию?

– Она просто ничего для этого не делала, – говорит Кэсси. – Вообще. Так что ей никто не отказывал.

– И меня это вполне устраивает, – отвечаю я.

Кэсси фыркает. Я смотрю в окно. Бетесда не похожа на Такома-парк. Тут по-тише и подороже, и мультимедийных инсталляций во дворах поменьше. Но все равно здесь мило. И есть очень, очень большие дома.

– Так какие мальчишки тебе нравятся? – интересуется Мина, притормаживая у дорожного знака. – Кроме Уилла.

Господи Иисусе. Хипстер Уилл. Я же никогда не утверждала, что он мне

нравится. Я даже не уверена в этом. Мы же виделись всего один раз.

– Да любые. Молли – генератор влюбленностей, – припечатывает Кэсси. – Вот смотри. Ноа Бейтс. Джейкоб Шнайдер. Жорже Гутьеррес. Тот парень Brent с курсов иврита. Ресничный из лагеря. Джош Баркер. Джулиан Портильо. Коротыш с математики. Студент из педагогического. Вихаан Гупта. И младший двоюродный брат Оливии.

– Я же *не знала*, что ему тринадцать.

Кэсси ухмыляется.

– А, еще Лин-Мануэль Миранда[19]. Это из серьезного.

– Ух ты, правда? – спрашивает Мина и радостно улыбается мне в зеркало. – Он и мне нравился!

– Просто к сведению: он – ныне правящая влюбленность Молли номер двадцать шесть, так что, вероятно, вам придется повоевать.

Я тянусь вперед и шлепаю Кэсси, кажется, немного сильнее, чем хотела.

– Не войной, так дуэлью, – добавляет она тихонько, и Мина заливается смехом.

Я снова закрываю глаза. Мина и Кэсси о чем-то шепчутся. О чем-то не имеющем отношения к моей внутренней пустыне любви. Ну и хорошо. Я пытаюсь отвлечься, но раз за разом возвращаюсь к одной-единственной фразе.

Так что ей никто не отказывал.

Я не думала об этом до сегодняшнего дня. Но это правда. Мне никогда не отказывали. По крайней мере напрямую. Я никому не предоставляла такую возможность.

И сама никому не отказывала. Наверное, это даже страннее, чем то, что я никогда не целовалась. Впрочем, эти вещи связаны. Как? Не знаю. Как-то.

– Эй, мы на месте. – Кэсси толкает меня локтем.

Я медленно открываю глаза.

У Мины кирпичный дом средней величины с невероятно красивым двориком. С уверенностью можно сказать, что кусты здесь посажены по заранее намеченной схеме. Мина паркуется у ворот, и мы с Кэсси идем за ней по узкой дорожке ко входу. Родители на работе. Мина вставляет ключ в замок.

Первое впечатление: тут всё на своих местах. На белых стенах почти симметрично висят семейные фотографии. Окна большие и чистые, так что внутри очень солнечно. И куда бы я ни посмотрела, всюду произведения искусства: картины, скульптуры... Прекрасны даже светильники. Здесь также полно животных, преимущественно тигров – одни выполнены в реалистичной манере, но большая часть как-нибудь стилизована. Идеальная смесь крутизны с милотой.

Хочу прикрепить весь этот дом на свою дизайнерскую доску в пинтересте.

Одна из картин в коридоре особенно мне приглянулась.

– Похоже, твои родители любят тигров, – замечаю я.

– А, это все корейские штучки, – отвечает Мина.

– Ой, прости.

– За что?

– Так, вот это очень трогательно, – перебивает нас Кэсси, постукивая по фотографии на холсте – Мина душит в объятиях козленка из контактного зоопарка.

– Боже, – говорит Мина.

– А мне нравится. – Кэсси подходит поближе. Кончики их пальцев почти что соприкасаются. Но не совсем.

Интересно.

Мина прочищает горло.

– Хм. Короче, парни уже едут. Давайте пока что спустимся в подвал. Дверь я оставлю открытой.

– Парни?..

Она как-то загадочно улыбается.

– Уилл с Максом.

– Ой.

Я краснею.

Мы спускаемся вслед за Миной. Подвал огромный. Не думаю, что в Такома-парке у кого-нибудь есть такой же. Она проводит нас через все помещение – это полноценный этаж. Тут отдельная спальня и ванная, мини-кухня и – внимание – сауна. Но главное – комната с огромным плоским телевизором и самыми мягкими джинсовыми диванами на свете. Я чувствую, как подушка принимает форму моего зада. Могу просидеть так вечность...

– Ребят, может, принести чего выпить? – Мина убирает с лица прядь и поправляет очки. Нервничает, похоже. Наверное, она еще к нам не привыкла.

Мы отказываемся, и Мина садится рядом с Кэсси на подлокотник двухместного диванчика. Повисает долгаяпредолгая пауза.

Я делаю глубокий, расслабляющий вдох, как на йоге: медленно вдыхаю носом, а потом потихоньку выдыхаю ртом. Патти научила – она помешана на таких штуках. По идее, должно помогать при родах. Вот и мне помогло...

Цель: вести себя как ни в чем не бывало.

– А как ты с ними познакомилась? – спрашивает Кэсси. – Они твои бывшие или...

– О боже, нет. Нет. Ничего такого. Мы всегда общались.

– Прямо как мы с Оливией, – замечаю я.

– Да! Ты про ту высокую девочку с синими волосами? Милая, немного пухлая?

– Ага, – отвечает Кэсси, я же просто моргаю.

Ну да, Оливия немного пухлая. Впрочем, в Мينيном тоне не было ничего оскорбительного. Да я и так понимаю, что это не оскорбление. Но ничего не могу поделать – ненавижу разговоры о теле. Потому что если Мина считает, что Оливия «немного пухлая»... Хотелось бы услышать, что она думает обо мне.

Хотя нет. Лучше мне не знать.

– О! – восклицает Кэсси. – Оливия просила передать, что очень хотела прийти, но не смогла из-за работы.

– Жаль... А чем она занимается?

– Расписывает керамику. Очень в ее духе, – говорит Кэсси, и Мина кивает.

Я слышу, как открывается парадная дверь, а потом кто-то кричит:

– Есть кто-нибудь?

– Мы в подвале! – отзывается Мина.

Дверь с глухим хлопком закрывается, на лестнице слышны шаги. Я нервничаю. Не потому, что я запала на Уилла, – просто они оба недостижимо круты. И когда они входят в комнату, я снова в этом убеждаюсь. В самом их виде чув-

ствуется что-то *правильное*. У обоих правильные тела. Макс накачан (в разумных пределах), и сегодня его анимешная челка смотрится мило. Наверное. А Уилл выглядит так, будто родился моделью «Американ Аппэрел»[20]. На нем старая футболка с логотипом сети «Бенз Чили»[21] и джинсы, но даже в таком наряде он выглядит до смешного идеально.

Вот и я хочу того же. До смешного идеально выглядеть в футболке.

А еще Уилл пришел с пивом.

Рядом со мной лежит декоративная подушка. Я беру ее в руки и крепко сжимаю в объятиях.

– Вы же друг друга помните? Уилл Хейли, Макс Маккон. А это Кэсси и Молли Пескин-Сусо.

– Как-как? – спрашивает Уилл.

– Через дефис, – говорит Кэсси и поднимает взгляд. – Пиво принесли?

– Украли, – отвечает Уилл и подмигивает мне; наверное, это должно меня шокировать. – Взяли наверху. У Мининого папы целый холодильник в гараже.

– Неужели твои родители разрешают брать пиво, когда тебе вздумается?

– Конечно, нет. Просто папа не очень внимательный, так что...

– Хотела бы я иметь не очень внимательных родителей с холодильником для пива, – вздыхает Кэсси.

– Вообще-то это холодильник для кимчи, – ухмыляется Мина.

– А вся нормальная еда хранится на кухне, – добавляет Макс.

– Что, серьезно? – спрашивает Мина. – Будь добр, объясни, чем тебе кимчи не угодила?

– Макс – прямо слон в посудной лавке, только в вербальном смысле, – объясняет Уилл и усаживается возле меня на диван.

Я не упускаю возможности быстренько на него посмотреть: взъерошенные рыжие волосы и сонные голубые глаза... Он откидывается на спинку и потягивается, так что футболка ползет вверх, обнажая живот – бледный и плоский, с едва заметными волосками. Нужно перестать краснеть. К тому же Макс с Уиллом уже обмениваются многозначительными взглядами.

Если это из-за меня, я умру на месте.

Видал? Грустная пухлая девчонка явно сражена нашей хипстерской красотой.

Серьезно, умру.

Может, я параноик, но я не могу прогнать эту мысль. Иногда даже зацикливаюсь на такой фигне и начинаю развивать диалог у себя в голове. *В действительности же, джентльмены, я заинтригована, но никак не сражена. И я взволнована, но не грустна. И потом, если ты называешь себя хипстером, знаешь, что это значит? Ты не хипстер.*

Впрочем, причиной многозначительных взглядов может быть пиво.

Кэсси выпрямляется.

– Уилл, я слышала, ты творческая натура.

– Ну как... Я фотографирую.

– Это считается, – улыбается Кэсси. – Молли тоже очень креативная.

О боже.

– Ух ты. Круто. Что делаешь? – Уилл сползает с дивана и, скрестив ноги на ковре, одаряет меня улыбкой. Чувствую себя воспитательницей в детском саду. Если представить, что детсадовцы пьют пиво.

– В смысле? – спрашиваю я.

– Ну, рисуешь? Пишешь?

Я решительно качаю головой.

– Я не креативная. Просто люблю мастерить всякие штучки.

– Она делает украшения, – говорит Мина.

Так. Блин. Стоп. Настолько в лоб, что даже унизительно... ЭЙ, УИЛЛ, ГЛЯДИ, СКОЛЬКО у ТЕБЯ с МОЛЛИ ОБЩЕГО. ТОЛЬКО НА ДЕЛЕ у ВАС НИЧЕГО ОБЩЕГО НЕТ. ПРОСТО ОНА СЧИТАЕТ, ЧТО ТЫ СЕКСИ.

– Ну, это не искусство, – бормочу я и зарываюсь лицом в подушку.

– На первый день рождения нашего братика она наделала всяких хреновин с пинтереста, – продолжает Кэсси. – Очень мило получилось. Вообще она всегда берется за дни рождения. А еще украшала нашу два-мицву.

– Это что-то типа бат-мицвы? – спрашивает Мина.

– Двойная бат-мицва. В прямом смысле. Хотя в нашем случае скорее тошни-цва.

– Что? – смеется Мина.

– О, можно поподробнее? – просит Уилл.

Я встречаюсь взглядом с Кэсси и неожиданно понимаю, что она смущена. Похоже, до нее только сейчас дошло, что истории про мое блевотное прошлое не сыграют нам на руку. Что-то мне подсказывает, что Уилла это не заведет.

Но уже слишком поздно. Он внимательно на нее смотрит и ждет.

– Молли, может, лучше ты?

– Я не буду об этом говорить. – Я обнимаю колени.

Кэсси пожимает плечами:

– Ладно, стоим мы на биме, раввин держит Тору. Ну и нам с Молли надо ее раздеть.

– Вау, – говорит Уилл, и они с Максом обмениваются улыбками.

– Что?

– Так это называется? Раздевание Торы?

– О боже, ребят... Хватит. – Мина качает головой. – Это оскорбительно.

– Я же просто спросил!

– Короче, – продолжает Кэсси, – раввин снимает щиток и чехол, а Молли тупо стоит и смотрит в никуда. Бледная как смерть. Как этот... Ну, вампир.

– Эдвард Каллен[22], – подсказываю я.

– Ага. Как Эдвард Каллен. Я шепчу ей на ухо: «Молли, нам нужно раздеть Тору!» А она такая типа: «Что-то мне нехорошо».

– О нет! – ужасается Мина, хватаясь за сердце.

– Ну а я думаю: лады, это все-таки наша бат-мицва, придется потерпеть, и передаю ей указку...

Я помню все настолько отчетливо, будто это случилось вчера. Кончик яда [23] выполнен в виде маленькой руки, так что водить по тексту следует металлическим указательным пальцем. Раньше яд казался мне очень красивым. Но когда Кэсси протянула его мне, я почувствовала, что в меня тычут пальцем, как в провинившуюся. ТЫ, МОЛЛИ, ТЫ. А потом я ощутила вкус желчи во рту, и в желудке всколыхнулась волна...

– И она стоит и... – Кэсси хватается за живот и изображает рвотные позывы. – Бежит по лестнице, вылетает в боковую дверь, а все типа: *ни фига себе!* И тишина. А потом двадцать минут все слушали, как кое-кто дико блюет.

– Да ладно тебе... «Двадцать минут».

Ага. Серьезно. Так Кэсси точно убедит Уилла наброситься на меня с поцелуями.

– Двадцать минут, не меньше. Поначалу мы все типа: блиин, она же всю синагогу заблюет. Все же слышно.

– Боже мой, – произносит Мина.

Кэсси поднимает палец и постукивает по ключице.

– У нас же были микрофоны.

– Господи, Молли. – Мина смотрит на меня. – Это просто... Мне так жаль, можно я тебя обниму?

Я киваю, и она слезает с дивана. И действительно меня обнимает.

– Вот отстой, – говорит она. – Очень сочувствую.

– Ну а я потом ни одного слога не пропустила, – самодовольно заканчивает Кэсси.

– Ага, молодец. – Я морщу нос.

– Знаете, за что я люблю евреев? – встревает Макс. Улыбка его преобразует – лицо сразу оживляется.

– За что? – косится на него Мина.

– Мне нравится, что у них есть бар-мицва, и все это происходит в присутствии твоих родителей, бабушки с дедушкой и так далее. Так по-еврейски «становятся женщиной». – Он с ухмылкой подается вперед. – А вот в *моей* религии...

– Нет у тебя религии, – замечает Мина.

– *А вот в моей религии*, – настойчиво повторяет Макс, – ты становишься женщиной, когда... – и тут он изображает левой рукой кружок и много раз подряд просовывает в получившееся отверстие правый указательный палец.

– Господи, Макс. Хватит. Серьезно. – Мина встает.

– Ага, а то, блин, не каждому ведь дано, – спокойно произносит Кэсси.

– Что? – Похоже, Макса это задело. – Почему дано не каждому? Из-за каких-то еврейских обычаев, что ли?

– Ну, начнем с утверждения, что превращение в женщину подразумевает секс.

Все-таки у меня очень крутая сестра. Людей она совсем не стесняется. Не знаю, как такое возможно.

– Пффф. Да я же просто пошутил, – вздыхает Макс.

– И знаешь, меня не устраивает сама концепция «девственности». – Кэсси изображает кавычки. – Ты ведь подразумеваешь только гетеросексуальный, вагинальный секс.

– По-твоему, можно лишиться девственности от орального секса?

– Да, – отвечает Кэсси.

– Серьезно, Макс. – Мина смеривает его взглядом.

– Допустим. Но тебе не кажется, что это зависит от партнеров? – вступает в разговор Уилл. – Тут каждый случай нужно рассматривать в отдельности. Например, если у конкретной пары может быть только оральный секс, то да, нет проблем. Но если это гетеро парень и девушка, то речь должна идти о проникновении.

– Почему это? – Кэсси подается вперед. – Почему проникновение считается более интимным? Разве тебе решать, что интимно, а что нет?

Я откидываюсь на подушки и подгибаю под себя ноги. Это даже хуже восковой эпиляции зоны бикини. Я совершенно не в теме. Не знаю... Не к такому обсуждению секса я привыкла. В самом явлении для меня, конечно, нет ничего нового. Патти – акушерка и порой очень подробно говорит о подобном. Но слова мамы – это одно... Да и Эбби рассказывает мне о чувствах, а не об отверстиях. Сейчас же мы без предупреждения перешли к последним.

Уилл толкает меня локтем:

– А что ты думаешь?

Воцаряется тишина. По крайней мере, мне так кажется.

Ему следует знать, что я – последний человек на свете, к которому стоит обращаться по этому поводу. Ярчайший образец подростковой непорочности, только существующий в реальности, а не в фильмах Джадда Апатоу. Серьезно, единственное проникновение в моей жизни связано с нанизыванием бумажных бусин на моноволоконную леску.

В общем, я – Елизавета. Королева-девственница. А потому я прекрасно знаю, как вести себя в подобных обстоятельствах.

Наблюдать. И хранить молчание.

Но, разумеется, Елизавета никогда бы не оказалась в комнате, битком набитой хипстероватыми секс-богами.

– Мне кажется, люди думают, что настоящий секс может происходить только при участии пениса, – наконец говорит Кэсси.

– Боже мой. Спасибо. Читаешь мои мысли, – вздыхает Мина.

Они обе одаривают друг друга сияющими улыбками.

– И на этой замечательной ноте, – объявляет Уилл, – я возьму себе еще пива.

Он поднимается с ковра, а Мина что-то шепчет Кэсси. Та смеется и бормочет что-то в ответ. Некоторое время я молча сижу напротив Макса. Поначалу он тупо на меня смотрит, а потом решает, что телефон гораздо интереснее. Наверное, он из тех парней, которые общаются только с горячими по их мнению девушками (см. также: парни в фетровых шляпах; см. также: парни, которые говорят: «ЖИРУХАМ ВХОДА НЕТ»).

Может, я слишком чувствительная. Не зря же Кэсси постоянно мне об этом говорит.

В любом случае мне становится гораздо спокойнее, когда Уилл садится рядом со мной. Он прикладывает губами к горлышку бутылки, словно целует ее. Затем делает небольшой глоток и поворачивается ко мне:

– А ты никогда не хотела заниматься фотографией?

– О. Кхм. Да нет.

– Молли, тебе понравится! – говорит Кэсси. – Ребят, вам обязательно надо потусить. Может, замутите какой-нибудь проект.

Боже мой.

Меня подташнивает. В прямом смысле. Моя сестра – самый нетактичный персонаж на планете. Это даже хуже истории про тошницву. Да плевать мне на тошницву. А вот сейчас... Он решит, что я хочу с ним замутить. Что я в него влюблена. Что я от него без ума.

Извините, конечно, но ведь я осторожничаю не без причины. Парням вроде Уилла не нравятся девушки вроде меня. И когда эти парни узнают, что нравятся нам, они становятся жестокими. Всегда.

Дышать. Вдох через нос. Выдох через рот.

– Может, послушаем новый альбом Florence and the Machine? – говорит Мина. – У меня на ноуте. Очень крутой.

Внезапно Макс смотрит на Уилла и говорит:

– Чувак, нам пора. Давай.

– Почему? Я хочу послушать Florence.

– Да он наверняка есть на ютьюбе, – бормочет Макс. – И это я нас привез, так что...

– Какой же ты мудака, Маккон.

Макс поигрывает ключами – а потом, к моему огромному удивлению, с самой что ни на есть обаятельной улыбкой обращается ко мне:

– Молли, тебя подбросить к метро?

Наверное, насчет шляп и жирух я погорячилась.

– Э-э... Да. Спасибо. Было бы замечательно. – Я поворачиваюсь к Кэсси. – Кэсс, ты готова?

Небольшая пауза.

– Эм. Я, пожалуй, останусь и послушаю альбом. Ты не против?

Чувствую легкий укол в груди.

– Нет! Конечно, не против. – Пауза. – Так что... Мне остаться или?...

– Нет-нет, все в порядке, – быстро отвечает Кэсси. – Поезжай.

Мина кивает:

– Я ее подвезу.

А-а-а.

Вот, значит, что творится.

– Хорошо! – говорю я, стараясь не выдать волнение.

Внезапно я чувствую, как что-то давит в голове, прямо возле глаз. Наверное, это адреналин, потому что я не стерва. Раз моей сестре хочется замутить с этой девочкой, пускай все идет по плану. И если ради этого мне надо прокатиться до метро с двумя симпатичными парнями... Так тому и быть.

По идее, я должна быть в восторге. Правда же? Не один. ДВА. Целых два милых хипстера.

Мы поднимаемся за Максом по лестнице, и я уже знаю, что мне предстоит. Парни будут со знанием дела что-то обсуждать и по-дружески шутить. А я замкнусь в своем стеснении. Стану кубиком льда.

Не то чтобы Уилл уже пьян, но ведет он себя развязно и весело. Ругает Макса за то, что тот заставил его уйти, но я чувствую, что на самом деле он нисколько не злится. Весь путь до машины Макс улыбается.

– Ну и куда же, мать твою, ты так торопишься? – спрашивает Уилл, запрыгивая на пассажирское кресло.

Я сажусь сзади и аккуратно закрываю дверь. Интересно, они помнят, что я все еще здесь?

– Пристегнитесь, – просит Макс. Уилл щелкает ремнем безопасности. – Мы никуда не поедем, пока все не пристегнутся, – настаивает Макс и поворачивается, чтобы проверить меня.

Я пристегнулась и демонстрирую ему это. Забавно. И довольно мило. Не ожидала, что Макс из тех, кто парится из-за ремней безопасности. Но не уверена, что в целом его понимаю. И уж точно не понимаю, почему они дружат с Уиллом. Поначалу я решила, что альфа здесь Уилл. Все-таки он больше болта-

ет. А теперь не знаю. В Максе есть энергия, какой-то напор. От этого мне не по себе.

– Ты так и не ответил, – напоминает Уилл, толкая Макса в плечо.

– Лично я никуда не спешу. Просто выполняю приказ.

Он передает Уиллу телефон.

– Вот блин, – говорит Уилл.

Макс смеется. Кажется, я что-то пропустила.

– Они... решили замутить? – медленно спрашиваю я.

– Ну... Мина попросила нас убраться, – отвечает Макс. Он заводит машину и смотрит на меня в зеркало заднего вида. – На красную ветку?

– Да, спасибо. – У меня слегка кружится голова.

Значит, Мина все это спланировала. Написала Максусу, когда мы были в подвале. И теперь мы с парнями в изгнании.

Наверное, они с Кэсси сейчас целуются. Буквально в эту секунду. И так как я не стерва, я за них безумно рада.

8

Кэсси ведет себя загадочно, и это офигеть как странно.

Обычно Кэсси не заткнута, она буквально фонтанирует подробностями своих походов. Она умеет и целоваться, и рассказывать о поцелуях. Кто-то решит, что это ужасно, но что поделать: для нее болтовня – неотъемлемая часть процесса. Однажды она заявила, что поцелуй – не поцелуй, пока она мне о нем не поведаст. Именно мне.

Мне было приятно это слышать.

Пожалуй, то же самое с моими влюбленностями. Рассказывать о них Кэсси означает делать их реальными.

Но в этот раз происходит что-то странное. Я такого не ожидала. Со среды она выглядит счастливой – постоянно улыбается и слушает новый альбом Florence. Но о Мине – ни слова. Совсем. Спрашивать самой как-то не хочется. Раньше-то этого делать не приходилось.

Я просыпаюсь в пятницу и вижу ее лицо: Кэсси нависает надо мной и глупо таращится.

– Боже, – говорю я и резко поднимаюсь.

– Просыпайся. Давай замути завтрак.

Я протираю глаза и убираю с лица челку.

– Секундочку.

Она считает до одного. Если бы я не знала, что мы родились в один день, то решила бы, что ей девять.

Никогда не видела ее такой сияющей.

А еще собранные в пучок волосы и эти розовые пижамные штаны... Для Эбби – обычный утренний наряд. Но для Кэсси – ни в какие ворота.

Я следую за ней на кухню и стараюсь спускаться по лестнице как можно тише. Наш дом – стодвухлетнее бунгало[24], и даже если постараться не разбудить мам, ловушки будут подстергать тебя на каждом шагу. Скрипящие двери, скрипящие ступеньки, скрипящее все – и ненавидящий сон братик со сверхъестественно острым слухом.

Повар из Кэсси ужасный, так что я беру инициативу на себя. Признаюсь: я люблю чувствовать себя нужной. Кэсси подключает телефон к нашей маленькой колонке, и мы опять слушаем Florence and the Machine.

Но она даже не упоминает о Мине.

Вместо этого она в счастливом блаженстве открывает и закрывает шкафчики, перемещается из кухни в столовую и обратно, носит тарелки, красиво складывает салфетки...

Да, мы проснулись с рассветом на заднице, и Кэсси еще не до конца пришла в себя. Допустим. Но все же. Нельзя оставлять меня в неведении. Это вопиющее нарушение всех заповедей сестринства.

Я уже почти проглотила гордость и превратилась, как говорит Эбби, в «Мамзель Длинный нос», но тут раздаётся оглушающий крик Ксавье. Спальня мам расположена над столовой, поэтому мы слышим гулкие шаги, шепот и хлопок двери ванной. Для Надин каждый день начинается с кормления, так что первой к нам спускается Патти.

Забавно: у Патти такой же возбужденный взгляд, как и у Кэсси. Неужели та уже с ней поделилась? Но нет, она бы так не поступила. Никогда. Кэсси рас-

сказывает мне о девочках. И вообще она обо всем мне рассказывает.

Так мне кажется.

– Как вкусно пахнет! – говорит Патти, поглаживая меня по волосам.

Через пару секунд спускается Надин с Ксавье.

– Пресвятая мать деликатесов! Что это?

– Прямое доказательство того, что у нас лучшие дети на свете.

Надин передает Ксавье Патти и улыбается.

– Так вы видели новости!

Мы с Кэсси переглядываемся.

– Нет... – отвечаю я наконец.

– Что? – визжит Надин. – Тинейджеры, называется. *Сейчас же* в интернет!

Ее улыбка настолько заразительна, что я не могу не улыбаться в ответ. Что-то случилось. Кэсси уже всю скроллит и вскоре охает от удивления.

Мой телефон заряжается. Я вытаскиваю шнур из розетки и снимаю блокировку.

– А где искать?

– Да где хочешь, – улыбается Патти.

– В фейсбук зайти! – говорит Кэсси.

С замиранием сердца я открываю приложение. Листаю ленту – всё в радуге. Буквально все обсуждают одно и то же.

– Что, серьезно? – тихо спрашиваю я.

– Да! – улыбается мне Надин. – Чудесно, правда?

Я знала, что в Верховном суде будут выносить решение по поводу однополых браков, но совершенно об этом забыла. Наверное, не ожидала, что все закончится хорошо.

И – черт возьми. Все закончилось хорошо.

– Теперь это законно. Везде. Поверить не могу.

– Скажи! – восклицает Патти, мельком взглянув на Надин. – Так что у нас есть новости.

– О боже! – хлопает в ладоши Кэсси.

Патти и Надин снова встречаются взглядами и улыбаются друг другу. В этот миг кажется, будто они наши ровесницы. Я даже могу представить, как они выглядели при первой встрече, которая произошла много-много лет назад, когда Патти заканчивала учебу в Мэриленде, а Надин только туда поступила. Как странно об этом думать. Представлять, как твои родители влюбляются... А Патти и Надин все улыбаются друг другу.

– В общем, мы женимся, – сообщает Надин.

– НЕ ГОНИ! – Кэсси подпрыгивает с такой широкой улыбкой, что ее лицо вот-вот треснет пополам.

– Женитесь? – спрашиваю я.

В горле ком. Я перевожу взгляд на Патти: она зарылась лицом в волосы Ксавье. Кажется, вот-вот расплачется.

– И мы хотим, чтобы вы были подружками невесты, – добавляет Надин.

– Ни фиги себе! – восклицает Кэсси. – Боже, как круто! Значит, будет свадьба?

– Самая эпичная свадьба на свете, – говорит Надин. – Момо, ты отвечаешь за все, что можно сделать своими руками, хорошо?

– А дату уже назначили? – спрашивает Кэсси. – Где все будет происходить?

– Этим летом. На заднем дворе. Не важно! Мы женимся! – Надин хлопает в ладоши. – Наконец-то.

– Наконец-то, – соглашаюсь я.

Забавно. Я думала, они никогда этого не сделают. Потому что два года назад, в Мэриленде, у них уже была такая возможность. Но Надин ждала ребенка, Патти недавно сменила работу... В общем, вопрос даже не поднимался.

– Так что, девочки, вы готовы быть подружками невесты? Очень ответственное дело, – говорит Надин. – Сразу предупреждаю – мы будем теми еще брайдзиллами[25].

– Мегабрайдзиллами, – добавляет Патти.

– Блин. Как круто! – восхищается Кэсси. – Ваши бастарды очень за вас рады.

– О боже! Мы больше не будем бастардами, – вдруг доходит до меня.

– Ну-у-у, для нас вы навсегда останетесь бастардами.

– Все, к чертям работу! – восклицаю я. – Давайте праздновать.

– Нет-нет, иди. Все деньги в дом. А вечером – на семейный ужин, – говорит Надин.

– Я тебя провожу, – сообщает Кэсси.

Не могу сдержать улыбку. Может, она мне все расскажет? Может, у нас все по-прежнему?

А может, все даже лучше, чем раньше.

На улице хорошо. Летняя жара пока не наступила – солнечно, на небе всего пара хлопковых облачков. Еще рано, но многие проснулись. Сосед напротив вывешивает огромный радужный флаг, а дальше по улице кто-то играет Uptown Funk[26]. Царит ощущение праздника.

– Ну что, ты рада? – спрашивает Кэсси, пританцовывая. – Потому что я, блин, дико рада.

– Ага!

– Я и не думала, что так заведусь. Типа вчера они были вместе, завтра тоже будут вместе. Но знаешь, я счастлива.

Я посмеиваюсь и киваю.

– Потрясная неделя, просто потрясная, – говорит она и вздыхает.

Кажется, это удачный момент.

– Да, я как раз хотела спросить, – начинаю я. Уголки моих губ ползут вверх.

– М-м? – Кэсси ухмыляется.

– Ну просто, понимаешь... Хочется побольше узнать о том, что потрясного случилось на этой неделе.

Она хохочет.

– Ага...

И больше ничего не говорит.

Я пихаю ее локтем и наконец решаюсь:

– Seriously, ты не расскажешь мне про Мину?

– Про Мину? – спрашивает она спокойно.

Абсолютно спокойно. Спокойнее некуда.

Я совершенно запуталась. Может, я что-то не так поняла. Может, у них ничего не было. Может, я слишком испорчена. Как будто девочки, которым нравятся девочки, не могут просто дружить.

Только вот кажется, что они не просто дружат.

– Если бы ты влюбилась, ты бы мне сказала, правда?

– Влюбилась? – Кэсси снова хохочет. – Кажется, кто-то забегает вперед.

Я смотрю на нее с упреком. А она морщит нос и ухмыляется в ответ, и я не могу сдержать улыбку.

– Просто мне нравится проживать твою жизнь, – поясняю я.

– Наступили новые времена, – говорит Кэсси. – Теперь мы будем проживать жизнь Надин и Патти.

– Это странно и грустно.

– Но они же *женятся*. – Она снова вздыхает. – Круче еще ничего не было.

И вот я на работе. В воздухе витает ощущение перемен. Магазин все еще закрыт для покупателей. Это тоже необычно. Дебора и Арье возбуждены.

– Молли! – Дебора перекрикивает музыку, которая сегодня играет в три раза громче. – Иди к нам! Уже слышала новости?

Она облакачивается на стойку и радостно улыбается. Мне становится очень уютно – как после кружки горячего шоколада. Прекрасный день, и работа прекрасная. А еще с минуты на минуту появится Рид.

– С ума сойти, правда? – говорит Арье, когда я подхожу к прилавок.

– Да! – отвечаю я с улыбкой. – Мои мамы объявили о помолвке.

– О, милая, это же чудесно! А я и не знала... Боже. Возьми выходной, чтобы отпраздновать, – предлагает Дебора, сжимая мою руку.

– Да не надо, все в порядке. Мне здесь нравится!

– Малыш, ты просто сокровище. Уверена?

– Абсолютно, – быстро киваю я.

Дебора улыбается:

– Ну, честно говоря, нам это на руку. Рид сегодня идет к окулисту, так что твоя помощь не помешает.

Странно, но я расстраиваюсь. Однако Дебора с Арье поручают мне оформить радужную витрину у входа, и это самое приятное задание, какое только можно придумать. Нужно взять вещи с других витрин и поместить в совершенно новый антураж: винтажный красный чайник, оранжевую керамическую сову, желтую скатерть, зеленые баночки, синюю рамку и, конечно же, баклажановое боди из детского отдела.

– Серьезно, Молли, у тебя так здорово получается... Твои мамы уже наняли тебя в качестве дизайнера к себе на свадьбу?

Я смеюсь.

– Ага.

– Умные женщины, – говорит Дебора. – Если пригодится что-то из магазина, дай знать. Ну или приходи к нам в гости, я тебе помогу. Если у тебя нет аллергии на котов.

– Я люблю котов!

Дебора смеется:

– Ну, у нас их пять.

Значит, у Рида пять котов. Почему-то я не удивлена.

Ладно... Может, это не имеет отношения к делу, но однажды я влюбилась в парня из-за котиков. Влюбленность номер двадцать: Милейший Контрабандист Вихаан. Транс из «Спектрума»[27], куда мы однажды ходили с Кэсси. Он всегда носил худи с карманом, как у кенгуру. Я никогда не задумывалась почему. Но однажды в кармане оказался котенок. Вихаан весь день таскал по школе котенка, а учителя даже не узнали.

Когда он заметил, что я на него пялюсь, он достал котенка и передал мне. Мы соприкоснулись руками. А потом я посмотрела в его блестящие карие глаза – и он взглянул на меня так, словно отныне это наш с ним секрет.

У него были очень красивые, незабываемые глаза.

НУ ТАК ВОТ.

Я уже говорила, что люблю котиков?

Все утро я провожу, раскладывая тарелочки и ароматические свечи и размышляя о свадьбах. Сказочный день... Даже покупатели ходят парами и держатся за руки. Какой-то Ноев ковчег в фильтре «Валенсия»[28].

Здорово.

Только вот... Иногда мне кажется, что я последняя одинокая девушка на Земле. Может, нас не семь с половиной миллиардов. Может, нас семь с половиной миллиардов и один.

И я – этот один.

Впрочем, у меня есть кое-какая теория. Достаточно безумная. После того как Кэсси замутила – или не замутила – с Миной, эта теория все время лезет мне в голову. Прозвучит странно, но, кажется, нужно, чтобы мне отказали. Мне необходимо это как вакцина от гриппа. Или как терапия – когда держишь в руках змею, пока не перестанешь бояться.

Не знаю даже, есть ли в этом смысл.

Однако я слишком много времени трачу на размышления о любви, поцелуях, бойфрендах и прочей ерунде, которая не должна волновать феминисток. А я феминистка. С другой стороны, мне семнадцать, и я просто хочу знать, како-во это – целоваться.

Не думаю, что я непривлекательна. Но я все время задаю себе один и тот же вопрос: *что со мной не так?*

Мои мамы женятся. Вполне возможно, что моя сестра тайно с кем-то спит. Эбби переехала в Джорджию и за пару месяцев нашла себе симпатичного гитариста. Даже у Оливии с Эваном Шульмейстером получилось, а познакомились они в медкабинете в лагере. У Оливии был конъюнктивит, но она все равно добилась большего, чем я.

А теперь еще эти парочки в магазине... Какие-то парни держатся за руки и листают поваренные книги. Пара стариков спрашивает у Арье, что бы такого подобрать в детской секции. И все это не сексуальные модели с обложек. Просто люди.

Но я не могу стать одной из них.

Почему? Я влюблялась в двадцать шесть человек, двадцать пять из которых не были Лином-Мануэлем Мирандой. Двадцать три из них были обычными, вполне реальными ровесниками. Восемнадцать были без пары – и явно хотели завести отношения.

Но я даже не попыталась. Даже с теми, кто первым со мной заговорил.

Наверное, нужно, чтобы мое сердце разбили, – просто чтобы доказать, что оно это выдержит. По меньшей мере нужно перестать быть настолько, блин, осторожной.

9

Всю дорогу домой у меня перехватывает дыхание при одной мысли об этом. Операция «Стать менее осторожной».

Операция «Перестать волноваться из-за отказа».

Операция «Это пойдет мне на пользу».

Не знаю, стоит ли делиться такими откровениями с Кэсси. Все равно ничего не изменится. Она по-прежнему будет пытаться свести меня с Хипстером Уиллом в своей нетактичной и унижительной манере.

Разница только в том, что теперь я не буду сопротивляться.

Я слышу, как Надин с Кэсси гремят посудой, смеются, шепчутся и выдвигают ящички. Семейный ужин для Надин – дело серьезное. Обычно мы и так едим вместе, но время от времени она объявляет Семейный Ужин, предполагающий наличие хлопковых салфеток и заранее запланированных блюд. Как правило, по таким случаям люди ходят в ресторан, но мы не выбирались туда с тех пор, как родился Ксавье.

Я хочу им помочь. Надин на кухне поливает курицу соком, а Кэсси размешивает что-то в глубокой миске. Я накрываю на стол, мы все усаживаемся, и Надин поднимает бокал шампанского.

– Так, тост. За нас. За брак. За самую крутую свадьбу Пескин-Сусо в ближайшем будущем.

Мы чокаемся бокалами шампанского – вот насколько крутые у нас мамы. Ксавье, правда, не налили – все же они не настолько крутые. У него кружка с молоком.

– Середина-конец июля, как-то так.

– В этом году? – спрашиваю я.

– Ага, – улыбается Патти. Она режет для Ксава курицу на маленькие кусочки.

– Нельзя так быстро спланировать свадьбу.

Сумасшедшие. Извините, но это правда. Сначала нужно выбрать торт, заказать платье, определиться с декором. На это нужно время. Seriously. А после – договориться с поварами, фотографами, флористами, швеями, диджеями и еще миллионом людей.

Пожалуй, я слишком много об этом знаю. Для меня свадебные блоги – гораздо более привычная вещь, чем для среднестатистической семнадцатилетней девушки.

– Почему? – спрашивает Патти.

– Потому. – Я качаю головой. – Не получится. Столько всего надо сделать. Нужен как минимум год.

– Момо, видимо, у тебя на уме королевская свадьба.

– Так, начнем с того, что Уилл и Кейт были помолвлены совсем недолго...

– Вот-вот! – подхватывает Надин. – Тогда Уилл и Кейт. Ориентируемся на них.

Я хочу возразить, но Патти с улыбкой меня перебивает:

– Милая, у нас будет свадьба во дворе. С семьей.

– А, ясно...

– Но вы можете позвать друзей, если хотите.

– А что насчет потенциальных парней и девушек? – уточняет Кэсси.

– О-о-о... Ты хочешь с нами чем-то поделиться, Китти Кэт?

Надин расплывается в улыбке, а Патти прижимает руку к сердцу. Лица у них такие же, как вечером в нашу тошницву, когда Кэсси танцевала медляк с Дженной Шенкер.

– Не смотрите на меня так, ладно? Как Молли прямо.

– Это она от нас научилась, – парирует Надин. – Мы ее испортили. – Она подается вперед и убирает челку с моего лба.

– Ну так рассказывай, – настаивает Патти.

Кэсси сдерживает улыбку.

– Как ее зовут?

– Мина.

– Ну и какая она? – спрашивает Надин.

– Крутая.

– Ага, это я поняла. Ладно. Китти Кэт, если это твоя первая настоящая девушка, мне нужны подробности.

Кэсси поднимает брови.

– А я не говорила, что она моя девушка.

– А что, нет?

– Мы с ней только познакомились.

– И она крутая. – Надин улыбается.

– А еще веселая, красивая, можно сказать, хипстерка, но не то чтобы *чересчур*, – ввязываюсь я. – И она мне нравится.

– О, значит, Молли тоже с ней знакома. – Надин поворачивается ко мне. – Помедленней. Теперь я еще больше хочу подробностей.

– Ну, мне Кэсси ничего не рассказывала, – говорю я.

Получается резковато. Я не хотела, но так вышло само собой.

Теперь я чувствую себя не в своей тарелке, и тело как будто ватное. А еще я злюсь, потому что Кэсси нас дразнит. Она хочет, чтобы мы знали: у них с Миной что-то было, но что именно – она не скажет. Как все эти мутные статусы в фейсбуке:

Ууууух – на выхах случилось кое-что РЕАЛЬНО КРУТОЕ. ЛОЛ!

поверить не могу, что ты мог так поступить. Не прощу, и Бог не простит, гори в аду (ничего личного)!!

Мы с Кэсси живем ради таких статусов. Просто я никогда не думала, что наши отношения станут воплощением одного из них.

– Она бы вам понравилась, – наконец говорит Кэсси. – Она очень крутая и веселая, много знает о музыке. Любит рыб. Не как еду, а как животных. Ей очень нравятся аквариумы. Она даже рыбу-ангела себе набила. Вы знали, что рыбы-ангелы моногамны? Ой, еще она любит пингвинов. Ей по душе все моногамные животные.

– Как романтично, – отмечает Патти.

– Наверное.

Я поднимаю глаза, и Кэсси смотрит прямо на меня. Она взволнована, но я никак не могу понять ее взгляд.

И заснуть не могу. Уже почти полночь, а сна ни в одном глазу. Кэсси с Миной тусят на какой-то вечеринке.

Я вся на нервах, мне жарко и холодно одновременно. Чтобы прогнать беспокойство, я залипаю в телефон, но ничего не выходит. Я как будто тону...

Я резко сажусь, а потом поднимаюсь на ноги. Потому что это тупо. Смешно. Беру свой ноут и спускаюсь вниз.

Мимо комнаты Ксава я иду на цыпочках, изо всех сил стараясь не скрипеть. На столешнице стоит контейнер с изюмом в йогурте, и я утаскиваю его с собой на диван. Но телевизор смотреть не хочу. Вообще ничего не хочу. Хочу просто чувствовать себя нормально.

Открыв компьютер, я просматриваю кое-какие свадебные блоги – томные, блистательные, мечтательные, простоватые... Хочу заметить, это успокаивает. Изюм в йогурте и профессиональные фото пирогов на книжных полках. Нам непременно нужны пироги на полках и еще фотозона. Что-нибудь несложное – узорчатая ткань, выдавшие виды картинные рамы. Наверное, пора сохранять картинки на пинтересте.

– Момо? Ты чего не спишь?

Это Надин – в пижамных штанах и полосатом халате поверх футболки. Она растрепанная, сонная и все время протирает глаза. Наверное, я ее разбудила.

– Прости.

– Котик, что случилось? – Мама жестом просит подвинуться и садится рядом со мной на диван. – Что... Ты свадебные блоги смотришь?

– Возможно.

– Хардкорная девчонка. – Она убирает челку с моего со лба. – Слушай. Все в порядке?

– А? Ну да.

– Хмммммммм.

– Да все хорошо, мам.

На секунду она умолкает. И поднимается с места.

– Пошли. Прокатимся. Ты и я.

– Чего?

– Ага. Ну давай, давай. Ух, надо кофе сварить.

– Э-э, вообще-то уже полночь.

– Совершенно верно.

– Я в пижаме.

– Я тоже, – ухмыляется она. – Ну давай, Момо. Без Молли-фейса. Доверься мне.

Абсолютно невероятное ощущение: в пижамах и кроссовках мы среди ночи сбегает из собственного дома. На улице тепло, стрекочут насекомые... Патти говорит, это цикады. Надин открывает машину, и я сажусь на пассажирское кресло. Она сдает назад, на дорогу, – медленно, как будто на улице полно пешеходов. Но вокруг ни души.

– Куда едем?

– Увидишь.

Надин смотрит вперед. Одна рука на руле, в другой – кружка с кофе. Улыбается. А я развалилась в кресле и наблюдаю: уличные фонари, гамаки на верандах, очертания соседских домов в темноте. Кот Эпплбаумов следит за нами из окна их гостиной – маленький сталкер. Он перебегает к другому окну, чтобы не упустить нас из виду. Но мы едем дальше, по Пайни-Брэнч, потом по Шестнадцатой улице. Мы молчим, но это даже приятно. Когда мы уже почти доезжаем до Адамс Морган, Надин решает начать разговор:

– Ну так, как дела, малыш?

– Хорошо.

Она качает головой:

– Ну и врунишка же ты.

– Что?

– Так странно, правда? Теперь у Кэсси есть подружка.

– Технически она ей не подружка.

Надин ухмыляется:

– Даю им неделю.

Я смеюсь. Но в душе мне грустно.

– Да, это странно, – говорю я.

– Угу. Ох, Момо. Это непросто. – Она кивает, не сводя глаз с дороги. – Знаешь, когда мы росли, мой братец был тем еще говнюком, а вот с твоей тетей Карен мы были по-настоящему близки. Я понимаю, каково это. Помню, как у нее появился бойфренд – и все, она вышла из игры. Хреново было.

– Ага.

– О таком никто не предупреждает заранее. Никто не скажет, как это тяжело, потому что, ну, знаешь – любовь! «Мы так рады за них!» Но есть и другая сторона. Конечно, ты за них рада. Но ты их теряешь.

Мое сердце сжимается. Я не могу произнести ни слова.

– Но послушай, Мо, они вернутся. Знаешь что? Потерпи. Поначалу будет странно. Но они вернутся. Ты ее вернешь.

Я подтягиваю ноги к подбородку и смотрю в окно. Мы почти в Дюпоне, едем в центр. Здесь так много людей... Воздух точно заряжен электричеством. Это одна из тех ночей, когда незнакомые люди начинают обниматься и все пьяные, шумные и счастливые – просто потому, что во всем этом участвуют. Бьюсь об заклад, они до старости будут вспоминать сегодняшний день.

И я тоже.

– Такое безумие, – отмечает Надин.

– Ага, – киваю я.

И вдруг мне хочется плакать, но не от грусти. Ощущение, как будто кто-то сделал мне идеальный подарок – что-то, чего мне очень хотелось, но о чем нельзя было попросить. Так бывает, когда кто-то знает тебя так хорошо, как не знает никто другой.

– Эй, – говорит Надин мягко. – Посмотри.

Я поднимаю глаза и сразу узнаю то, что видела в фейсбуке пять миллионов раз. Белый дом подсвечен радугой. Захватывает дух. Не важно, что он далеко, не важно, что нам бы пришлось объехать сотни тысяч машин, чтобы добраться к нему ближе. Я даже не уверена, что это именно фасад здания. И все-таки...

– Здорово, да?

Я киваю, глотая слезы.

– Хотела увидеть это своими глазами, – признаётся Надин.

– Я так рада, – отвечаю я ей. Сейчас мне просто необходимо это сказать. – Я очень рада, что вы женитесь.

– Это хорошо. Нам как раз нужен человек, который будет среди ночи копать в свадебных блогах.

– Можете на меня рассчитывать. – Я улыбаюсь. – Честно, я очень за вас рада.

- Я тоже, – произносит Надин, поворачивая налево. – Знаешь, что я думаю?
- Что?
- Для нашей семьи это будет прекрасное лето.
- Да, я тоже, – говорю я и пытаюсь себя в этом убедить.

10

Но есть одна мысль, которая не дает мне покоя.

Надин утверждает, что они возвращаются. Что все вернется на круги своя. У нас с Кэсси. Я это понимаю. Чуть отойдя от знакомства с Дарреллом, Эбби вернулась на землю. И Ник наши отношения не испортил. Любовь не убивает дружбу. И уж точно не убьет семью.

Но на самом деле все же немного убивает, не так ли?

Мы же почти не видимся с тетей Карен. Она больше не главный человек в жизни Надин. А когда-то, пожалуй, была главным. Но теперь для Надин важнее всех Патти.

Я не знаю, когда это случилось. Может быть, так все и начинается.

Короче. В среду к нам на ужин придет Мина, несмотря на то что в этот же день из Нью-Йорка прилетит бабушка. Мама Патти. Также известная как бабуля, которая сбивает людей, а потом обзывает их сволочами. Представляю, какая будет жесть. Эпичнейшая. Неделю назад Кэсси наотрез отказывалась от подобной перспективы, но сейчас постигла дзен... Видимо, тот факт, что Мина придет к нам на ужин, настолько радует Кэсси, что она уже не переживает, что это будет ужин с бабушкой.

Дело в том, что бабушка не всегда фильтрует слова. Так что будет интересно.

Я отвечаю за десерт, а потому постоянно ищу рецепты и просыпаюсь в три ночи с мыслями о том, есть ли у Мины аллергия на глютен, не диабетик ли она и так далее. Впрочем, Кэсси обязательно сообщила бы об этом. Нет таких подробностей из жизни Мины, о которых Кэсси могла забыть.

И все-таки... Я ошиблась.

Потому что в понедельник я получаю от Эбби сообщение с пятью миллионами восклицательных знаков. Ни слов, ни эмодзи: обнаженное пунктуационное волнение. Сначала я решаю, что это из-за Ника, но догадаться, в чем именно дело, не могу: секс у них уже был... Какое еще событие заслуживает пять миллионов восклицательных знаков? Вряд ли она намекает на беременность. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Впрочем, вскоре я обо всем догадываюсь, получив следующее сообщение:

Почему ты не рассказала мне про Кэсс?!?!

Ты о чем?

Эээээ. Чекни фейсбук. Срочно.

Я открываю приложение и сразу же перехожу на страничку Кэсси. Которую она никогда не обновляет. Никогда.

А теперь обновила.

В отношениях. С Миной Чой.

Телефон лежит у меня на ладони. И я глупо пялюсь в экран.

Она что, не сказала тебе? – пишет Эбби. – Да че с ней не так?

Без понятия, – отвечаю я.

Да, она мне не сказала. У Кэсси полноценные отношения с Миной, но она мне ничего не сообщила. Я узнала из фейсбука.

Я, сестра-близнец Кэсси, узнала об этом в фейсбуке.

А ваши мамы в курсе?

Без понятия, – пишу я. – Но в среду она придет на ужин.

Вау. Кэсси! Познакомит ее с родителями...

И бабулей... – добавляю я.

ОМГ. Бетти?

Ага. – Я добавляю ослабленное зубастое эмодзи.

ЛОЛ. Вот это будет вечер.

Я улыбаюсь. Слегка.

В итоге я решаю приготовить съедобное тесто для печенья. Когда я рассказываю об этом Риду, он кажется одновременно впечатленным и растерянным.

– А обычное тесто для печенья несъедобно? – спрашивает он.

Мы в подсобке, распаковываем новый товар.

– Там же сырые яйца.

– А, понятно. – Он кивает, а потом хмурится. – А сырые яйца есть нельзя?

– Конечно, нет, Рид!

– Нет, в *сыром* виде – само собой, но если с чем-то смешиваешь?

Я смотрю на него с укором.

– Они же все равно сырые, понимаешь?

– Да, но, может, другие ингредиенты их нейтрализуют.

– Это так не работает. – Я еле сдерживаю улыбку. – Тебе надо попробовать тесто без яиц. Очень вкусно. Честно.

В задумчивости он опирается на руки. И через некоторое время кивает.

– Идет. Одобряю.

– Фух.

Я наклоняюсь и подвигаю к себе последнюю коробку. Мы распакуем ее как раз к концу рабочего дня.

– Ну так а когда ты этим займешься? – спрашивает Рид.

– Завтра, наверное... После работы зайду в «Си-Ви-Эс» за продуктами.

– В «Си-Ви-Эс»? – возмущенно восклицает он. – Нет, тебе надо в «Гигант» в Силвер-Спринг. Лучший продуктовый.

– Правда?

– Да, – говорит он и серьезно кивает в своей обычной манере. Едва появившаяся ямочка мгновенно исчезает.

– На метро доехать можно? – спрашиваю я.

– Вряд ли.

Я закусываю губу.

– Ну... Машины у меня нет.

С минуту Рид молчит, и мне как-то не по себе. Забавно: то, что у меня нет машины, меня не смущает. Думаю, Кэсси переживает из-за этого куда сильнее, чем я. Но сейчас мне вдруг становится неловко, и я не могу понять почему.

– Хочешь подвезу? – спрашивает он.

– Да не обязательно.

– Нет, ну а что... Мне кажется, будет весело. Люблю гонять за продуктами.

– Серьезно? – я добиваю его Молли-фейсом.

Он улыбается:

– Не очень. Но я люблю тесто для печенья. А если подвезу тебя в супермаркет, меня придется угостить.

– Наверное, – соглашаюсь я.

Теперь я тоже улыбаюсь. Ну и как тут удержаться?

И вот я в машине Рида, и он везет меня в супермаркет. В определенный су-

пермаркет. В *лучший* супермаркет – насчет этого я должна поверить ему на слово.

Одно из преимуществ езды с Ридом: он сразу же кладет на панель коробки передач открытую упаковку шоколадных яиц «Кэдбери».

– Знаешь, за что я люблю этот шоколад? – спрашиваю я, развалившись в кресле. – За его простоту.

– Скажи! Никто этого не ценит.

– Понтовые десерты у меня уже в печенках сидят. Все эти цитрусовые сиропы, карамелизированные кумкваты, миндаль в куантро... Это хоть кому-нибудь нравится?

Он смеется:

– Вряд ли.

– Людишки думают, что только такие десерты и нужно подавать. Пытаются казаться утонченными.

– Пытаются и лажают, – говорит Рид.

– Безбожно.

Мы въезжаем на парковку у «Гиганта». Рид ищет место, откуда удобно будет возвращать тележку. Затем глушит двигатель и торжествующе смотрит на меня:

– Готова к самому грандиозному походу в супермаркет за всю свою жизнь?

– Хм. Кажется, я здесь уже была.

– Но не со мной, – уверенно заявляет он.

– Но не с тобой. – Я смущаюсь.

Мы идем по парковке, и вдруг до меня доходит, что окружающие, скорее всего, принимают нас за парочку. Типа парень с девушкой, учатся в колледже и закупаются жрачкой на ночь. Голубки... Парень и девушка. Что-то подобное ощущаешь, когда мужчину, сидящего рядом с тобой в метро, принимают за твоего отца.

Неподалеку от входа тянется длинный ряд тележек, но как только я берусь за одну из них, Рид сразу же хватается ее спереди и ведет меня к лавочке у магазина. Там он отодвигает тележку в сторону, опускается на скамейку и выжидающе на меня смотрит. Я сажусь рядом.

– Теперь доставай телефон.

– Зачем?

– Увидишь. – Рид вытаскивает из кармана свой мобильный. – И открывай заметки.

– Лады.

Я улыбаюсь. Раскомандовался. Выглядит это просто смешно. Уж извините. Как будто учительница собирается на минутку выйти из класса и оставляет самого примерного ребенка за старшего. Примерный Рид упивается своей властью. Это так мило, что я решаю ему подыграть.

– Готова? – Он заглядывает в мой телефон. – Хорошо. Теперь запиши названия трех песен, популярных в начале нулевых.

– Что?.. Зачем?

– Такие правила.

– Так, а что... Любые? – спрашиваю я.

– Ага. Но выбирай с умом.

Я в задумчивости держу палец над клавиатурой. Хочу выбрать худшие из

худших. Те, что чуть не убили музыку. Вспоминаю почти сразу.

1. *Stacy's Mom*

2. *Sk8er Boi*

3. *I'm Not a Girl, Not Yet a Woman*

– Великолепно, – говорит Рид.

– А какие у тебя?

Он показывает мне телефон, и я начинаю хохотать. В прошлой жизни Рид был чьим-то чудаковатым папашей. Смотрите-ка, как он горд собой.

1. *Find me in da club*

2. *Та песня, в которой девушка играет на пианино и поет о своем желании утонуть в небесах*[29]

3. *Джастин Тимберлейк*

– Ну и что теперь? – спрашиваю я.

– Хороший вопрос. Правила таковы: если включат одну из твоих песен, получаешь двадцать очков.

– То есть если ее поставят в супермаркете?

– Да.

– Ты уверен, что из всех возможных песен сегодня в этом магазине заиграет одна из нашего случайного списка?

– Абсолютно.

Я смеюсь.

– Почему?

– Магия. – Он пожимает плечами. – И потому что во всех продуктовых играет поп-музыка начала нулевых. Федеральный закон.

Мой скепсис улетучивается, как только мы входим в магазин: звучит *Stacy's Mom*.

– Хей, у меня двадцать очков, – говорю я.

Рид со стоном облокачивается на ручку тележки.

– Новичкам везет. Как всегда.

Он притормаживает у ряда с товарами для выпечки, но в трех шагах до цели отвлекается на ведерки с глазурью.

– О-о-о. Смотри.

Он берет с полки шоколадную глазурь «Дункан Хайнс».

– Блин... Я бы сел прямо тут и начал лопать ее ложкой, как йогурт. Наверное, это странно?

– Ты всерьез спрашиваешь?

Ну правда, я хочу знать: есть на свете такой человек, который *не стал бы* есть шоколадную глазурь ложкой, как йогурт?

Внезапно меня охватывает вдохновение.

– А можно расширить правила игры?

– Конечно!

– Так. – Я ухмыляюсь. – Быстрый челлендж. Десять очков тому, кто за минуту найдет глазурь с самым отвратным вкусом. Внимание... Марш.

Я включаю секундомер, и мы оба умолкаем. Во мне пробуждается соревновательный дух, что совершенно на меня не похоже. Вот, значит, каково быть Кэсси. В лагере она всегда выигрывала: поедание хот-догов, поросячья латынь, кто-дальше-плюнет-арбузную-косточку. Меня же такие вещи совершенно не заботили.

Но это состязание меня волнует. Я хочу взять десять никому не нужных очков. Это бодрит. Я внимательно рассматриваю полки. Увы, почти всё стандартное: домашний шоколад, глазурь Funfetti, сливочный сыр... Пара претендентов, конечно, есть – например, кокос, пекан и лайм... В конце концов я останавливаюсь на беконе с кленовым сиропом от Бетти Крокер (ограниченная серия). Какая гадость, Бетти!

На сорок пятой секунде Рид начинает сомневаться.

– Молли, помоги! Они же все хороши.

– Шутишь?

– Может, я просто люблю всю глазурь?

Я печально качаю головой:

– Даже не знаю, что сказать.

Секундомер пиликает, и я демонстрирую бекон с кленовым сиропом – Рид его не заметил.

– Да, забавная штука, – говорит он.

– Ага. Сфоткаю для сестры.

Он смеется:

– А мне пришлешь?

– Э-э-э. Легко. Если дашь номер.

Чувствую, как к щекам приливает тепло. Надеюсь, он не подумал, что я Прошу Его Номер. *Не думаю*, что я Прошу Его Номер. Просто прошу его номер.

– А, точно!

Я отправляю Риду фотку и вношу его в свои контакты. Тогда он тоже достает мобильник, чтобы сохранить у себя мой телефон.

Забавно. Не удивлюсь, если он хотел обменяться номерами, – потому что мог запросто сфотографировать упаковку сам.

На мгновение я почти теряю дар речи.

Но меня тут же спасает Аврил Лавин. Неожиданно и очень громко начинает играть Sk8er Boi, и я с облегчением выдыхаю.

– Двадцать очков, – говорю я с ухмылкой.

– Но как?! Где ты научилась так играть?

Я пожимаю плечами и развожу руками. Как то самое эмодзи[30].

– Просто я ясновидящая.

Боже, мы обменялись номерами телефонов. Нет, не то чтобы прямо *обменялись*... Вовсе нет. Не понимаю, почему я еле дышу. Просто легкие – предатели. Как и желудок. И сердцебиение туда же.

На обратном пути мы попадаем в пробку. Все еще светло, мы с Ридом молчим. В супермаркете мы постоянно прикалывались, поддевали друг друга и в шутку соревновались (я его просто разгромила: пятьдесят – ноль). Но в машине я робею. Кажется, Рид тоже.

– Значит, у тебя есть сестра?

– Ага, – киваю я. – Близнец.

– Серьезно?

Он удивлен. Неужели я не рассказывала ему про Кэсси? Наверное, на работе мы всегда болтаем на случайные темы. О том, что нам нравится, а не о том, кто мы такие.

– Мы двуйцевые близнецы, – добавляю я. Как правило, об этом спрашивают в первую очередь.

– И какая она?

– Кэсси? – я задумываюсь. – Не знаю. Бесстрашная.

– Не думаю, что можно быть по-настоящему бесстрашным, – говорит Рид.

Затем он включает поворотник, хотя нам нужно проехать по этой улице еще целый квартал. Пробка настолько плотная, что мы почти не движемся вперед. Поворотник тикает как метроном.

– Да, наверное, – соглашаюсь я и улыбаюсь.

Я же помню, какое у Кэсси было лицо, когда она сообщила мне, что Мина – пансексуалка. То есть она знала, что у нее есть шанс, но не была уверена. Вероятно, чуть-чуть боялась. Но, очевидно, бояться было нечего.

А потом я вспоминаю про статус в фейсбуке: теперь это уже воспринимается не как предательство, а как дурацкая шутка. Правда забавно. Думаю, Риду это тоже покажется смешным. Нужно срочно пошутить.

– Хочешь, я расскажу кое-что странное? – спрашиваю я.

– Конечно.

– Ну, не такое странное, как Толкин.

– Толкин вообще не странный, – говорит он. – Пожалуй, это самый стандартный автор фэнтези из всех.

Забавно, впрочем, и то, как сильно я хочу рассказать ему о Кэсси. Не только о фейсбуке и всяких смешных историях, но и об остальном тоже. О том, как наши отношения едва заметно изменились. Мне почему-то кажется, что Рид меня поймет, хотя никаких причин так думать у меня нет. Две минуты назад он даже не знал, что у меня есть сестра.

– Ну, то есть если захочешь почитать *странное* фэнтези, – продолжает он, – дай знать, потому что...

– Ой, нет, – говорю я и смущенно улыбаюсь. – В общем, Кэсси начала свои первые серьезные отношения с девушкой. Угадай, как я об этом узнала.

– Как?

На слове *девушка* Рид и бровью не повел. Мне это нравится. Меньшего от парня из Такома-парка – а тем более от сына Деборы и Арье – я и не ожидала.

– Из статуса в фейсбуке.

– Ой. – Рид хмурится.

– Ага.

Молчит.

– А как она должна была тебе сказать? – наконец спрашивает он.

– Уж точно не в статусе фейсбука.

Мне вдруг становится очень неприятно. Не знаю, какой ответ меня бы устроил. Не знаю даже, почему меня волнует его реакция. Но что-то не так. С чего я взяла, что это будет мило? Или забавно? Это неловко. И немножко грустно. Я быстро отворачиваюсь к окну.

– Молли? – говорит он спустя какое-то время.

– Что?

Мы останавливаемся на светофоре, и я чувствую на себе его взгляд, чувствую, как он размышляет о том, нужно ли что-то сказать. А я плююсь на свои запястья, увешанные фенечками. Я научила Эбби плести их весной перед ее отъездом, и мы до сих пор их носим. От мысли об Эбби мне становится еще грустнее.

Она в Джорджии. А у Кэсси теперь подруга. Всё и вся движется со скоро-

стью миллион миль в час.

– Ты не должна была узнать об этом из статуса в фейсбуке, – наконец произносит Рид.

Я пожимаю плечами.

– Меня бы это тоже расстроило, – добавляет он.

И – ой. Ком встает в горле. Вот еще один факт обо мне. Если кто-то видит, что мне грустно, или спрашивает, что случилось, или просит не плакать, мое тело слышит команду: ПЛАЧЬ. Даже если мне не особенно грустно. Наверное, во мне всегда есть маленькие капельки печали, которые ждут, когда их заметят и позовут. Может быть, они есть у всех.

– Да все в порядке, – говорю я с вымученной улыбкой. – Естественно, я за нее очень рада.

– А, ну хорошо.

Он растерян. Лучше бы я ничего не рассказывала. Теперь он решит, что я стерва. И плохой человек. И вообще сволочь, с какой стороны ни глянь.

Не понимаю, почему рядом с ним я не могу просто заткнуться?

В среду я просыпаюсь в тревожных чувствах еще до рассвета. Мысли мечутся без остановки.

Вот Рид. Со своими сияющими белыми кроссовками. И на удивление низкими стандартами в отношении глазури. А вот Кэсси. И Мина. И статус в фейсбуке. И тесто для печенья. И тот факт, что Мина зайвится в гости, когда придет бабуля, и неизбежный цирк.

Я пытаюсь себя загипнотизировать, глядя на потолочный вентилятор, но это не помогает, так что я беру телефон и начинаю скроллить свадебные блоги. Но сосредоточиться не получается. Наконец я принимаю таблетку, спускаюсь на кухню и достаю все необходимое. Кто бы мог подумать, что я буду стоять в пять утра и раскладывать тесто без яиц по маленьким баночкам.

Позднее, когда я ставлю последнюю баночку в холодильник, сверху доносятся лепет Ксавье. Вообще-то мне нравится доставать его из кровати. Я проскальзываю в его комнату, а он замечает меня, хватается за бортик и начинает забавно приплясывать. Детский тверк.

– Привет, дружище.

Я беру Ксава на руки. Он касается моего лица и, улыбаясь, лопочет:

– Момомомомомо.

– Точно!

Ксавье – самый милый мальчуган во Вселенной. Огромные карие глаза, пухлые щечки и очень нежная коричневая кожа, а между передними зубами – маленькая щербинка. В общем, он идеальный. Меня всегда греет мысль, что у нас с ним общая ДНК, пускай и с донорской стороны. Может быть, на небесах наши общие предки тоже попивают амброзию и наблюдают за нами.

– Эй, малыш, – шепчу я, уткнувшись в его шейку, а он морщится и хохочет.

Я пристраиваю его на своем бедре и бережно несущу вниз. Решаю посадить его посреди гостиной, где он обычно играет. Пусть мамы поспят.

Но через пару минут спускается Надин – зевая и улыбаясь одновременно:

– Вы только посмотрите на этих двоих.

– Мы тебя разбудили?

– Ну что ты, Момо. Нет. Это все сиськи.

Сейчас Надин говорит о сиськах так, словно это разумные существа. Они постоянно ее будят, вылезают из лифчика для кормления или требуют «дойки» – как коровы на ферме. В общем, разводят свою сисечную деятельность.

Я передаю ей малыша. Надин приподнимает пижамную кофту, и Ксав сразу же присасывается.

– До меня тут дошел слух, – произносит она, сидя на диване.

– Про Кэсси?

Она ухмыляется.

– Откуда?

– По маминым каналам.

Имеется в виду мама Оливии. Оливия рассказывает своей матери все. А та рассказывает все нашим мамам. Очень надежная система.

Я падаю в кресло с игрушкой Ксавье. Это одна из тех развивающих штук с песенками про зверушек. Как же бесит этот бодренький мужской голос.

– Боже, так и просится в камин, – замечает Надин.

– Так давай сожжем.

– Ага, но ты же сама знаешь. На ее место придет другая. Да, Ксэйвор Ксэв? – добавляет она. А он выплевывает сосок и улыбается ей. – Эй, эй, разольешь! Засовывай давай обратно.

– Я сделала тесто для печенья, – сообщаю я.

– Сегодняшний десерт?

Я киваю.

– Значит, над этим вы тут работали?

Снова киваю.

– Момо, надо же иногда спать.

– Не могу.

Она склоняет голову.

– Ну-у-у, бедняжка.

– Да все в порядке, – быстро отвечаю я.

– Ты сегодня работаешь?

Я качаю головой.

– Так, ладно... Ой, вибрирует. – Она приподнимается и с минуту елозит рукой под задницей. – Кажется, я села на твой телефон. – Наконец Надин его нащупывает и передает мне. – Кто это тебе написывает в семь утра? Погляди-те-ка на нее. Мисс Популярность.

– Эбби, наверное.

Но когда я смотрю на экран, в груди что-то екает.

Два сообщения от Рида.

Помочь с тестом?

Под помощью имею в виду дегустацию

Ксавье все еще сосет грудь, но при этом машет рукой, пытаюсь забрать у меня мобильный.

– Неплохая попытка, – говорю я ему.

Надин фыркает.

– Мальчик захотел себе айфон.

Теперь я чувствую себя сучкой, потому что хочу, чтобы Надин с Ксавье ушли и я могла ответить Риду в одиночестве. Забавно. Кэсси вот переписывается с девочками и за столом, и в гостиной, и в машине – всюду. Честно, она даже оргию сумеет спланировать у нас на виду. На диване между Надин и Патти. Потому что пока они явно не смотрят ей в телефон, ей плевать.

Но я не могу писать парню при мамах. Не могу и все. Даже Риду.

– Значит, сегодня вечером у нас и Мина, и бабуля. – Надин зевает. – Как это, блин, так вышло?

Я смеюсь.

– Не знаю. Наверное, Мина сама предложила.

– Не могу поверить, что Китти Кэт на это пойдет.

– Может, бабушка будет милой?

– Ага, как же, – ухмыляется Надин. – Ну а вообще я буду рада познакомиться с этой девочкой.

– Да, она тебе понравится. У нее...

Мой телефон снова жужжит. Я пытаюсь не обращать внимания, но мысль уже потеряла. Иногда на то, чтобы не смотреть в экран, уходит слишком много сил.

Может, это снова Рид. Хотя это не имеет значения.

Наконец, Ксавье закончил. Надин поправляет пижаму и встает.

– Ладно, надо отвезти этого чувачка в супермаркет, пока в библиотеке не начались чтения сказок.

Надин никогда не пропускает летние чтения. Патти говорит, это потому что, когда Надин занималась нами с Кэсси, люди принимали ее за няню. Наверное, маме неприятно такое слышать.

Я открываю сообщения, как только Надин и Ксав уходят, и сердце замирает. Ну как тут расслабиться?..

Две эсэмэски про тесто от Рида.

И еще одна новая. Номер мэрилендский, в контактах его у меня нет. Сообщение простое:

Че как

Без вопросительного знака. Просто два слова и эмодзи с танцующими дамочками в костюмах пчелок.

Я заинтригована. Загадочное сообщение. Кто же это? Должно быть, кто-то знакомый. Не думаю, что уместно отправлять танцующих пчелок незнакомцу.

Я гуглю номер, но поисковик ничего не выдает. Спрашивать «Кто ты?» глупо. Поэтому не буду отвечать.

По крайней мере, постараюсь.

К тому же еще надо придумать, что написать Риду. Нужен смешной, легкомысленный и клевый ответ. Но Рид не должен подумать, что я специально что-то усердно для него выдумывала.

Так что я пишу:

Поздно. Тесто уже готово и спрятано. – И эмодзи в солнечных очках.

Конечно, я могу поделиться...

За определенную плату.

На экране моментально начинают прыгать точки. А через секунду всплывает:

За плату, значит?

Тут меня словно окатывает ледяной водой. Только сейчас доходит, как это звучит. *За определенную плату.* Как намек на секс. Как будто я с ним флиртую.

Вот блин!

Нужно нейтрализовать неловкость. Срочно.

Шоколадные яйца принимаются.

УЖЕ ЕДУ, – отвечает он. – *Ты сейчас где?*

В моем животе что-то переворачивается. Серьезно, никакого покоя.

Дома, – пишу я. И осторожно нажимаю «отправить».

Если честно, я не против, если он зайдет. В этом нет ничего такого. Мы же коллеги. И в продуктовый вместе ездили. В понедельник он подбрасывал меня домой, так что знает, где я живу.

Не отвечает.

Может быть, уже едет. Он же так и написал.

Так, хватит пялиться в экран. Надо расслабиться. И не представлять, как Рид, в своих нелепых кроссовках и с ямочками на щеках, стоит перед дверью.

Но я не могу ничего с этим поделать.

Пытаюсь избавиться от мыслей. Кладу телефон на край стола.

Патти много говорит об осознанности, о том, что нужно полностью проживать каждый миг. Мне это дается очень тяжело. Видимо, у меня беспокойный ум. Когда у меня получается взять его под контроль, я чувствую себя отлично – и на минутку перестаю *хотеть*.

Я ведь даже не отдаю себе отчета в том, сколько времени трачу на эти *хотения*. На тоску по чему-то, на влюбленности, на гнетущую пустоту. Как будто мне всегда чего-то не хватает.

Я продолжаю раз за разом оглядываться на дверь.

Это смешно, но мне хочется, чтобы он приехал.

В конце концов я не сдерживаюсь и открываю сообщения от Рида.

Ну так ты едешь?

Три точки. Печатает.

Куда еду?

Значит, пошутил. Лучше бы я ничего не писала... Чувствую себя глупо. И пытаюсь выкрутиться.

Чтобы заявить права на тесто, которое я приберегла для тебя, но потом съела сама.

Он отвечает вереницей плачущих эмодзи. Не думала, что он использует эмодзи.

Короче. Мне все равно. Все равно. Расслаблюсь и прокачаю свою осознанность.

Мне все равно.

Ничего я не хочу.

Через несколько часов Кэсси начинает бесноваться.

– Боже! Ну и где они?

Она прижимается лицом к окну – точь-в-точь кот Эплбаумов, – а на улице льет как из ведра.

– Да в пробке, наверное, стоят, – говорит Надин. – Час пик, аэропорт, дождь. Китти Кэт, скоро все будут тут.

Кэсси выбегает в гостиную и падает на диван, а я сажусь рядышком.

– Все будет хорошо.

– Ага, но мне очень надо, чтобы бабуля приехала раньше.

– Почему?

Кэсси поднимает брови:

– Потому что она обязательно ляпнет что-нибудь расистское. Я должна это предотвратить.

Я смеюсь.

– И как же ты это предотвратишь?

– Пока не знаю. Скажу ей не ляпать ничего расистского.

– Она все равно ляпнет. Это же бабуля.

– Ага. Блин. – Кэсси вздыхает. – И что мне делать?

– Ну ведь ее слова не выражают твоих взглядов. Просто поговори с Миной. Предупреди ее, что ли.

Кэсси откидывается назад и горько смеется:

– Ага. *Здорово, Мина. Скорее всего, моя бабушка будет вести себя так, как будто ты не говоришь по-английски, а еще, может, расскажет про китаянку из ее подъезда – ну, что-нибудь в таком духе.* – Она закрывает лицо руками: –

Блиииииин.

– Ну что ты.

Кэсси убирает одну руку и косится на меня.

Я обнимаю ее за плечи.

– Все будет хорошо.

Она вздыхает:

– Да знаю.

– Все же здорово, правда? У тебя есть девушка. И она придет к нам на ужин.

Я стараюсь говорить бесстрастно, но спотыкаюсь на полуслове.

Кэсси поворачивается ко мне:

– Тебя разозлило, что я тебе не сказала.

– Нет!

– Ой, не гони. – Она улыбается.

– Я удивилась, что ты мне не сказала.

– И разозлилась. Слушай, я все понимаю. – Она прижимается ко мне. – Да, я сучка.

– Не-а.

– Просто это так странно, понимаешь? И говорить об этом странно. Хреново, блин. Знаешь, мне легко рассказывать тебе про каких-то случайных девчонок. Потому что какая разница? Можно поржать и все такое.

– Ты же знаешь, я бы никогда не стала смеяться над тобой из-за Мины.

– Да, конечно. Просто... – Она закрывает глаза. – Как бы это сказать, чтобы ты не посчитала меня стервой... В общем, наверное, ты не поймешь, пока не начнешь с кем-то встречаться.

На секунду я зависаю:

– Вот как.

– Слушай, звучит не очень, но ты понимаешь, о чем я.

– Ага, – говорю я и резко встаю.

Все ясно. Кэсси встречается с кем-то целых два дня и уже успела стать специалистом по истинной любви. А вот я ничегошеньки не понимаю. Наивное бесполое существо!

– Молли, ну чего ты? Прости. Я же сказала – звучит не очень. – Она вздыхает. – Ну не начинай, пожалуйста. Хотя бы сейчас...

Вдруг на журнальном столике жужжит ее телефон. Сообщение.

– Она здесь!

– Бабуля или Мина?

Но Кэсси уже спрыгивает с дивана и бежит к двери, а потом – на улицу. Прямо под дождь. От парадной до Миной машины всего пара шагов, но Кэсси промокает до нитки. Впрочем, ей все равно. Она запрыгивает на пассажирское кресло, и они обнимаются, склонившись над коробкой передач.

Я краснею и отворачиваюсь.

Примерно через полчаса приезжают Патти с бабушкой Бетти. Вскоре мы все усаживаемся вокруг обеденного стола. И первое, что выдает бабуля:

– Кэсси, а ты не рассказывала, что у тебя восточная подруга!

– Бабуууль! – шипит Кэсси и в отчаянии смотрит на Патти.

Та морщится:

– Мам, нельзя так говорить.

– Нельзя?

Я качаю головой.

– Бабуль, Мина – американка корейского происхождения, – сообщает Кэсси. – Лады? Нельзя говорить «восточная».

– Восточный – это ковер, – добавляю я.

– Не успеваю я за вашей терминологией, – смеется бабушка. – Мина, дорогая, надеюсь, ты на меня не в обиде. Я очень рада с тобой познакомиться.

– И я очень рада.

Мина явно такого не ожидала.

Надин приносит огромную индейку – какую в пору подавать на День благодарения. Обычно их называют «*молодыми индейками*», отчего возникает вопрос, какого же размера старые. Блюда передают по столу. Мне почему-то не по себе. Наверное, это эмпатия. По отношению к Кэсси. Или к Мине. Боже. Бедная Мина.

– Так ты живешь в Бетесде? – спрашивает Надин. – Наверное, там весело.

Мина неуверенно улыбается:

– Не сказала бы.

– Мам, весело – это на Эйч-стрит, например, – вставляет Кэсси.

– Не согласна, – возражает Надин. – Веселье там, куда ты его принесешь.

Правда же, Ксэйвор Ксэв?

Ксавье тем временем пытается раздавить у себя в волосах кусочек персика.

– Он очень на вас похож, – замечает Мина, переводя взгляд с Ксава на Надин.

– О-о-о, спасибо.

– Я же говорила, – вступает Кэсси. – Это ее Мини-Мы[31].

Люди всегда это подмечают. Ксавье очень похож на Надин, а Кэсси – вылитая Патти на старых фотографиях. Это я тут странненькая. Втайне я думаю, что похожа на донора, но его фоток я не видела. Конечно, бабуля всегда говорит, что я смахиваю на нее. Не знаю, чем и как, но она любит об этом упоминать.

И вот, пожалуйста:

– А знаешь, Молли – просто копия меня в семнадцать лет. Только я в этом возрасте была стройненькой.

Это она тоже всегда добавляет.

– Я и моделью для «Мэйсиз»[32] была. Представляешь?

– Ух ты! – поражается Мина.

– И я всегда говорю Молли: ты, конечно, пышечка, но лицо у тебя прекрасное. Прекрасное же?

– Очень, – кивает Мина, а Патти предупреждает:

– Мам, прекращай.

Тогда бабуля демонстративно закрывает рот ладонью и подмигивает мне.

Кажется, я сейчас заплачу. Правда. Сижусь за этим столом и притворяюсь, что все нормально, пока бабушка обзывает меня толстой. В лицо. *Пышечка...* Она уже так меня называла. Но при секси возлюбленной Кэсси это звучит в тысячу раз хуже.

– Знаешь, внучка моей подруги Сильвии – в Колумбийском университете, – тихо говорит бабушка, придвинувшись ближе, – такая красавица! Ее зовут Эстер.

– Здорово.

Бабушка кладет ладонь мне на руку:

– Это в Нью-Йорке, дорогая. Ты ведь знаешь, что Колумбийский университет находится на Манхэттене? Так вот, у них там на компьютере есть эти упражнения, и Эстер занимается прямо в общей спальне.

– Ясно.

– Она их обожает.

Я медленно киваю. Каждая клетка моего тела замирает в напряжении. Кэсси с Миной внимательно слушают.

– Подумай об этом, мейделе[33], ладно? Вот бы мне кто по молодости подсказал, – сетует бабуля. – Потом избавиться от этого все сложнее и сложнее.

Так она себя и ведет. Порой мне нравится проводить время с бабулей, но бывает, она выдает такое, что просто хочется исчезнуть.

– А по молодости это запросто, – продолжает она. – Осторожность, вот что важно. Половину того, что на тарелке, не трогай. И обязательно поговори с Эстер! Она эти упражнения обожает – сбросила уже кило десять!

– Ясно.

– И парень у нее сразу появился.

Кэсси проглатывает кусок индейки и бросает вилку; та со звоном падает.

– Так, хватит. Это ненормально.

Я краснею:

– Да все в порядке.

– Ничего не в порядке, – она повышает голос. – Бабушка, хватит поливать Молли говном. Так нельзя. Прости, но зачем ты с ней так разговариваешь?

– Ну, Молли-то не против, да? – парирует бабуля и похлопывает меня по руке.

– Я не против.

– Нет, против, – тихо отвечает Кэсси.

Все так. Это очень глупо. Но я против. Просто когда бабушка берется за свое, я цепенею.

Тут на нас обращают внимание Надин и Патти.

– Мам, хватит. Мы уже это обсуждали.

– Да я же просто хочу помочь.

– Это не помощь.

– Патрисия, у нее проблемы со здоровьем, и ты это знаешь.

– Бетти, – говорит Надин и кладет вилку. А потом смотрит на Патти.

Кэсси пихает меня ногой под столом, но я и этого почти не замечаю. Меня бросает то в жар, то в холод. Трудно объяснить.

То есть я знаю, что я толстая. Это не секрет. В восьмом классе, на испанском, Кайл Доннер каждый день шептал мне на ухо: *gorda*[34]. А однажды Даниэлла Элдред спросила, не боюсь ли я раздавить парня во время секса. В седьмом классе. И это цитата.

Так что я уже должна была привыкнуть. Однако когда кто-то обсуждает мое тело, я немножко теряюсь. Видимо, я хочу верить, что никто не замечает моей толстоты. Или что я и толстая, и красивая – как модели «Торрид»[35]. Не знаю...

Кэсси все еще пыхтит, Мина смущенно смотрит в свою тарелку, а Патти провожает бабулю в гостиную. Что она говорит, я не слышу, зато до меня доносятся обрывки бабулиных слов. *Порции поменьше. Стоит задуматься.*

– Притворимся, что этого не было, – предлагает Кэсси и качает головой.

– Момо, сможешь убрать со стола? – спрашивает Надин.

Я киваю и начинаю складывать тарелки. Потом захожу в кухню, и Надин приобнимает меня одной рукой.

– Эй. Ты в порядке?

– Ага.

– Бабуля мелет всякую чушь. Не слушай ее, ладно? – Она снова качает головой. – В одно ухо влетело...

Мина тоже убирает посуду, хотя Надин просила ее не беспокоиться. Однако она настаивает, что хочет помочь. Стандартные церемонности. Когда я была маленькой, мы ходили с родственниками по ресторанам, и Надин всегда воевала с дядей Альбертом за чек. Нас с Эбби это очень веселило. Они пробовали и так и сяк, все настаивали и настаивали... *БОЖЕ. ВЗРОСЛЫЕ, ВЫ с УМА ПОСХОДИЛИ. БЕСПЛАТНЫЙ ОБЕД. СМИРИТЕСЬ УЖЕ.* Но теперь я понимаю. Наверное, я старше, чем мне кажется.

Кэсси с Ксавье на руках следует за Миной.

– В общем, Молли сварганила для нас тесто для печенья в баночках, – говорит она и открывает перед Миной холодильник.

– Боже мой... Ты сама?

Я застенчиво улыбаюсь.

– Такая милота, скажи? – Кэсси опускает Ксава на пол, и тот аккуратно шагает с поднятыми руками. – Если бы этим занималась я, то просто плюхнула бы все в пакет для заморозки. Типа: готово!

– Да это же совсем несложно, – замечаю я.

– Никогда не видела десерта круче! – восхищенно восклицает Мина.

Мы приносим баночки и ложки в гостиную. Завидев бабулю, я краснею. Значит, теперь я должна есть десерт при ней. Хотя в глубине души я даже хочу усесться у нее перед лицом. Внаглую. С вызовом. Пусть смотрит.

Приятно видеть, как обрадовалась тесту Мина. Все это так просто приготовить, что мне почти стыдно. Как впечатлить народ? Элементарно: индивидуальные порции в маленьких баночках. Помню даже, как мной восхищались из-за покупного ванильного мороженого.

Я плюхаюсь на диван и двигаюсь к подлокотнику, чтобы Мине с Кэсси было где расположиться. Хотя толку-то – они сидят от силы минут пять, а потом Кэсси вспоминает про какую-то книжку, которую обещала Мине, – и привет.

Забавно, что книжку обязательно нужно искать вдвоем.

А еще забавнее то, что через полчаса они возвращаются без книжки вовсе.

Пока бабуля не уедет, я буду жить в комнате Кэсси. Вообще-то мы привыкли ее делить. Мы так и не избавились от двухъярусной кровати, так что когда у нас гости, я занимаю нижний «этаж». И мы каждый раз словно возвращаемся в прошлое.

Естественно, у меня бессонница. Опять. Голова идет кругом. Я взбиваю подушку и тупо пялюсь на днище Кэссиной кровати. Оно до сих пор обклеено светящимися в темноте зверьками. И, кажется, козьявками десятилетней давности. Я была не самым утонченным ребенком.

Я ворочаюсь, кровать скрипит, и Кэсси вздыхает.

– Молли, спи уже.

– Пытаюсь.

– Пытайся лучше.

Какое-то время мы молчим.

– Я знаю, что ты не спишь, – заявляет она.

– Ты тоже.

– У меня-то есть причина. У меня любовное томление.

Я сажусь, скрестив ноги под одеялом.

– А почему ты думаешь, что у меня его нет?

– Погоди. Что?

Она высовывается и смотрит на меня сверху.

– Да шучу я.

– Нет, не шутишь. Боже мой. Он тебе написал, да?

– Ты о ком сейчас? – я стараюсь говорить беззаботно, но сердце бьется все чаще.

Откуда она знает, что мне писал Рид? Или она про загадочных танцующих пчелок?

– Значит, вот в чем дело, – говорит она.

Ее кривую ухмылку я могу разглядеть даже в темноте. Голова исчезает, но через секунду с верхней полки свисает нога. Кэсси отталкивается руками и ловко приземляется на корточки.

Вообще-то у кровати есть лестница, но она ею никогда не пользуется.

Еще одно наше фундаментальное отличие.

– Возможно, мы с Миной дали Хипстеру Уиллу твой номер.

– Что?

– Блин. А я правда думала, что он тебе напишет. – Она усаживается с краю и поправляет пижамные шорты. – Нет? Вот говнюк.

– Я... Не понимаю.

– Молли, это часть нашей миссии. Я же говорила тебе про бойфренда. Мы все устроим. – Кэсси качает головой. – Поверить не могу, что он не написал.

Я краснею:

– Э-э... Да вроде написал.

– ЧТО?

Я убираю волосы с лица.

– Не знаю... Мне пришло сообщение с какого-то неизвестного номера.

– Вот блин. Идиот... Он не представился?

Я качаю головой.

– А что сказал?

– Да я не уверена, что это он. – Я нацупываю рукой телефон на полу и снимаю его с зарядки. – Вот.

Открываю сообщение и передаю мобильный Кэсси.

Она смеется.

– Ага, это Уилл. Девчонок-пчеленок прислал?

– Как видишь.

– Боже! Охренеть! Надо Мне рассказать. – Она потирает щеки. – Боже, как круто! Ответь ему!

– Что именно?

– Что-нибудь. Seriously, это не важно. Просто делай дело. – Кэсси падает на мою подушку и вздыхает. – Как мне это нравится! Я встречаюсь с Миной, а ты будешь встречаться с ее лучшим другом.

– Не думаю, что до этого дойдет.

Мне жарко. Наверное, я уже красная, как помидор.

– Слушай. Я тебе говорю: для нашей миссии Уилл – самое то. Он тебе подходит. Милый, клевый, талантливый, и у него отличный музыкальный вкус. Ну и он симпатичный, да?

– Ага, – мягко соглашаюсь я.

– И лучший друг Мины.

– Знаю.

– Мы всегда говорили, что выскочим за лучших друзей, – говорит Кэсси.

– Так вы с Миной женитесь? Ого!

– Иди ты. Ты меня поняла. – И все-таки она тоже краснеет. – Просто напоминаю. Он Минин друг. Нам с тобой это отлично подходит. И мне правда кажется, что ты ему понравилась.

Я качаю головой.

– Нет, не понравилась.

– Окей, знаешь, в чем твоя проблема? – спрашивает она, глядя мне в глаза. – В том, что ты вообще не допускаешь такой возможности.

Не допускаю.

И все-таки допускаю.

В общем, не знаю, честное слово.

12

И теперь Кэсси только об этом и говорит. В смысле о Уилле. Вообще она слишком рьяно за все взялась. И наверняка обсуждала это с Эбби, Оливией и Миной. Стыд, блин. Было бы здорово, если бы я не нуждалась в батальоне свах.

Но в таких вопросах я чувствую себя дефективной.

Короче, сейчас я в черном кружевном топе, собранном под грудь, – я купила его пару недель назад. Раньше я носила его только с маечкой и кардиганом. Но Кэсси запретила их надевать. И затащила в ванную, чтобы сделать мне дымчатый макияж глаз. Потом Оливия немного завила мне волосы. Они занимались этим с таким усердием... Странно. Но неплохо.

– *Какая же ты красивая*, – отмечает Кэсси. – *Правда?*

Пару секунд Оливия молчит, а потом соглашается:

– Ага, очень красивая.

От ее слов мне становится тепло и хорошо.

Позже я смотрю на свое отражение в окне поезда метро и думаю, что они правы. Я выгляжу неплохо. Гораздо лучше, чем неплохо. Так непривычно. Как будто я другой, новый человек.

Мы выходим на Вудли-парк и идем по мосту в Адамс Морган, где у входа в бар нас уже ждут Мина с парнями. В руках у Уилла мужская сумка. Он очень зол – таким я его еще не видела.

– Ну что это? Бред. – Он проводит рукой по волосам и фыркает. – С каких пор у нас возрастные ограничения на музыку?

– Это же бар, – вставляет Кэсси.

– Ну так мы же не бухать сюда пришли, – отвечает Уилл. – *Музыку слушать.*

– Я понимаю.

– Но почему *он* не понимает? – Уилл указывает в сторону вышибалы и буквально рычит.

– Да пофиг. Хрен с ним. Отсюда тоже слышно, – говорит Кэсси.

– Это не одно и то же.

– Вот, выпей. – Она достает из сумочки термос.

– Что это?

– Лимонад.

Уилл отпивает и улыбается.

– С персиковым шнапсом, – добавляет Кэсси.

– Я тоже хочу. – Мина тянется за термосом. – И еще хочу Джамбо-слайс[36], – говорит она, заразительно улыбаясь.

Через двадцать минут мы с Кэсси, Миной и Оливией тесно сидим на деревянной лавочке. У меня в руках просто эпичнейший кусок пиццы. И кола. Парни нависают над нами или типа того. В нескольких метрах от нас стоят парень с девушкой, их взгляды прикованы друг к другу. Макс вслух пародирует их мысли. Кэсси с Миной держатся за руки и пытаются сделать вид, что в этом нет ничего необычного, но их лица светятся, словно луч во тьме. Я рада за них. Но мне немного одиноко. А так они очень милые. И вообще все очень здорово. Сложно объяснить... Пожалуй, я просто ощущаю, что все как-то *правильно*. Я говорю правильные вещи и нахожусь в правильном месте. Как будто я *правильный* человек.

В этом есть хоть какой-то смысл?

Я наклоняюсь, чтобы шепотом поделиться этим с Оливией, но тут кто-то стучит мне по ноге.

– Эй, – говорит Уилл. – Ты так и не ответила на мое сообщение.

– Ой. Ну да...

Он смеется:

– Да шучу. Все в порядке.

– Я же не знала, что это ты, – замечаю я.

Кэсси хихикает, и я понимаю, что они с Миной нас внимательно слушают.

– Ну, теперь знаешь.

Его голубые глаза встречаются с моими. Кажется, я краснею.

Затем прочищаю горло и спрашиваю:

– Шнапс еще есть?

Выясняется, что сумка Уилла набита миллионом миниатюрных бутылочек с выпивкой. Шнапс закончился, поэтому Уилл выливает бутылочку с ромом в мою колу.

– Э-э, ладно...

Кэсси делает глоток:

– Ух, ядреный.

По правде сказать, мне особо не с чем сравнивать. Если я что и пробовала, то так, по глоточку. Мне нельзя мешать алкоголь с таблетками. Но сейчас нужно выпить. Чтобы хоть на минутку почувствовать себя кем-то другим.

Сегодня я Молли с волнистыми волосами. Бескардиганная Молли. Молли Ром-Кола.

– Кажется, улица плывет... – бормочет Кэсси. – Вы это видите?

– Ой-ой, – говорит Мина. – Кто-то уже напился.

– Ага.

Кэсси укладывается Мине на плечо.

У меня немного кружится голова. В груди тепло. Приятно. Мне нравится.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Уилл, улыбаясь, наблюдает за нами. Боже... Я готова пять миллионов часов кряду изучать изгибы его губ.

– Уже все напилься? – спрашивает он.

– Наверное, – подаю голос я.

Краем глаза я замечаю Оливию – она похожа на ребенка, которого притащили на коктейльную вечеринку: возит ногами по лавочке и беспокойно тербит салфетку. Я поворачиваюсь к ней, чтобы что-нибудь сказать, но тут Кэсси приобнимает меня одной рукой.

– Пьяная Молли. Не думала, что этот день когда-нибудь наступит.

– Мне нравится Пьяная Молли. Крутая, – вставляет Уилл.

– Скажи? – говорит Мина.

– Подзаправиться не хотите? – предлагает Уилл.

Кэсси многозначительно смотрит на меня – наверное, хочет напомнить про золот.

Я игнорирую ее:

– Да, давай.

Уилл наклоняет голову и улыбается мне. Какая лучезарная улыбка. И мне нравится его взгляд. Поверить не могу, что этот хипстерок в узких джинсах и с взъерошенными волосами вот так на меня смотрит. Чувствую легкий прилив

адреналина. А может, это влечение. Или спиртное – не знаю. Я нервничаю.

– Почему у вас лица как у зомби? – спрашивает он.

– Что?

– Да расслабьтесь!

– Зомби очень расслаблены.

Он смеется.

– Блин, ты такая смешная!

Мы скачем с темы на тему, но, может, так и должно быть. Я снова смотрю на Уилла – теперь он улыбается не так широко, но гораздо приятнее. Более интимно. К моему лицу приливает столько крови, что мне кажется, оно сейчас расплавится.

Вероятно, Кэсси была права насчет кардигана. Наверное, так все и случается. Может быть, все уже происходит. Но я не понимаю, как подобное могло случиться. Потому что Уилл такой симпатичный и клевый, а я – просто я. Та, что ничего ни в чем не понимает. Все это напоминает попытку влезть в платье не по размеру.

– Говорю тебе, сработало, – шепчет Кэсси.

Только это не совсем шепот. Потому что – боже мой. Пьяная Кэсси, ты просто орешь! Я на сто процентов уверена, что ее услышали и Уилл, и Макс, и вся 18-я улица, и даже жители Антарктиды. А в Антарктиде кто-то живет? Наверное, там есть какие-то исследовательские группки. Рид точно знает. Почему я об этом подумала? Почему я вообще вспомнила про Рида, греясь в лучах улыбки Уилла Хейли?

– Он мне очень нравится, – добавляет Кэсси еще громче. – Лучшая из твоих влюбленностей. Одобряю. Уилл, так держать!

– Кэсс. Хорош.

Я смотрю на нее, прищурившись.

Боже, как неловко.

Как будто стою голая на гигантском круглом ринге, а заполненные зрителями ряды уходят за горизонт. Невыносимо. Совершенно невыносимо.

– Короче, я пойду, – говорю я.

– Что? Нет! – восклицает Кэсси. – Не уходи. Я еще не готова.

– Можешь остаться. Все нормально.

– И ты сама поедешь на метро до дома? – спрашивает она. – Молли, ты пьяная.

– Ты тоже.

В ее взгляде читается упрек.

– Я пойду с ней, – объявляет Оливия через пару секунд.

Теперь Кэсси выжигает взглядом нас обеих, но я знаю, что настаивать она не будет. Ей очень хочется остаться.

– Чтобы написала, когда придешь домой, – говорит она, сжимая мою руку.

– А как же, – отвечаю я, сдерживая смех.

Потому что меня веселит ее опека. Не уверена, что Кэсси будет с тревогой ждать мое сообщение. Непросто проверять телефон, присосавшись к Мининому лицу.

– Мы тоже скоро пойдем, – обещает Кэсси. – Увидимся дома.

В этом я тоже не уверена.

Чем дальше мы от Адамс Морган, тем спокойнее становится Оливия.

– Прости. Мне сегодня не по себе, – признаётся она на мосту. – Хочу домой, переодеться в пижаму, а потом залечь с Титанией и почилить под «Нетфликс».

С Титанией. Собачкой.

Я прикрываю рот рукой:

– Оливия, с Титанией под «Нетфликс» не почилишь. Ты, кажется, не понимаешь, что это значит.

– Что-то я запуталась.

– Чилить под «Нетфликс» будешь с Эваном, – говорю я, довершая объяснение одними бровями.

– О-о-о.

– Ага.

– Я просто хотела посмотреть сериал. – Похоже, ее мои слова немного шокировали.

– Боже, да! Я тоже.

Это правда. Одно слово «*Нетфликс*» способно привести меня в чувство. «*Нетфликс*» означает, что не будет никакого сосания под ложечкой, не придется напрягаться, чтобы сказать что-то остроумное... «*Нетфликс*» – это целый вечер, когда не нужно гадать, что о тебе думают другие. Ни алкоголя, ни флирта, ни смущения, и все внутренности расслаблены и на своих местах.

Идеально.

Именно этого мне и хочется.

Но маленькая, извращенная часть меня рвется обратно на 18-ю улицу еще раз услышать, как Уилл Хейли хвалит мою отличную шутку. Хотя внутренностям в таком случае крышка. И вообще это полная противоположность «*Нетфликсу*». Ну, я такая, какая есть. Вечно мучаюсь от противоречивых желаний.

– Э-э, Молли? – произносит Оливия. – Ты зигзагами ходишь.

– А? Ой.

– Точно все в порядке?

– Абсолютно.

– Ладно... – Она закусывает губу. – Слушай, ты не против, если я по-быстрому наберу Эвану? Хочу поболтать с ним, пока он не пошел спать.

Несколько фактов об Эване Шультмейстере: ложится в десять тридцать, с берушами и капой для сна, и просыпается в пять утра для пятикилометровой пробежки. Каждый день.

– Вообще нет! Вообще не против, – отвечаю я.

Что-то слишком много тут «*вообще*». Вообще я часто говорю «*вообще*». Видимо, это характерная особенность Пьяной Молли. Это то же, что и обычная Молли, но у нее на сто пятьдесят процентов больше «*вообще*».

Оливия достает телефон и обгоняет меня на пару шагов. Я тоже вытаскиваю мобильный. Чувствую себя странно: все светится, кружится и качается, но мозги кое-как работают – на сообщение их хватает.

Эбби, чем занимаешься? Очень очень качаю!!!

Хаха скучаю а не качаю, – добавляю я чуть погодя.

А потом просто шагаю по мосту. Оливия до сих пор болтает с Эваном. Даже не знаю... Они ведь увидятся в воскресенье – она поедет к нему в Пенсильванию уже через два дня, – и все равно дрожит над телефоном так, точно это ее последний в жизни разговор.

Эван Шульмейстер. Фе.

В общем, я плетусь за ней, каждые пару секунд проверяя мобильный: не ответила ли Эбби? Она не отвечает. Тогда я пишу опять:

ЭББИ ЛЮБОВЬ МОЯ ТЫ ГДЕ?

Тут я в кого-то врезаюсь, но зато в этот миг жужжит телефон. Это Эбби! Нет, оказывается, не она, потому что в сообщении написано:

Привет! Прости – это Саймон. Эбби заснула. Разбудить?

О, привет, Саймон!!! Да все ок

Кста, это ее кухня Молли

Теперь я несколько раз проверяю написанное. Не хочу быть Пьяной Молли с бессвязной речью в первом разговоре с Саймоном. ТЕМ САМЫМ Саймоном. Новым лучшим другом Эбби. Моей заменой. ХАХАХАХАХАХАХАХАХА.

Ха. М-да. Не смешно.

Привет, кухня Молли! – пишет он.

Поверить не могу, что она уже спит, – отвечаю я.

ПРИКИНЬ! На Гарри Поттере уснула. – Сердитое эмодзи.

ЧТО?! – яростно печатаю я. – *Вот отстой. Она отстой.*

Она сквиб[37], – пишет он.

И я улыбаюсь до самого Вудли-парка.

Оливия вешает трубку только когда мы ступаем на эскалатор. Несколько минут она просто молчит. После разговоров с Эваном так всегда. Наверное, ей нужно время, чтобы вернуться в нормальный мир. Может, он бог любви. УМЕРЬ СВОЮ СЕКСУАЛЬНОСТЬ, ЭВАН ШУЛЬМЕЙСТЕР. Ради Оливии. Ради всего человечества.

Поезд приходит почти сразу, и нам даже удастся сесть вместе. Это чудо. Так говорит сосед из «Несгибаемой Кимми Шмидт» [38]: «Это чудо». Правда, я чувствую, что меня сейчас стошнит, а это наверняка запрещено. Запрещено блевать в метро. И на Оливию тоже.

Я делаю вдох, потом выдох, потом вдох и так далее, пока тошнота не проходит.

Еще пара станций, и все.

Я прокручиваю события вечера в голове, пытаюсь понять, что это все значило, вожу рукой под ключицей. Вся эта кожа... Патти называет это «декольте». Оно считается сексуальным, хотя со мной у меня это слово ничуть не ассоциируется. Сексуальная... Но сегодня я чувствовала себя сексуальной. И, кажется, Хипстер Уилл все-таки флиртовал. Со мной.

Когда поезд отходит от Род-Айленд-авеню, Оливия упирается подбородком в коленки. Для метро эта поза кажется странной, тем более что в моей подружке почти два метра роста. Она поворачивается ко мне и улыбается:

– Так значит, Уилл тебе написал?

– Э-э... Типа того.

– Как это «типа того»?

Я закрываю глаза и откидываюсь назад:

– Не знаю. Мне кажется, Кэсс с Миной его заставили.

Оливия хихикает.

– Да нет, серьезно, – говорю я. – Наверняка Кэсси подбила Мину достать его этой затеей.

– Значит, Кэсси заставила Мину заставить Уилла тебе написать?

– Именно.

Оливия слегка улыбается:

– Кажется, ты все усложняешь.

Все-таки она кое-чего не понимает. Я не пытаюсь ничего усложнять. Я хочу стать менее осторожной. Но при этом нужно всегда оставаться вратарем своего сердца.

И если мне откажут, я хочу знать об этом заранее.

13

Я просыпаюсь от жужжания мобильного: четыре сообщения от Эбби.
Ты пьяная вчера писала Саймону на мой телефон?!

И я не сквиб!!!!

(Что такое сквиб???)

Ты что, правда напилась?

Двигаться не могу. Смотрю на светильник. Никогда этого не замечала, но на нем толстый слой пыли. И лампочка перегорела. Надо как-нибудь поменять. Например, когда выйду из ступора.

Но валяться нельзя. Сегодня же Четвертое июля. В нашем районе это ого-го какой праздник. Даже парад будет – с головами животных из папье-маше, клоунами и целыми инсталляциями, посвященными компостированию. Так тут принято – строить платформы на колесах, украшенные во славу гниющих отходов.

Кэсси скрипит надо мной кроватью.

– О, привет, – говорит она сонно. – Проснулась?

– Вроде.

Она смеется:

– Да я тоже. Уффф. Вчерашний вечерок... Это было, конечно, нечто.

Боюсь спрашивать, что она имеет в виду. Наверное, что-то случилось после того, как мы с Оливией ушли. Может, Пьяная Кэсси в одночасье превратилась в Бухую Кэсси, а может, и в Кэсси Бухую-В-Шци.

Даже представлять себе не хочу, что Бухая-В-Шци Кэсси могла наговорить обо мне Уиллу (на последней стадии опьянения Кэсс особо не церемонится).

Я зажмуриваюсь и стараюсь думать о чем-то нейтральном. О чем угодно. Например, о том, что надену на праздник: светлое джинсовое платье-рубашку и синие леггинсы с белыми звездочками. Плевать, пусть косятся (мол, кто носит леггинсы в июле), но натереть себе бедра я не хочу. И потом, это очень патриотичные леггинсы.

Тут кровать начинает скрипеть, потому что Кэсси ворочается, и я снова начинаю загоняться. Чувствую себя магнитом с двумя минусами – то есть части меня не могут сойтись вместе. Если Кэсси что-то сказала Уиллу, я хочу знать. И одновременно не хочу. *Вообще.*

– Слушай, я пригласила Мину на парад, салют и все такое, – внезапно заявляет Кэсси.

– А, ладно.

– Ты как, не злишься?

Я медленно сажусь.

– А что, должна?

– Ну... Не знаю. – Она зевает. – Мы же раньше всегда ходили вдвоем.

Это правда: обычно мы тусовались на празднике только с ней. И да, в обычных обстоятельствах мысль о том, что с нами будет Мина, меня бы немного расстроила. Но сейчас у меня на уме лишь любовная драма, так что эта новость почти не задевает.

И вдруг я понимаю, что это, должно быть, главная причина, по которой Кэсси хочет, чтобы у меня появился парень.

Вскоре она спрыгивает с верхнего яруса и залезает ко мне под одеяло.

– Вчера вы с Уиллом были такие милые.

– Э-э... Допустим.

Я обхватываю руками колени.

– Ну правда. Говорю тебе, он всю с тобой флиртовал. Когда ты ушла, Ми-на так на него наехала.

– Что она ему сказала? – выпаливаю я.

Кэсси молча улыбается, и я начинаю немного паниковать.

– Кэсси! Что она сказала?

– Господи. Да не волнуйся ты!

– Чего ты лыбишься?

– Потому что он тебе нравится, и, блин, это мило. Влюбленность номер двадцать семь, а?

– Не влюблена я в Уилла.

Кэсси смеется.

– Понятно.

– погоди. Ты сказала ему, что я влюблена?

– Молли. Нет. Успокойся уже.

– Хорошо.

Какое-то время она молчит.

– Ладно, давай начистоту, – говорит она наконец. – Вся эта история с бой-френдом... Ты правда этого хочешь?

– Не знаю. Наверное.

Кэсси закатывает глаза.

– Значит, да. И это замечательно, сечешь? Вполне естественное желание.

Я закусываю губу.

– Но в определенный момент придется пойти на риск. Смекаешь?

Ага. Я знаю, что она права. То есть умом-то я это осознаю, но остальные части тела ничего понимать не хотят. Это напоминает попытку задержать дыхание. Инстинкт самосохранения заставит меня открыть рот и снять с носа прищепку.

– Смекаю, – отвечаю я.

– Допустим, Уилл знает, что он тебя заинтересовал. Что плохого может случиться? Он тебе откажет? И что? Ты пойдешь дальше – к влюбленности номер двадцать восемь.

Пойдешь дальше. И что.

Но ведь то, что парень знает, что он тебе нравится, – это настоящий кошмар. Как будто он в опрятном костюме, а ты стоишь перед ним совсем голая. Как будто теперь твое сердце находится снаружи, и если он захочет, то в любой миг сможет взять его в кулак и раздавить.

Впрочем, он может ответить взаимностью.

Я не хочу быть третьей лишней, так что иду на вечеринку в честь парада неподалеку от «Дэнс Эксчейндж»[39] с мамами. И Ксавом. И бабулей. Мероприятие устраивают знакомые Надин из детской группы, так что тут в буквальном смысле тусовка младенчиков.

Мне семнадцать лет, и так выглядит моя светская жизнь.

Ксавье сразу же принимается лезть в чужие коляски, а мамы с бабушкой пьют лимонад на крыльце у дома. Все взрослые очень расслаблены. Повсюду кормящие сиськи, полуголые ребятишки с аквапалками[40] и пеленки. Я

– Правда! Получилось здорово. – Ну наконец-то. Наконец-то! Ключ к мозгам нашелся, и я – снова я. – По мне так намного вкуснее обычного теста. Консистенция другая. Но это хорошо. Тебе понравится.

– Не сомневаюсь.

– Если хочешь, можешь забрать прямо сейчас. Оно у меня дома.

То есть в двух кварталах отсюда. Я живу в двух кварталах от Рида.

Откровенно говоря, ситуация волнующая. Я приведу домой парня. Ради теста для печенья. То есть по чисто платонической причине. И все же. Парень. У меня дома.

– Знаешь, я только что понял, – говорит Рид, следуя за мной через черный ход, – иногда я гуляю у твоего дома с кошкой.

Я улыбаюсь:

– С кошкой? На поводке, что ли?

– Ага, в шлейке. А кошка обычная, серая. Зовут Элефанте. – Он пожимает плечами. – Остальные мои кошки гулять не любят.

– Интересно, почему я никогда тебя не замечала?

– Хм, наверное, мне не стоит брать с собой мантию-невидимку.

Я смеюсь и иду в кухню.

– В общем, тесто в холодильнике. Ванильного мороженого тебе добавить?

Он склоняет голову на бок и спрашивает:

– А стоит?

– Думаю, да.

Я открываю холодильник и тянусь за тестом, спрятанным за огромной коллекцией греческих йогуртов Патти.

Рид видит баночку и светится от радости.

– Ты и имя мое написала?

Написала. Для чего пришлось чуточку покопаться в фейсбуке. Я не шпионила. Просто проверила, как пишется «Рид». Мало ли. И да, у Рида Уэртейма есть профиль в фейсбуке. И да, у Рида Уэртейма нет пары. Впрочем, какая разница? Просто на глаза попало.

– А, да – тебе же еще мороженое нужно, – быстро говорю я.

– Даже не знаю, как я после этого буду смотреть на другую еду.

Я хочу поумничать насчет шоколадных яиц, но тут сверху доносится чей-то хохот. Я чуть не подпрыгиваю от удивления. Думала, кроме нас с Ридом дома никого.

Но потом я слышу голос Кэсси и низкий, хриплый смех Мины. Ой.

Ой.

В голове крутится только одна мысль: БОЖЕ. ПОЖАЛУЙСТА. ТОЛЬКО НЕ СЕКС. Так вообще принято? Секс днем, Четвертого июля? Стать свидетельницей секса в присутствии Средиземного Рида – нет, такого мне не пережить...

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Потом слышится скрип знакомых шагов – Кэсси спускается по лестнице. Через секунду они с Миной появляются в дверях кухни.

Одетые. И держатся за руки.

– Ого, не знала, что ты дома, – говорит Кэсси.

– Мы только что пришли.

– О-о-о, Молли, ты такая милая – и патриотичная! – замечает Мина. А потом переводит взгляд на Рида. – О, привет!

Рид ошарашен:

– Привет, Мина.

Я поочередно пялюсь на них.

– Погодите, вы что, знакомы?

Рид кивает:

– Учимся вместе.

– А я тебя не знаю, – говорит Кэсси, изучающе глядя на него.

– О. Это Рид, – отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно спокойнее. Почему все так сложно? Это же обычное дело. – А это моя сестра, Кэсси.

– А-а-а. Ты парень с работы, – догадывается она.

Повисает пауза. Рид кивает, я краснею, Мина смотрит на Кэсси, а холодильник начинает пищать. Я быстро его закрываю и передаю Риду мороженое.

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО.

Однако теперь Рид знает, что я рассказывала про него Кэсси. Здорово. Давайте добавим его в список парней, уверенных, что я на них помешалась.

– Короче, мы встречаемся с Оливией за чизкейками, – говорит Кэсси. – Пойдем с нами.

– Сейчас, что ли?

Она кивает.

– Клади уже мороженое и пошли.

Риду нужно на работу, но он провожает нас до Тюлип-авеню, прижимая к груди баночку с тестом. Они с Миной обсуждают какую-то учительницу из их школы. То, что они знакомы, совершенно сбilo меня с толку. Я не возражаю, конечно. Но в мозгах случился какой-то сдвиг.

Обидно, что он совершенно про меня забыл. Хотя, может, эта учительница действительно интересный человек. У меня вот, если честно, интересных учителей нет.

Но когда мы подходим к пекарне, Рид внезапно поворачивается ко мне.

– Ну что... – говорит он, и его рука повисает в воздухе, как будто он хочет положить мне ее на плечо. Или даже меня обнять.

Может быть.

Если бы сейчас мои мозги работали нормально, все бы обошлось. Но увы, вокруг меня образовалось какое-то напряженное силовое поле – Рид убирает руку и крепко сжимает баночку, словно это бейсбольная бита.

– Отлично. Да. Ну, увидимся на работе, – добавляет он, слабо помахав рукой.

А потом сжимает баночку еще крепче и идет в сторону центра.

– Не верится даже, что ты работаешь с Ридом Уэртеймом, – говорит Мина, толкая дверь пекарни и придерживая ее для нас с Кэсси. – Мы с первого класса знакомы. Он такой обаяшка.

– Прямо как другая моя знакомая. – Кэсси с улыбкой пихает меня локтем.

Меня ведь тоже так называют. *Обаяшка*. Да это почти что мое второе имя. Мои школьные альбомы с пожеланиями заполнены фразочками типа «Ты обаяшка! Такой и оставайся». Иногда, правда, каракули одноклассников больше похожи на «обуяшка».

– Вроде симпатичный, – добавляет Кэсси. – Так что с ним?

– С Ридом? – спрашивает Мина.

– Ну да. Типа есть кто-нибудь? – говорит Кэсси, и мое тело приходит в повышенную боевую готовность.

То есть в профиле сказано, что он *Без пары*. С большой буквы Б. Но, может, он из тех, кто никогда не обновляет свою страничку. Да и это ничего не значит.

– Боже, как здесь здорово, – замечает Мина, глядя на лестницу у входа.

– Ага! – соглашается Кэсси и поднимается, перескакивая через ступеньку. Мы следуем за ней.

– Так тут прямо на месте готовят чизкейки? – удивленно смеется Мина. – Как я могла не знать об этом месте?

– Тебе надо почаще тусоваться в округе, – замечает Кэсси.

– Наверное, ты права.

Мина улыбается, и они на мгновение переплетаются пальцами. Должно быть, кроме меня этого никто и не замечает.

Я быстро отворачиваюсь к витрине. **ЧЕ КАК, ЧИЗКЕЙКИ? ТЕПЕРЬ Я БУДУ ПЯЛИТЬСЯ НА ВАС ЦЕЛУЮ ВЕЧНОСТЬ.** Потому что когда я вижу, как нежничают парочки, я превращаюсь в одиннадцатилетнего мальчишку. Это мой самый известный талант.

Никогда не была так рада Оливии.

Мы заказываем чизкейки и садимся за столик.

– Так, минутку. Вернемся к Риду, – говорит Кэсси, подавшись к Мине. – Нам нужна инфа.

Мне захотелось ее обнять.

Хотя Рид не особо меня волнует. Просто любопытно.

– Хорошо, – соглашается Мина. – У него точно никого нет. Боже... Как бы его описать... – Она склоняет голову набок. – Вроде бы он из тех, кто ходит на ярмарки, посвященные эпохе Возрождения. С абонементом на все дни и в костюме.

Оливия улыбается:

– О-о-о. Мне нравятся такие.

– Ага... Не знаю. Я бы сказала, он из тех, за кого выходят замуж, а не из тех, с кем встречаются. Или занимаются сексом. – Мина морщит нос.

И меня это бесит. Неужели есть такие люди, которые не созданы для секса? Речь, конечно, не про асексуалов.

Меня вот что волнует: неужели человек может быть абсолютно отталкивающим? Допустим, Рид недостаточно крутой и подкачанный для секса. Допустим, он мне все равно нравится. Что из этого следует? Что я боюсь любить кого-то погорячее?

Я не говорю, что он мне нравится. Я говорю *допустим*. Чисто гипотетически.

Вот Эбби встречается с гиками. Но если ты настолько красива, то можешь встречаться с кем угодно, все поймут, что ты выбрала гика специально. Но если ты сама толстый гик, которой нравится другой толстый гик, все решат, что ты пошла на сделку с совестью.

Меня подташнивает. Сама не знаю почему.

– Короче, вчера Уилл всерьез с тобой флиртовал, – сообщает Мина.

– Эм. Ага.

Чувствую, как краснею. Не знаю. Не понимаю, почему такой парень решил

со мной флиртовать.

– Это идеальная история, потому что даже если вы не начнете встречаться, ты всегда можешь с ним переспать. Он очень легко к этому относится. И смущать тебя на следующий день не будет, честно.

Я молча на нее плююсь. Очень интересно, откуда она об этом знает.

– Молли сама найдет, как из-за этого смутиться, – замечает Кэсси и касается моей ноги под столом.

– Не-а.

– Да-а, – говорит Оливия.

Они, конечно, правы. Я бы очень смутилась. Замкнулась бы, стала бы комплексовать, а потом до конца жизни спрашивала бы себя, как Уилл оценил мое умение целоваться. Или отсутствие такового.

В общем, я нервничаю. Нужно срочно занять руки. Я достаю телефон: два послания от Рида. Отправив в рот кусочек шоколадного чизкейка, я открываю сообщения.

Вот моя официальная оценка теста для печени:

Эмодзи: кот с сердечками вместо глаз. Палец вверх. Награда. Мускулистая рука. И довольное эмодзи с закрытыми глазами.

В груди снова теплеет.

А он неплохо обращается с эмодзи.

Оливия уходит тусоваться с мамой, а мы с Кэсси и Миной весь день бродим по улицам. Втроем. Мне немного не по себе – вдруг я что-то им обламываю. Но каждый раз, когда я пытаюсь оставить их наедине, они идут вслед за мной.

Признаюсь, это довольно мило. Наверное, они и правда хотели провести день со мной, даже если это уменьшает их шансы на секс. Может, моя компания даже лучше, чем секс... Я бы хотела, чтобы люди так считали, – если честно, это моя главная цель в жизни.

После ужина мы идем смотреть салют. На поле за школой уже куча народу – люди расположились на складных стульях и ковриках, едят органические чипсы из кейла и качают малышей. Мы расстилаем мамино шерстяное одеяло с надписью «Бойся черепаху» и садимся, после чего Мина делает групповое селфи. Я скрещиваю руки за головой, медленно закрываю глаза и просто слушаю. Столько разных звуков... Смех, детский визг и мое сердце, бьющееся в унисон с игрой районного оркестра. Мое тело словно наэлектризовано.

– Эй.

Кто-то трогает меня за руку. Я открываю глаза.

– Смотри.

Мина тянется через Кэсси и передает мне телефон.

– Куда?

– Просто читай, – говорит она с ухмылкой.

Сообщение от Уилла. Наверное, она отправила ему селфи, а он написал в ответ:

Пошел плакать, буду позже.

– А чего он плачет? – спрашиваю я, ощущая, как к щекам приливает жар.

– Э-э, может, потому что тут с нами одна красивая девчонка, а ему придется торчать дома и присматривать за ребенком?

Просто в голове не укладывается. Сама мысль, что из-за меня Хипстер Уилл может впасть в уныние... Если это правда, то я даже не знаю, радоваться мне

или паниковать.

Забавно. Пару часов назад я с ума сходила по Риду.

М-да... «С ума сходила» — не самое подходящее выражение. И все же при нашей встрече мое сердце забилося чаще. А когда я решила, что он меня обнимет, я чуть не слетела с катушек. В общем, я думаю о нем больше как о парне, чем как о коллеге.

И вдруг – Уилл.

Не знаю, что и делать. Я всегда была крайне моногамной влюбленной.

Короче, я запуталась... Зажмуриваюсь и с удовольствием представляю Уилла рядом. Голубые глаза и буйные рыжие волосы – и все это в закатном свете. Начать встречаться с Уиллом – все равно что пристегнуть ремень в машине. Все на своих местах, как и должно быть. Кэсси с Миной. Я с ним.

Вот только мои мысли все время возвращаются к глазам цвета лесного ореха и нелепым белым кроссовкам.

Тут Кэсси пихает меня локтем.

– Эй, начинается.

Я открываю глаза.

Первое, что я замечаю, – это не грохот салютных залпов. А нога Миной, которую она забросила на ногу Кэсси. И их сплетенные вместе руки, нежно покоящиеся на Мينيном животе.

14

На рассвете я медленно открываю глаза. Чувствую себя немного потерянной. Меня все еще удивляет, что я просыпаюсь на нижнем ярусе. Надо мной мирно посапывает Кэсси. Она не храпит, но издает во сне звуки, которые я помню с самого детства.

Забавно: что-то меняется, а что-то – нет.

Я спускаюсь вниз в пижаме. На кухне пьет кофе Надин.

– Ксавье спит? – спрашиваю я.

– Да прям, – усмехается она. – Он в гостиной с бабушкой.

– Она сегодня уезжает?

– Завтра утром, – отвечает Надин. – Как салют?

– Буквально лучший в моей жизни, – говорю я.

Надин смеется.

– Что? – слабо улыбаюсь я.

– Просто «лучший» – такого у нас не бывает. Обязательно должно быть *буквально* лучший.

Внезапно раздается жуткий вопль.

– Ага – начинается, – вздыхает Надин и ставит кружку на стол.

Я иду за ней в гостиную и вижу, как хныкающий Ксавье брыкается в руках у бабули.

– Что случилось, малыш? – спрашивает Надин. – Что его так напугало?

– Этот страшный голубь, – говорит бабуля и показывает нам картинку в книжке.

– Эй, – предупреждает Надин, грозя пальцем, – голубь, не хулигань!

Бабуля смеется, и я сажусь на диван рядом с ней.

– Как дела, мейделе? – интересуется она, поглаживая меня по волосам.

– Хорошо.

– А на работу сегодня не идешь?

Я качаю головой.

– Это тоже хорошо. Ты очень много работаешь. Думаю, тебе надо взять выходной и как следует отдохнуть.

– Ну, мне еще стол на свадьбу украшать.

– Значит, ты занимаешься декором? – спрашивает бабуля. Я киваю. – Да... Большое дело. Я могу чем-нибудь помочь?

Кажется, она и правда этого хочет, так что я позволяю ей застелить обеденный стол газетами, а сама иду в подвал за банками и красками.

Потом вручаю ей кисть.

– Короче, я смотрела видео с ютьюба...

– Это группа, что ли? – уточняет бабуля.

– Чего?

Надин высовывает голову из-за двери и с усмешкой говорит:

– Она про U2.

– А-а-а. Нет. Это другое. Ютьюб – это вроде... – начинаю я и умолкаю. Как объяснить семидесятилетней женщине, что такое ютьюб?

В конечном счете я сдаюсь и начинаю разбираться с красками. У меня есть крутейшие, волшебные краски в пастельных тонах от Марты Стюарт[42]; они годятся для любых материалов, даже для ткани. Иногда я рисую ими малень-

кие цветочки на воротниках кардиганов. У меня есть одна теория. Ее суть в том, что без красок Марты Стюарт невозможно спланировать ни одну свадьбу. Подозреваю, что есть научные исследования, ее подтверждающие.

– Как красиво, – говорит бабушка.

Тогда я показываю ей, что красить и сколько слоев наносить, а затем мы не спеша приступаем к работе.

– Какая ты выросла талантливая.

Я не сразу понимаю, почему краснею. А потом вспоминаю разговор.

С Уиллом. И, как всегда, убийственно нетактичной Кэсси.

– Знаешь, моя мать была такой же. Твоя элтэрбобэ[43], то есть. Прекрасная была швея. – Бабуля подается вперед. – У нее была машинка «Зингер» двести первой модели, и она всю одежду шила сама. Получалось чудесно. В школе все девочки спрашивали у меня, где я покупаю платья.

Я киваю. Чувствую, что нужно что-то сказать.

– Она бы очень тобой гордилась, мейделе.

Перед моими глазами возникает картина: моя прабабушка дает пять другим нашим предкам в телевизионной версии Кэссиного рая.

– Скажи, а у тебя есть швейная машинка?

Я качаю головой:

– Я шью обычной иглой.

– О, ну тогда с этим надо что-то делать. Молли, машинка изменит твою жизнь.

– Наверно.

Я улыбаюсь.

Тут я слышу шаги Кэсси на лестнице.

– Привет! Я ухожу! – говорит она.

– Постой-ка. – В гостиную входит Надин с Ксавье на руках. – Куда ты собралась?

– К Мине.

– Ладно, но к ужину ты должна быть дома. Бабушка у нас последний вечер.

– Э-э. Так. Мы хотели...

– Нет. В шесть часов ты должна уместить свою задницу вот на этот самый стул. Понятно?

Кэсси молча достает телефон и что-то печатает.

Надин качает головой.

– Йоу. Убери мобильный. Так разговоры не ведут.

– Я пишу Мине...

– Ага. Я догадалась.

В глазах Кэсси появляются чертики.

– Да я в прямом смысле слова написала ей о том, что в шесть мне нужно быть дома. Если бы ты дала мне секунду и не перебивала, то узнала бы...

– Эй-эй-эй, – одергивает ее Надин. – Не надо так со мной разговаривать. Теперь ты вообще никуда не идешь.

– Что?!

– Ты заслужила целый день с любимой семьей. Дома. – Надин пожимает плечами.

– Издеваешься? Из-за того, что я писала сообщение? Охренеть. Охренеть!

– Да, и за языком следи. Тут тоже не все гладко.

Кэсси всплескивает руками:

– А когда это тебя стало волновать?

– Знаешь что... – начинает Надин, но Кэсси ее перебивает:

– Это полный бред. Где Патти?

– Она сегодня принимает роды, – отвечаю я.

Кэсси пыхтит и падает в кресло.

– Хочешь помочь нам красить банки? – спрашиваю я через минуту.

Она язвительно хмыкает:

– Ну уж нет, спасибо.

– Ого, – говорю я.

– Господи Иисусе. Молли, хватит.

– А я ничего и не делаю.

– Уфф... Смотришь на меня как... Нет. Слушай, без обид, но как ты думаешь, чего мне хочется: красить гребаные банки с тобой и бабулей или тусить со своей девушкой?

Воцаряется мерзкая, пульсирующая тишина. В груди все сжимается, в горле становится тесно, но плакать я не стану. Не сейчас.

Но глаза колет. Поэтому я плююсь в пол.

– А я хочу сказать, что обожаю телефоны «Эппл», – ни с того ни с сего объявляет бабуля. – И знаете, кого еще? Сири. Пробовали попросить ее поделить ноль на ноль? Шутки у нее будь здоров!

Знать не хочу, откуда бабушке Бетти всё это известно.

Но я понимаю, что она делает, и это срабатывает. Теперь в комнате на пятьдесят процентов легче дышится.

– Разве у тебя есть айфон? – с подозрением спрашивает Кэсси.

– О да, айфон у меня есть, – говорит бабуля, – и айпод тоже, и аймак, и эйрмак...

– Эйрмак? – уточняю я, а бабуля заговорщицки мне подмигивает.

– Сплошное вранье, Бетти, – вставляет Надин, и у меня вырывается смешок, хотя я пыталась сдерживаться.

А бабуля грозит ей пальцем:

– Я своим враньем горжусь.

– Ушам своим не верю, – возмущается Кэсси.

Она массирует виски, словно самый главный мученик на планете. А потом разворачивается и взмывает по лестнице на второй этаж.

15

Естественно, на ужин Кэсси приходит в нормальном настроении, словно они с Надин и не ссорились. И как будто она не говорила, что не хочет тратить воскресенье на меня. Я решаю с ней не разговаривать, но у нее к таким штукам иммунитет. Стоит ей пару раз на меня зыркнуть (Молчаливая Атака Кэсси), и вот я уже сама рассыпаюсь в извинениях. В общем, лучше обо всем позабыть.

Хотела бы я с легкостью забывать о подобных вещах.

Мы рассаживаемся вокруг стола; Кэсси пристегивает ремешки на детском стуле Ксава. Но бабуля с мамами настолько увлечены беседой, что даже не замечают нашего присутствия.

– Не знаю, – говорит Надин, напряженно пожимая плечами. – Она просто сказала, что не сможет. – После чего наливает себе бокал вина и залпом его выпивает, будто это лимонад.

Надин. Вау.

– Может, у нее нет денег... – начинает Патти.

– Или она просто гомофобная стерва.

– Кто это гомофобная стерва? – спрашиваю я.

Троица разом замолкает и пялится на меня.

– Прости, котик, – отвечает Патти, молниеносно взглянув на Надин. – Наверное, не стоит обсуждать это за ужином.

– Кому за вас вломить? – интересуюсь я.

Кэсси кривится:

– Это тетя Карен, да?

– Ага, – кивает Надин.

Кэсси закатывает глаза.

– Ну, я не удивлена.

– Она не придет на свадьбу? – спрашиваю я.

Патти поджимает губы.

– Да, она... Ну ты знаешь. Карен есть Карен.

Странно – в детстве Надин с тетей Карен были очень близки. Гораздо более близки, чем с папой Эбби, дядей Альбертом. Карен ни разу не была замужем. У нее нет человеческих детей – она предпочитает четырех спасенных ею собачек. И хотя живет она в Аннаполисе и они с Надин общаются каждую неделю, я и Кэсси видели ее всего пару раз. Как правило, тетя заезжает к нам, когда Патти на работе. И делает вид, что ее вообще не существует.

Другими словами – гомофобная стерва.

– Батюшки. Грустно это, – вздыхает бабуля. Она берет свою вилку и начинает выписывать ею круги в воздухе. – Любовь есть любовь!

– Спасибо, бабуль, – усмехается Кэсси.

– Говорю тебе: жизнь слишком коротка, чтобы размениваться на такую чушь.

– Отличный тост, – отмечает Надин и осушает второй бокал.

Прошло несколько часов, а я все еще на нервах. Дожидаюсь, когда все пойдут спать, и стараюсь как можно незаметнее покинуть нижний ярус.

– Ты куда намылилась? – спрашивает Кэсси.

– Писать иду.

– А вот и неправда.

Не понимаю, как она меня раскусила. Иногда Кэсси точно знает, о чем я думаю. *Как?* Мой единственный вариант – наличие у близнецов особой телепатической связи.

– Хочу погреть уши, – признаюсь я.

– О-о! Я с тобой.

Она свешивает ноги, а потом с глухим стуком приземляется рядом.

Мы крадемся по коридору в ванную, и я тихонечко прикрываю за нами дверь. Много лет назад мы с Кэсси обнаружили, что ванная на втором этаже – прямой портал в спальню наших мам. Мы даже брали с собой еду и клали в ванну подушки – так что подслушивание проходило в весьма комфортных условиях. А потом до нас дошло, что мы рискуем услышать, как они занимаются сексом.

Так что нашу деятельность пришлось свернуть довольно быстро.

Но сегодня Кэсси опускает крышку унитаза и садится на него как на стул, а я с подушкой залезаю в ванну – все как в старые добрые времена.

Слушаем.

– ...не будем ей звонить, – заявляет Надин.

– Она же твоя сестра.

– Стерва она.

– Просто нам надо знать, что она об этом скажет.

– У нее нет права высказывать свое мнение. – У Надин срывается голос. – Она не придет на нашу свадьбу.

Патти вздыхает:

– Знаю.

Надин говорит что-то еще, но слишком тихо.

– Да знаю, Дини, – снова слышится голос Патти. – Знаю.

– Это полная фигня, – произносит Надин.

– Зато Альберт с Вандой будут. И дети тоже.

– Ага... – Надин вздыхает. – Понимаешь, я никогда не думала, что с Карен будут проблемы. А получается, что толерантный у нас только Ал. В этой гребаной вселенной все наоборот...

– Надин так расстроена, – шепчу я.

– Ну да. Даже бабуля считает, что это пипец. – Кэсси пожимает плечами. – А значит, так и есть.

– Ага.

Не знаю, плакать мне или смеяться. И то и другое уместно.

А вообще, надо отдать бабуле должное. Да, лишний вес она не признаёт и, может быть, она немножко расистка, но к бисексуальности Патти у нее никогда не было вопросов. Когда Патти ей призналась, первое, что сделала бабуля, – это попыталась свести ее с дочерью хазана[44]. Которая вообще-то была гетеросексуалкой. Но глядя на женщин с короткой прической, бабуля всегда делает однозначные выводы.

В общем, она старается. И ни за что не пропустит свадьбу. И дядя Альберт тоже. У меня не укладывается в голове – как можно не прийти на свадьбу своей сестры? Если бы Кэсси женилась, меня пришлось бы убить, чтобы помешать мне попасть на это торжество. И то я бы восстала из мертвых и все равно явилась бы. Была бы Зомби со стороны Невесты. Шла бы по проходу с соча-

щимся гноем лицом и глазом, выпавшим в букет, – но ни за что бы не пропустила. Так что тетю Карен мне никогда не понять.

Наверное, Кэсси думает о том же. Она шепчет мне:

– Ты бы так точно не поступила.

– Ни за что.

– Потому что я бы тебя прибила, – добавляет она с улыбкой.

– И поделом.

Я все равно бы пришла!

– И я твое гетеросочетание не пропущу. Обещаю.

– Гетеросочетание? – переспрашиваю я.

– Ну, это как бракосочетание. Только гетеро.

– А, тогда мне нравится.

– Само собой. Звучит как мочеиспускание.

– О, и я так подумала! – улыбаюсь я.

– Так и знала. Ты очень предсказуема. Идем. – Она встает. – Хватит тусоваться в туалете.

– Ты завела девушку именно потому, что я тусуюсь в туалетах.

– Твоя правда.

Теперь я абсолютно счастлива. А ведь ничего такого даже не случилось – просто приятный момент. Впрочем, это был единственный приятный (то есть нормальный) момент с Кэсси за весь день. И случилось все совсем неожиданно. В ванной. Здесь мы снова стали собой.

Наверное, у нас все будет хорошо.

16

Я просыпаюсь рано. Кэсси спит. До работы еще несколько часов, так что я беру охапку разных тканей и спускаюсь в гостиную. Хочу сделать гирлянду. На пинтересте таких полно. А нужно всего-то нарезать несочетающихся по цвету лоскутов и попеременно привязать к ленточке.

Впрочем, сосредоточиться у меня не получается. Все время вспоминаю вчерашние слова Кэсси. *Слушай, без обид, но как ты думаешь, чего мне хочется: красить гребаные банки с тобой и бабулей или тусить со своей девушкой?*

Просто глупость, которую она выпалила из злости. Сейчас уже все в порядке. Надо отпустить и забыть.

Но меня до сих пор задевает. Кэсси приравняла меня к бабуле. Мы для нее – нежелательные персонажи. Как будто я назойливая младшая сестра, которая портит ей праздник. Близнецы должны относиться друг к другу иначе.

Я стараюсь сосредоточиться на приятном бодром звуке, который издают ножницы, разрезая ткань. *Шурх*. Но в голове бушует такой вихрь, что я почти ничего не замечаю. Даже приближения Патти: я осознаю, что мама рядом, только когда она уже нависает надо мной.

– Ух ты. Это что такое?

Я подпрыгиваю:

– Ой, привет.

Она отбрасывает подушку в сторону и садится на краешек дивана.

– Можно посмотреть?

– Конечно. Это для свадьбы.

Я показываю ей картинку в телефоне.

– Роскошно.

– И очень легко делается. На неделе уже закончу.

– Замечательно, – говорит она и издает странный звук – нечто среднее между смехом и вздохом. – Уже меньше трех недель осталось, да?

– Нервничаешь?

– Оттого, что женюсь? Да нет. Но вообще есть кое-какие проблемы. Сейчас расскажу.

Я сажусь рядышком, скрестив ноги по-турецки.

– Ты про драму с тетей Карен?

– А-а, ну да. Мне жаль, что мы обсуждали это при вас.

– Не переживай. Мы бы все равно узнали.

– Как?

– Подслушали бы, – признаюсь я ей.

– Правда, что ли? – Она смеется. А потом кладет ладони на ноги и со вздохом подается вперед. – Да. Ты... Ты знаешь, как обстоят дела. Мама из-за этого очень расстроена.

– А она говорила с Карен?

– Вряд ли.

– Я бы не смогла выйти замуж без Кэсси, – заявляю я.

– О-о, котик... – Она убирает мои волосы в сторону и гладит меня по шее. – Да, это фигово. Но такое случается... Чем старше становишься, тем отчетливее понимаешь, что это не так... – Она задумывается.

– Хреново?

Патти слабо улыбается.

– Нет, конечно, это хреново. Очень хреново. Такое тяжело переживать. – Она склоняет голову набок. – Но мы уже не такие ранимые. В семнадцать лет каждое событие переживается как конец света. Или его начало. И это здорово.

Я киваю.

– Но знаешь... У Дини и Карен давным-давно все сложно. Очевидно, она так и не смогла принять ее ориентацию. Они уже не так близки, как раньше.

– А.

– Иногда так бывает. Люди взрослеют и отдаляются друг от друга.

Эти слова повисают в воздухе. Я ощущаю саднящую пустоту внутри.

Уже не так близки, как раньше.

Люди взрослеют и отдаляются друг от друга.

Конечно, я думаю о Кэсси.

Даже несмотря на то, что ни я, ни она никогда бы не поступили как тетя Карен. Настолько далеко мы никогда не разойдемся. Просто отдалимся.

С сестрами и братьями так всегда. Они женятся, заводят семьи и совсем забывают о том, как перешептывались на двухъярусных кроватях. Это неизбежно, как посадка самолета.

У мам есть наш с Кэсси снимок УЗИ. Мы прижимаемся к стенкам наших мешочков так, чтобы быть как можно ближе к друг другу. В отдельных кроватках мы никогда не могли уснуть. И в автокреслах всегда держались за руки. Даже ходить научились в один день – сначала Кэсси, чуть погодя я.

А теперь мы отдаляемся друг от друга крохотными шажками.

Кто-то к влюбленностям.

Кто-то к девушкам.

Я не говорю, что хочу, чтобы мы стали вторыми столетними сестрами Дилейни[45]. Я всегда представляла нас замужними, в собственных домах, с супругами и кучей клевых детишек. Просто я никогда не задумывалась о том, что будет этому предшествовать. О той части, когда *мы превратимся в она и я.*

Кэсси придумала этот нелепейший план – мол, *давай встречаться с лучшими друзьями...* Но, может, она права? Потому что она больше не со мной, ее поезд покинул станцию, и все, что я могу сделать, – это сесть на следующий в том же направлении.

Или нет. И тогда мы разойдемся.

– Ненавижу эту фразу, – говорю я. – *Отдаляются друг от друга.* Как будто мы корабли какие-то.

Патти смеется:

– А что ты имеешь против кораблей?

– Просто фразу ненавижу.

– Я понимаю.

Она обнимает меня за плечи и вздыхает.

Я прихожу на работу и вижу, что Рид разбирает витрину, приуроченную к Четвертому июля, разбавляя красные, белые и синие вещи предметами других цветов. Он оставляет мешковину и винтажные ящики из-под колы, но банки, разукрашенные под американский флаг, убирает в картонную коробку. Интересно наблюдать за тем, как он трудится. Рид гиперсосредоточен и аккуратен – словом, в ударе – и не замечает меня, пока я не подхожу совсем близко.

– О, привет! Ты пришла! – Он заворачивает последнюю банку в пупырча-

тую пленку и отодвигает коробку ногой. – Слушай, я должен тебе кое в чем признаться. Твое тесто для печенья – это лучшее, что я пробовал в жизни.

– Правда?

– Только о нем и думаю.

Я смеюсь.

– Вот это да...

– Молли, я не шучу. Никак не возьму в толк, как в этом мире могло появиться что-то столь прекрасное.

– А знаешь, у меня завалилась еще пара банок.

– Что? – Рид хватается за сердце.

– Заходи после работы, – говорю я.

И моментально об этом жалею.

Дело не в том, что я напрочь забыла об осторожности. Это-то как раз хорошо. Именно к этому я и стремилась. Только вот неосторожной я должна быть рядом с Уиллом. Потому что Уилл приблизит меня к Кэсси. А Рид отдалит.

И все же... Мое сердце бьется так сильно... Я открываю рот, чтобы что-нибудь сказать, но оттуда не вылетает ни звука. В голове тихо и пусто, словно на улице ураган, а я заехала в тоннель.

В общем, мне нужно что-то сказать, но для этого нужны слова, но ЧТО ВО-ОБЩЕ ТАКОЕ СЛОВА?! А Рид смотрит на меня своими карими-прекариными глазами и с мягкой-премягкой улыбкой.

Не могу.

И вдруг... Я спасена! Деборой – она, улыбаясь, подходит к нам. Боже, как они похожи. Кажется, у них одинаковые рты. Не знаю, как я раньше этого не замечала.

– Привет. Простите, что прерываю, – говорит она, – но нам нужны грузчики. Какая-то дама купила туалетный столик. Поможете?

И почему я так нервничаю?

– Конечно. Это тот, белый? – уточняет Рид.

– Ага. Она скоро сюда подъедет.

Мы с Ридом идем в дальний угол, где стоит белый деревянный туалетный столик – состаренный, с большим прямоугольным зеркалом. Он входил в число моих любимых вещей в этом магазине.

– Ну что, готова? – спрашивает Рид, крепко взявшись с одной стороны.

– Готова.

На счет три мы поднимаем столик, несем его несколько метров и медленно опускаем. Потом снова поднимаем, идем, останавливаемся. Оказывается, у нас с Ридом неплохо получается тягать тяжести, даже несмотря на то, что он на полголовы выше меня, а я – самый неспортивный человек на планете. Выходит хорошо. Наверное, потому что мы делаем это медленно.

Мы опускаем столик, и Рид смотрит на меня:

– Значит, твоя сестра встречается с Миной Чой.

– Ага. Они прямо не разлей вода.

– О, это здорово.

Поднимаем столик, делаем пару шагов.

– Ну, так какая она? – спрашиваю я, когда мы в очередной раз останавливаемся.

– Мина?

– Ага. Стоит ли беспокоиться заботливой сестренке?

– Да вряд ли. Она клевая. Творческая личность вроде бы. Я не очень хорошо ее знаю. – Рид пожимает плечами.

Мы снова поднимаем столик – на этот раз почти у выхода. Еще два подхода – и мы у машины покупательницы. У нее большой универсал; задние сиденья опущены, и втроем нам удастся втиснуть столик внутрь.

Женщина уезжает, и Рид вытирает руки о джинсы.

– А мы крутые, скажи? – говорю я. – Совершили *подвиг труда*.

– Точно, *подвиг труда*, – соглашается он. Кажется, ему понравилась моя фразочка. Пару секунд Рид молчит, а затем выдает: – Ладно, вопрос.

– Да?

Он склоняет голову на бок:

– Про тесто для печенья – ты это серьезно?

– Про то, что у меня дома есть еще?

На его щеке появляется ямочка.

– Да.

– О, я серьезно. Очень серьезно.

– Спасибо за информацию.

– И ванильное мороженое найдется, – добавляю я, – если поможешь с украшениями для свадьбы наших мам.

– Вот как? – Он улыбается. – Ладно, только имей в виду – я ничуть не креативный.

– Я тебе помогу, – заверяю я, и в животе что-то сжимается.

Наша смена подходит к концу, и вот мы уже закоулками идем ко мне домой. Рид рассказывает мне про вечеринку в честь салюта у друзей его родителей. Она проходила на крыше. Ну разумеется, Дебора и Арье ходят на крышевые вечеринки в центре города.

– Интересно было, – говорит он, – но в целом все свелось к тому, что куча взрослых пили крафтовое пиво и спрашивали, в какой колледж я собираюсь поступать.

– Боже. Почему их это так волнует?

– Понятия не имею. – Он пожимает плечами. – Но мой друг Дуглас живет возле Капитолия, так что мы с братом сбежали к нему рубиться в «Варкрафт» [46].

– То есть ты пропустил салют?

– Ага... – Он выглядит сконфуженным.

– Не очень-то патриотично, Рид.

– Знаю.

– Хотя сегодня ты в красном, белом и синем.

– Что, правда? – Он опускает взгляд. Не помнит, что надел, – по-моему, это мило. – Ух ты, и правда. – Он задумывается. – А белый где?

– Чего?

– Ну, в моей одежде. Красная рубашка, синие джинсы.

Я хмыкаю.

– Кроссовки же.

– А-а-а.

Мы переходим улицу.

– Белоснежные, – говорю я ему.

– Ага. Забавно, но мой единственный разговор с Миной Чой был как раз об этом.

– О кроссовках?

– Ага.

– Серьезно? И что она сказала?

– Да знаешь... – Рид краснеет. – Ничего такого, в общем.

Ла-а-адно. Теперь мне *очень* любопытно.

– Это же твой дом? – спрашивает он.

– Мой. Ну что, готов к покраске украшений?

Кажется, Рид немного взволнован.

– Наверное, – говорит он и очень серьезно кивает. А потом поправляет очки. – Да.

– Отлично. Тогда я дам тебе газеты, чтобы ты накрыл ими крыльцо, ладно? И сгоняю за всем остальным.

– Это я могу.

– И тесто для тебя захвачу, – добавляю я.

Он сияет в ответ.

– Круто!

Я оставляю ему мусорную корзину с газетами и ухожу. А когда возвращаюсь с баночками и краской, вижу, что он застелил весь порог.

– Здорово, – говорю я. – Идеальное рабочее место.

Я ставлю первую партию на газеты.

– Ты будешь красить банки? – спрашивает он, нахмурившись.

– Ага. А потом поставлю в них цветы. Мило и просто.

– Ты не подумай, что я собираюсь тебя учить, – начинает Рид, – но ты же видишь, что они уже покрашены?

– Вижу. – Я корчу рожицу. – Мы нанесем второй слой.

Он усаживается по-турецки с тестом для печенья, а я беру в руки кисть. На улице прекрасно: по небу плывут облака, дует легкий ветерок. Я выкладываю кисти в ряд и начинаю выдавливать краски в лоток из-под яиц. Забавно: я знаю, что Рид на меня не смотрит, и в то же время чувствую его взгляд. Сложно объяснить.

Теперь мне надо что-то сказать, пока тишина не заживет своей собственной жизнью. Иногда такое случается.

– Так ты не признаешься, что тебе сказала Мина?

– А что сказала Мина?

– Ну, про твою обувь.

Он смеется:

– Да ничего такого, правда.

– Но мне интересно.

Рид пожимает плечами.

– Окей. Не знаю. Это было на танцах, так что она, наверное, немного выпила. В общем, мы как-то вместе оказались на улице. Она подошла и села рядом – знаешь, я удивился, потому что раньше мы это, ну, никогда... Короче, она положила мне руку на плечо, серьезно-пресерьезно посмотрела в глаза и сказала: «Рид, я дам тебе по-настоящему важный совет. Хорошо?» Я ответил: «Хорошо». И она такая: «Эти кроссовки – непреодолимый барьер».

– Барьер?

Он кивает и отправляет в рот ложку теста.

– Ага. Для девушек в смысле. – Рид краснеет. – Типа мои кроссовки убивают желание.

– Боже. – Я закрываю лицо руками. – Мина...

– Да, было странновато, – говорит Рид.

Но где-то в глубине души я с ней согласна... Почти. Трудно объяснить, но эти кроссовки – просто жуть. Прямо сияют белизной. Демонстративно кричат своей немодной белизной.

Хотя какая разница? В общем-то, никакой.

Только кто надевает кроссовки на выпускной?..

– Но ты продолжаешь их носить, – говорю я, легонько задев ногой одну его кроссовку.

– Ага. – Он улыбается. – Не знаю. Просто меня это не особенно заботит.

– Что, девушки?

Рид снова краснеет.

– Да нет. Просто... Я – это я, понимаешь? Крутым я никогда не буду. – Он пожимает плечами. – Но меня это не сильно беспокоит.

– А по-моему, ты крутой.

Он смеется:

– Спасибо.

– Просто к слову.

Я кручу в руках банку и стараюсь не улыбаться.

Потому что, стоит признать, есть что-то очень крутое в том, чтобы в самом деле не обращать внимания на чужое мнение. Многие говорят, что им все равно, или ведут себя так, как будто им все равно. Но мне кажется, большинство все равно волнуется, что скажут другие. Меня вот волнует.

Если бы мне кто-то сказал, что какая-нибудь деталь моего гардероба – это «непреодолимый барьер»... Давайте начистоту. Я бы эту вещь сожгла. Но Рид носит свои кроссовки каждый божий день.

И в этом определенно что-то есть. Что-то тревожное, но в хорошем смысле – как если незнакомец посмотрит тебе в глаза.

Я начинаю нервничать.

– Мне нужно поставить банки в духовку, – говорю я и резко встаю. – Краску надо закрепить.

В груди как будто пружина. Сердце скачет в бешеном танце.

Когда я возвращаюсь, Рид предлагает прогуляться. Если я не против. А я не против.

Так что мы гуляем. Идем в ногу – подстраиваемся друг под друга автоматически.

На улице становится мрачно, облака сменяют тяжелые серые тучи, похожие на мокрые подгузники. Так Надин всегда говорит.

– А что еще ты готовишь к свадьбе? – спрашивает Рид, когда мы доходим до Лорел-авеню, и тянется к кнопке светофора.

– Делаю тканевую гирлянду для церемонии.

– Тканевая гирлянда. – На его щеке снова появляется ямочка. – Такое точно бывает?

– Точно-точно.

– Мне надо увидеть это своими глазами.

Я достаю телефон. И отправляю ему сообщение со ссылкой на сайт Let Me Google That for You[47].

Рид останавливается, чтобы его прочитать. Кажется, он неспособен переписываться на ходу.

– Пфффффф. Очень смешно.

Рид ухмыляется. А потом обнимает меня. Сбоку, крепко, одной рукой. Он отпускает меня прежде, чем я успеваю понять, что произошло, но теперь я чувствую себя большой бутылкой колы, которую как следует встряхнули.

– Так вот, я... – начинает Рид, но небо внезапно окутывает тьма, словно кто-то нажал на выключатель.

На землю падают первые редкие капли... А потом небеса разверзаются.

– Э-э... – мычу я.

– Пробежимся?

– Придется.

Я перевожу взгляд на Рида – волосы прилипли ко лбу, капли дождя стекают по носу, щекам и стеклам очков.

– Ты хоть что-нибудь видишь?

Он смеется.

– А ты?

После чего поворачивается ко мне и убирает мою мокрую челку с лица. У меня перехватывает дыхание.

– Ладно, побежали, – говорю я быстро.

Он хватается за руку, и внизу живота все сжимается и начинает пульсировать. Держась за руки и промокнув до нитки, мы вбегаем к нам на крыльцо. Ливень такой сильный, что капли отскакивают от тротуара. Пахнет влажной. И звук как при включенном душе.

Рид смеется.

– Ох, ну и ну...

Не будь осторожной.

Однако тут открывается входная дверь. Мы мгновенно расцепляем руки. Кэсси.

Ее брови взмывают вверх.

– Это еще что? Конкурс мокрых маек?

– Ага. – Я улыбаюсь. Сердце неистово колотится.

– Вы оба проиграли, – ехидничает она, насмешливо глядя на меня.

И я точно знаю, о чем она думает, словно она произнесла это вслух.

17

Я не могу выбросить случившееся из головы. Ливень и все остальное. Мой мозг превратил воспоминания в мутную киноленту с фильтром «Валенсия» и саундтреком от Bon Iver[48]. Я постоянно прокручиваю в памяти то, как выглядели наши переплетенные пальцы. Как по рукам бежали мурашки. Как Рид коснулся моего лица и убрал со лба челку.

Может, прозвучит безумно, но все же мне почти кажется, что он мог меня поцеловать. Или ответить – поцелуй я его первым.

Так вот что значит не быть осторожной.

Мне немного дурно, как будто я подхватила желудочный грипп. Только приятный. Я словно зависла между двумя состояниями: тошнотой и превращением в живое эмодзи с глазами-сердечками.

Пожалуй, пришла пора сделать официальное заявление – влюбленность номер двадцать семь: Кроссовочный Рид. Рид, Одержимый Тестом Для Печенья. Рид, Который Круглый Год Питается Шоколадными Яйцами. Короче, даже не знаю, как его назвать.

Все случилось слишком быстро, и я вдруг увязла по самое горло.

Теперь хочу, чтобы он мне написал, хотя знаю, что он на работе. Наверное, распаковывает сейчас картинные рамки. И все равно я постоянно проверяю телефон.

Ничего. Длительные минуты сплошного ничего.

Я пытаюсь отвлечься на гирлянду и делаю надрезы по краю ткани. Одно из преимуществ хлопка в том, что разрезать его полностью не требуется: если потянуть за края в разные стороны, края получатся ровные. Для гирлянды мне нужно приблизительно пятьдесят миллиардов ленточек. И это хорошо – моим рукам нужно отвлечься на что-то ровно пятьдесят миллиардов раз. Если я буду занята тканью, то не смогу отправить Риду до боли откровенные сообщения.

Рид, не думаю, что твои кроссовки – это барьер.

Рид, на крыльце ты должен был меня поцеловать.

А может, я должна была тебя поцеловать?

Самое странное – это жгучая потребность произнести все вслух. Я хочу кричать на все метро и поставить в статус в фейсбуке. Хочу посмотреть ему в глаза и признаться. *Рид, ты мне нравишься, понимаешь?*

Наверное, я тоже ему нравлюсь.

А может, я неправильно все поняла. Но даже если я ему нравлюсь – что потом? Поцелуемся. Хорошо. Сексом займемся. Не знаю... Даже если я ему нравлюсь так, я могу не понравиться ему без одежды.

Ненавижу даже допускать такие мысли. Ненавижу ненавидеть свое тело. Вообще-то я его даже не ненавижу. Скорее боюсь, что его ненавидят все остальные.

Ведь у толстых девчонок бойфрендов не бывает, а уж секса – тем более. По крайней мере в кино; а если это и случается, то только шутки ради. А я объектом шутки быть не хочу.

В среду мне не нужно на работу, так что я плетусь за Кэсси в гости к Мине. Это странновато, потому что дома будут ее родители. Нет, родители у нее не странные – вообще-то даже довольно крутые: мама – психиатр, а папа – психо-

лог. Они из тех, кто не любит, когда их называют «докторами». Особенно папа – он почти хиппи, что весьма неожиданно для жителя Бетесды по имени Юджин.

В общем, мы беседуем с ними на кухне. Мина мама проверяет какое-то блюдо в духовке, а папа разбирает почту.

– Я слышал, вы живете в Такома-парке, – говорит мистер Чой. – Я работал там после защиты докторской.

– А сейчас у них общая частная практика. Миленько, правда? – фыркает Мина и закатывает глаза.

Но Кэсси энергично кивает:

– Еще как!

О боже. Она подлизывается к предкам Мины и делает это самым бессовестным образом.

– А вы на чем-то специализируетесь? – спрашивает Кэсси.

– Есть немного, – отвечает миссис Чой. – Большая часть пациентов попадает к нам от страховщиков, так что бывают самые разные случаи, но мы много работаем с тревожными расстройствами.

– Здорово, – говорит Кэсси и с улыбкой пялится на меня. ЭЙ, МОЛЛИ, ЭТО ПО ТВОЮ ДУШУ. Какое замечательное и ничуть не позорное совпадение!

– Мальчики уже внизу, – сообщает миссис Чой. – Может, сделать вам покушать? Рамен и яйца почти готовы.

– Не, всё норм, – поспешно отказывается Мина.

– А что будете пить?

Сначала я решаю, что миссис Чой говорит об алкоголе (может, родители у Мины и правда хиппи), но потом она открывает холодильник и вручает дочери пару бутылок с водой.

– Молли, очень приятно было познакомиться, – говорит она. – Я так рада, что у Мины появились новые подружки.

Ой... Не думаю, что под *подружкой* она имеет в виду человека-с-которым-у-ее-дочери-секс. А может, она решила, что Мина встречается с нами обеими? Интересно, они вообще знают, что Кэсси не просто подружка? Изначально я думала, что Мина давно им обо всем рассказала, но теперь не уверена – и уточнять не хочу.

– Еще раз – что готовит твоя мама? – спрашивает Кэсси на лестнице.

– Яйца и рамен. Ты что, никогда не пробовала?

– Э-э, нет. Но звучит восхитительно.

– Да так и есть. – Мина останавливается на последней ступеньке и улыбается ей. – Как-нибудь тебе приготовлю.

В подвале парни полностью увлечены игрой на олдскульной «Нинтендо». Уилл сидит на двухместном диванчике и тычет в кнопки на контроллере.

– Это Марио? – спрашиваю я.

– Ага, – отвечает он, не сводя глаз с экрана.

Не будь осторожной. И не думай о Риде.

Я приземляюсь на гору подушек рядом с ним.

– Он очень хорошо играет, – говорит мне Мина.

На экране Марио Уилла съедает какой-то листочек, который превращает его в енота. Что курили разработчики старых видеоигр?

Я немного расслабляюсь, наблюдая, как Марио перепрыгивает холмики и

прыгает в зеленые трубы. Отключиться всегда приятно. Забыться бы хоть на минутку. Но голова забита всяким бредом. Окончательно избавиться от осознания того, что я Молли, мне так и не удастся.

Иногда быть Молли совсем не просто.

Тут жужжит телефон. Эбби.

Мы взяли билеты на самолет! Летим на свадьбу! – пишет она. – *Со мной плюс один.*

Ник тоже приедет? – отвечаю я.

Да!! И НАДЕНЕТ КОСТЮМ.

ОМГ, да это не обязательно. Кроме него никто не будет при параде.

А мне пофиг, хочу посмотреть на него в костюме. А ты будешь одна или с кем-то? – подмигивающее эмодзи. Целующее эмодзи.

А как же. Если под «кем-то» понимать восемьдесят четыре раскрашенные банки и триллион сливочных капкейков

И сделанную вручную гирлянду из ткани, – добавляю я.

Пц, Молли. Ты пинтерест во плоти, – пишет Эбби.

Я улыбаюсь, глядя в экран.

Ну а что. Спасибо

Но ты должна пригласить парня. Позови Хипстера Уилла.

Боже. С чего она вообще это написала? Тем более что я целый день думаю о Риде.

О его очках в капельках дождя. И о том, как он убирает у меня с глаз челку.

– С кем там переписываешься? – спрашивает Кэсси с дивана.

Она растянулась на нем во весь рост – голова на подлокотнике, а ноги у Мины на коленях (Мина в это время довольно равнодушно играет за Луиджи).

– Мина, что за хрень? – возмущается Уилл. – Ты не взяла дополнительную жизнь!

Внезапно Кэсси садится.

– Ты с Ридом переписываешься?

– Погодите... Вы про какого Рида? – встревает Макс, оторвавшись от своего телефона. – Этого, с широкими штанами?

Я вся горю от стыда.

– Я с Эбби переписываюсь!

Кэсси прищуривается:

– А почему покраснела?

– Заткнись.

Телефон жужжит снова.

Я заметила, что ты подозрительно долго не отвечаешь. А еще никаких возражений насчет Уилла, – пишет Эбби.

Я ВОЗРАЖАЮ, – быстро печатаю я.

Поздно. – Улыбающееся эмодзи.

Я смотрю на Кэсси, но по ее каменному выражению невозможно ничего понять.

Ничегошеньки. Даже мне.

18

В четверг мне пишет Рид.

Привет, мы с моим другом Дугласом идем на Средневековое безумие.

Круто, – отвечаю я.

Хочешь с нами? – улыбающееся эмодзи.

Ой.

Сердце начинает биться быстрее.

Прости. Не могу!

Нет проблем, – присылает он.

Я иду на вечеринку с Кэсси и Миной

Три точки.

Ну что ж, окей, – отвечает он.

Мне очень жаль.

Чего тебе жаль?

Не знаю!

Однако мне жаль. Это глупо – я ведь понятия не имею, что такое «Средневековое безумие». Наверное, вечеринка, где все пьют из глиняных флаконов и рассказывают в туниках. Это так по-ридовски...

Однако меня волновать не должно.

Но волнует. И я весь вечер об этом думаю.

После ужина мы едем на метро в Бетесду. Мина подбирает нас прямо со станции. В машине они с Кэсси чококаются. Быстро, как родители. Тут до меня доходит, почему это называется «Поцеловать и подвезти»[49].

– Значит, родители Макса уехали? – спрашивает Кэсси.

– Да, они много путешествуют.

– И взрослых там не будет? – выпаливаю я. Чувствую себя ровесницей Ксавье.

– Ну, его сестре восемнадцать, – говорит Мина, поглядывая на меня в зеркало заднего вида. – Так что в глазах закона...

Кэсси с ухмылкой поворачивается ко мне:

– Никакого Молли-фейса.

– Я и не пыталась, – оправдываюсь я. К щекам приливает тепло.

С чего мне бояться домашней вечеринки. Это же будет не оргия. Ну, насколько мне известно...

Мина паркуется возле дома в длинном ряду других машин. Не верится, что их так много. Скажу честно, я и не подозревала, что тусовка у кого-то – это какое-то особенное событие. Я скрещиваю руки на груди, стараясь выглядеть непринужденно.

И все же эта ночь особенная. Всё как во сне. Во-первых, на удивление холодно. Я впервые надела куртку в июле.

– Молли, ты такая милая, – говорит Мина, обнимая меня за плечи.

Я краснею.

– Я тоже милая, – говорит Кэсси.

Мина улыбается ей:

– А ты выглядишь, как будто замерзла.

– То есть как слабачка, – ухмыляется Кэсси.

На ней розовая майка и коротенькие желтые шорты. Она из тех, кто может

надеть что угодно и все равно выглядеть восхитительно. А на мне хорошо продуманная многослойная маскировка: куртка, зеленое платье с паттерном из птичек, топ и ботинки.

Время прибытия мы выбирали очень тщательно. Приехали не слишком рано, чтобы не оказаться первыми гостями, но и не слишком поздно, чтобы не застать только упившихся в стельку зомбаков.

– Уиллу напишем? – спрашивает Мина.

Кэсси пожимает плечами.

– А он здесь?

– Должен быть.

Мы заходим в подвал Макса с заднего двора, где до сих пор в прекрасном состоянии сохранились огромные детские домики с качелями и даже стенкой для скалолазания – хотя младших братьев и сестер у Макса нет. Все же родители – странный народ.

Да и в доме все совсем не так, как я ожидала. Не то чтобы я вообще чего-то ожидала. Наверное, смутно представляла, что будет как в кино: бир-понг, кега пива в углу и парни в поношенных бейсболках. Парней в поношенных бейсболках тут в самом деле много, однако в остальном подвал самый обычный: два футона[50] из «Икеи», куча стульев, настольный футбол, аэрохоккей и большая ударная установка; в приглушенном свете толпится куча народу с красными пластиковыми стаканчиками.

– Мина! – кричит кто-то.

Это девушка, которую я никогда раньше не видела. Безумно красивая – высокая, со смуглой кожей и широкими бедрами; на ней шикарное синее узорчатое платье. Она отталкивает ногой валяющееся на полу худи и идет к нам.

– Привет! Ты, наверное, Кэсси.

Это она мне.

– Ой, я...

– Я Кэсси, – говорит Кэсси.

– Это Самар, – представляет ее Мина.

– А, так это *ты* Самар, – удивляется Кэсси.

На какой планете я живу? Ни разу не слышала ни о какой Самар, но Кэсси приветствует ее как знаменитость. Меня это бесит. Ненавижу быть не в теме.

– О, тогда привет! Я тебя не знаю, – обращается ко мне Самар.

– Это Молли, – отвечает Кэсси без каких-либо объяснений. Просто Молли. Какая-то случайная девица.

– Парни здесь? – спрашивает Мина.

Самар кивает:

– Ага, Макс уже с кем-то мутит, а Уилл... Я же только что его видела. Он... – Самар вытягивает шею. – А, он рядом с бухлом. Можно было догадаться.

В конце комнаты стоит стол, полностью заставленный маленькими стеклянными бутылочками, пол-литровой колой и апельсиновым соком. А рядом – Уилл с идеально взъерошенными рыжими волосами, наливает себе спрайт. Мы идем к нему; как только он нас замечает, глаза его вспыхивают.

– Вы все-таки пришли! – Он хватает меня за руку. – Молли, давай я тебе налью. Чего хочешь?

– Э-э...

– Есть водка, Джек[51], ром... И, кажется, джин?

Я сомневаюсь.

– Наверное, ром?

Он смешивает ром и колу и протягивает мне стакан. И тут я понимаю, что Мина с Кэсси ушли. Растворились в толпе. Кто-то хочет налить себе выпивки, поэтому мы с Уиллом отходим в сторону, к футону. От волнения ноги у меня тяжелеют, хочется сесть, но, похоже, никто больше не сидит. Видимо, так не принято.

М-да, похоже, наедине с Уиллом мне непросто сохранять хладнокровие. Может, это влияние Эбби, но я чувствую: что-то *может* произойти. Произойти между нами – и я не о том, что я буду много краснеть и с черепашьей скоростью потягивать ром и колу.

– Не выношу эту музыку, – вздыхает Уилл.

– А кто играет?

– Не знаю. Maroon 5. Адам или как его.

– А, да. Адам.

Уилл улыбается во все зубы. В этом его фишка. Он умеет внушить чувство, что ты единственный важный человек на свете, а все остальные – просто фоновый шум. Уверена, не стоит принимать это на свой счет. Должно быть, все девушки в кругу его общения чувствуют подобное, хотя бы на мгновение.

А вообще мне очень сложно поверить, что все это происходит со мной на самом деле. Я на вечеринке в Бетесде. Кэсси куда-то запропастилась, и теперь я наедине с очень симпатичным парнем. Ладно, не совсем наедине, но почти что. Кажется, мы соприкасаемся лодыжками. Интересно, думают ли окружающие, что мы парочка? Я и Уилл. Очень волнительно.

Однако меня не покидает мысль, что сейчас я могла быть на «Средневековом безумии» с Ридом. Где-то в параллельной вселенной в эту самую секунду Молли держит в руках флакон – и да, я только что поняла, что флакон рифмуется со словом «дракон». И да, теперь я хочу сообщить об этом Риду. Но, наверное, не стоит писать Риду у Уилла перед носом.

– Ты, наверно, вся мокрая? – говорит Уилл, вырывая меня из задумчивости.

Он имеет в виду, что я вспотела в куртке, но я все равно краснею.

– Не знаю, куда деть куртку.

– Давай отнесу. – Он ставит стакан на журнальный столик.

– Не обязательно.

– Да нет, все в порядке. Я найду куда повесить.

Я расстегиваюсь. И кажется, что я раздеваюсь, как в кино.

– Мне нравится твое платье, – говорит Уилл, когда я отдаю ему куртку. – Классное.

– Спасибо. – Я даже не в силах поднять на него глаза.

– Скоро вернусь.

Я киваю. Но как только он уходит, мне становится до ужаса неловко. Я пью быстрее, а свободной рукой поправляю на себе одежду. Уилл может заметить бирку на куртке. Узнает, какой у меня размер. Кажется, сердце сейчас выпрыгнет из груди, – в горле пульсирует, и я уже готова вдогонку бежать за Уиллом.

Но тут ко мне кто-то подходит. Незнакомый парень.

– Привет. Хочешь расскажу дикую историю? – спрашивает он так, как будто мы сто лет знакомы. Но я его в жизни не видела. Он довольно симпатичный – спортивный, с очень коротко подстриженными каштановыми волосами.

– Давай.

– Короче, были мы в одном городке, – начинает он. – Типа в Англии. И там вдоль улицы тупо стоит огромная каменная стена. Просто, блин, гигантская. В общем, мы тогда уже нормально нафигачились, и моему другу Джонсу припичило.

Понятия не имею, кто такой Джонс и почему меня должны заботить его естественные потребности. Наверное, так на вечеринках все и происходит. Может, это какой-то алкогольный этикет, о котором я ничего не знаю.

– И вот он отливает на эту стену, как вдруг... – Он делает еще один глоток, а затем говорит: – Вот дерьмо.

– Что?

– Надо подлить. Тебе чего-нибудь взять?

Совершенно не понимаю, как надо действовать в таких ситуациях, но все же уверена, что не стоит позволять незнакомому парню мне наливать.

– Мне норм? – Мой ответ звучит как вопрос. Бесит.

– Без проблем, – говорит он. – Сперва закончу все-таки. Ну, короче, стоит там эта дебильная...

– Привет.

Я поднимаю взгляд. Уилл вернулся.

– Привет, чувак, – здоровается парень. Уилл смотрит на него, сощурившись. – А, так вы вместе?

– Да, – быстро отвечает Уилл.

У меня чуть сердце не останавливается.

– А, тогда ладно, понял. Нет проблем, – бормочет парень. – Ну, хорошего вечера.

Он залпом опрокидывает остатки выпивки и уже было уходит, но потом неожиданно поворачивается ко мне:

– Слушай, я должен это сказать. – Он касается моей руки. – Для толстушки ты просто роскошна.

Я впадаю в ступор.

– Это комплимент!

Смотрю ему в глаза и произношу:

– Да пошел ты.

Никогда никому так не грубила. По крайней мере вслух. Замечательное чувство. Сердце бьется как бешеное.

– Ого! Я не собираюсь... Фиг с ним. – Он выставляет вперед руки, словно пытается защититься, и протискивается сквозь толпу. Я слышу, как он бурчит себе под нос: «Жирная сучка».

Уилл переводит на меня взгляд.

– Окей, это было самое горячее «*пошел ты*» в моей жизни.

– Э-э, спасибо.

– Ты вообще его знаешь?

– Не-а.

– Значит, случайный говнюк.

– Вроде того.

Я не в состоянии мыслить ясно. Вернее, я вообще могу думать только о том, что Уилл сказал, что мы *вместе*. Конечно, он просто хотел избавиться от этого типа – и все-таки.

Уилл падает на футон и хлопает по лежащей рядом подушке. Я тоже сажусь и сразу поправляю юбку, прикрывая колени.

Сердце продолжает колотиться. Я делаю маленький глоток.

Уилл откидывается на руки и поглядывает на меня. Вот он открывает рот, но я перебиваю его и понимаю, что именно говорю, уже в процессе:

– Почему ты сказал, что мы вместе?

– О! Блин. – Он удивленно поднимает брови. – Прости. Ты хотела...

– Нет! Боже. Стремный тип.

– Да, видно было, что тебе не по себе.

– Правда?

Он смеется:

– Ага. У тебя была такая поза, типа... – Он выпрямляет спину, скрещивает руки на груди и изображает на лице абсолютный ужас.

– Я не так выглядела!

– Я даже подумал, что тебя вот-вот стошнит. Это же типа твоя фишка, да? Блевать на публике? – Уилл ухмыляется.

– Один – ноль, – говорю я с улыбкой.

Боже. Какой он красивый. Необычайно голубые глаза... Смешной, милый, умный – идеальный парень. Стоит ли говорить, что он лучший друг девушки моей сестры? Влюбиться в него было бы очень разумно.

Не то что в Рида.

Я откидываюсь на подушки и зажмуриваюсь. А когда открываю глаза, замечаю желтые шорты и переплетенные ноги в кресле напротив.

Это Кэсси и Мина.

Забавно то, что Кэсси всегда блестяще расписывала свои похождения, но мне никогда не доводилось наблюдать их вживую. Ни разу.

Выглядит это странно.

И немножко мило.

Но в целом странно.

И дело даже не в том, что они неотрывно целуются, а в том, что они почти слились воедино, не оставив пространства между своими телами. Я вижу, как Кэсси убирает локон Мине за ухо. Ее губы расплываются в улыбке. Потом Кэсси что-то говорит, Мина смеется, они опять целуются, и Кэсси касается ее щеки.

Не стоит мне на них смотреть. Впрочем, я в этом не одинока. Как минимум три чувака таращатся на них так, словно это трансляция Супербоула[52].

Футон продавливается. Я внезапно вспоминаю, что рядом сидит Уилл. Его нога согнута в колене – он завязывает шнурки. Я же старательно отвожу взгляд от кресла в другом конце комнаты.

– Тебя это не смущает? – спрашиваю я тихо.

Уилл вздрагивает.

– Что? Мина с Кэсси?

– Ну-у, – протягиваю я, слегка улыбаясь, – типа того.

Он откидывается назад и смотрит в потолок.

– По-моему, им хорошо вместе.

– Это да. Я о том, что они целуются у нас на виду. Это все равно что пялиться на своих родителей.

Уилл смеется:

– Точняк.

Я украдкой бросаю на них еще один взгляд. Они как будто ото всех обособлены, словно дрейфуют на плоту среди океана. И тут мне становится очень одиноко.

Может, стоит взять Уилла за руку, или подвинуться поближе, или сказать что-нибудь неосторожное... Пожалуй, я на это способна.

Но тут у меня жужжит телефон.

Не стоит его доставать.

Не сейчас.

Это же просто сообщение. Скорее всего, от Эбби. Или от Оливии, которая до сих пор в Пенсильвании с Эваном Шульмейстером.

Нет уж, Эван Шульмейстер мне ничего не обломает.

Но телефон жужжит снова, и я теряю мысль.

– Мне надо найти Макса, – говорит Уилл, после чего слегка касается моей руки и поднимается. – У тебя же все нормально?

– Да, все в полном порядке, – киваю я.

Забавно – его уход меня почти не расстраивает.

Я сразу достаю мобильный.

Это Рид.

Как чувствовала.

В общем, мы с Дугласом сидим снаружи

Средневековое безумие – настоящая оргия.

Погоди, Дуглас хочет, чтобы я уточнил.

Средневековое безумие – это еще не оргия. Королевская улица – вот это оргия.

Я откидываюсь на диванные подушки и тихонько хихикаю себе под нос.

Смешно, – пишу я, – но я тоже на оргии.

Он отвечает мгновенно.

Правда?

Более-менее изысканной. Все целуются/лапают друг друга, но дальше – ни-ни.

И переписываются... – присылает Рид.

Я краснею. Не знаю почему.

И переписываются.

Мне нравится переписываться, – отвечает он.

Мне тоже.

Три точки. Он что-то печатает.

Я поднимаю голову. Забавно. Чувствую себя невидимкой. Вокруг меня кипит тусовка, а я сижу отдельно от всех и ни в чем не участвую. Ни дать ни взять кубик льда. Но в хорошем смысле.

Знаешь, что отстойно в Средневековье? – приходит наконец сообщение.

Бубонная чума? – отвечаю я.

Да. И еще кое-что. Никаких переписок.

Три точки. Хочет что-то добавить.

Но представь, если бы они тогда БЫЛИ.

Я улыбаюсь.

Смотрю, ты всерьез об этом задумался.

Да.

Так что бы отправляли друг другу люди Средневековья?

Три точки.

Цитаты из Чосера. Селфи в кальсонах с гульфиками.

Вот это да. В переписке у этого парня отличное чувство юмора.

Прям вижу, как ты отправляешь селфи в кальсонах королеве Елизавете.

С эпохой ты ошиблась, но да. Б-же, да.

ОН ДАЖЕ ИМЯ ГОСПОДА ПИШЕТ КАК НАСТОЯЩИЙ ИУДЕЙ[53]. БЛ-И-И-ИН.

Это мило.

Давай дальше, Молли.

Елизавета. Ты девственница? Чмоки, Рид, – пишу я.

Он сразу же отвечает:

Неа. – И подмигивающий смайлик.

Э-э-э, разве она не королева-девственница?

Если мы с ней современники, то уже нет.

Извините, но кто этот парень? Я уверена, что он флиртует. Кто бы мог подумать, что Рид Уэртейм умеет флиртовать!

Я едва сдерживаю улыбку.

И собираюсь написать что-то очень неосторожное, как вдруг на диван рядом со мной падает Кэсси.

– Ах вот ты где! Привет. Прикинь, что. – Она кладет голову мне на плечо и улыбается. – Молли Адель, сегодня тебе достанется «лексус»!

Я молча смотрю ей в глаза.

– Молли-фейсом меня атакуешь, Молли-фейс? – Она хихикает.

– Насколько сильно ты накидалась?

– Да капельку. – Кэсси и вздыхает. – Молли. – Она нюхает мою шею. – Пахнешь цветами. Как всегда!

Я смеюсь.

– Это наш шампунь. Ты таким же пользуешься. Из той же бутылки.

– Да, но на себе я запах не ощущаю. Короче, – Кэсси стучает меня по плечу, – ты что, не рада? Поведешь Минин «лексус».

– Не поведу я Минин «лексус».

– Ладно, хорошо... – говорит она, и только я собираюсь возразить, как она закрывает мне рот ладонью. – Выслушай, пожалуйста. Мина пить не собиралась, но нам пришлось сыграть в «Кубок короля»[54], и она не то чтобы пьяна, так, *немножечко*, – но мы решили себя обезопасить и остаться здесь на ночь. Так что если хочешь поехать домой на машине, она в твоём распоряжении. Только завтра утром придется за нами заехать.

– Вообще-то я не...

– Только паркуйся у дороги, чтобы Надин с Патти не разволновались. Идет?

– Кэсс, не могу. Я тоже выпила.

– Ясно... – Она склоняет голову набок. – Один стаканчик?

– Кэсси, я машину не поведу.

– Да я просто спрашиваю.

– Нет, ты серьезно? – Выпрямившись, я от нее отодвигаюсь. – Ты просишь меня рискнуть своим здоровьем и поехать домой после того, как я второй раз в жизни пью алкоголь, который вообще-то нельзя мешать с золотом...

– Ладно. – Она как-то резко смеется. – Тогда зачем ты это сделала?

– Выпила?

– Если тебе запрещен алкоголь из-за таблеток, зачем ты пьешь, Молли?

– Ты издеваешься? – в груди все сжимается, а щеки сводит от боли; я осознаю, что стискиваю зубы. – Да пошла ты!

Фраза вечера.

Брови Кэсси взлетают вверх.

– Ого!

– Будешь осуждать меня за то, что я пью? Серьезно? Вообще-то вы обещали меня подвезти, но теперь – что? – ты решила от меня избавиться, чтобы провести ночь со своей подружкой, а меня запряхь быть вашим шофером?

На ее лице читается насмешка. К горлу подступает ком.

– И тебе, блин... Тебе вообще плевать, разобьюсь я или нет. Главное, – что с Миной сможешь покувыркаться.

– Ты издеваешься? – спрашивает она. – Нет, ты правда решила меня за это отчитать?

– А, забудь.

Лучше бы я молчала. Не хочу участвовать в этом разговоре. Не здесь. Нигде и никогда.

– Слушай, ты хочешь об этом поговорить? – интересуется Кэсси, пододвигаясь ко мне.

– Давай не будем. – Я сжимаю стакан.

– Молли.

Я поднимаю взгляд и вижу, что в ее глазах стоят слезы. Это меня обескураживает. Плакать – это не про Кэсси. И даже почти плакать – тоже не про нее.

– Думаешь, я хочу избавиться от тебя ради Мины?

– Дошло до утки на третьи сутки. – Обычно я так не разговариваю; видимо, во всем виноват алкоголь.

– Ты же понимаешь, что она моя девушка?

Я пялюсь на свои колени. Перед глазами возникает картина: Кэсси, губами уткнувшись Мине в ухо. Не могу выбросить это из головы.

– Молли, зачем ты это делаешь?

– По-твоему, это я что-то делаю?

Я снова сжимаю зубы. Кэсси всегда переводит стрелки. Ведет себя так, как будто я раздуваю из мухи слона. Как будто не она нырнула с головой в страну чудес под названием «Мина».

– О боже, хватит, – вздыхает она. – Ты такая...

– Гиперчувствительная, знаю.

Кэсс вскидывает руки.

И меня вдруг отпускает. Да, это странно. Я ненавижу, когда она называет меня гиперчувствительной, но в то же время рада, что прочла ее мысли. Я понимаю Кэсси лучше, чем саму себя. Не думаю, что Мина когда-нибудь узнает ее так же хорошо.

– Пожалуй, я пойду, – решаю я.

А она закрывает лицо руками и со смехом откидывается на диван.

– Ну-ну. Пешком? К метро?

И тут я понимаю, что на нас пялятся. Не слишком явно, но довольно пристально. Люди любят скандалы.

Я пожимаю плечами.

– Молли, перестань.

– Нет, а как ты себе это представляла? – Теперь я еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать. – Типа ты напьешься, а я доберусь домой сама?

Плакать нельзя. Ни в коем случае.

– Честно? Я думала, ты поедешь с Уиллом, так что...

– Ага, он тоже пьяный.

Кэсси вздыхает:

– Или останешься с ним здесь. Молли. Пожалуйста, не делай вид, что не понимаешь, о чем я.

– Нет. – Я выдыхаю и потираю лоб. – Между мной и Уиллом ничего нет.

– Ага, я заметила. Потому и предложила тебе сраный «лексус». Слушай, не хочешь машину – и ладно. Нам лучше – поедем на ней с утра. Я просто подумала, что ты не захочешь ехать на метро так поздно. Хотела как лучше. Ну да пофиг.

Повисает пауза. Я оглядываюсь. Свет потускнел, силуэты окружающих расплываются. Вижу Макса – он стоит в другом конце комнаты и болтает с какой-то незнакомой мне девчонкой. Смеется. Его челка заколота пластмассовой шпилькой.

– А что там с Ридом? – спрашивает Кэсси, и я чуть не вздрагиваю.

– С Ридом?

Она закатывает глаза:

– Или не с Ридом. Не знаю. Но в тот день на крыльце мне показалось, что между вами что-то есть.

– Мы друзья.

– Слушай, я просто хочу, чтобы ты была счастлива, понимаешь? – Она забирает у меня стакан и делает глоток. – И я думала, что ты хочешь... Фу, теплый. Гадость. – Она делает еще глоток. – В общем, мне казалось, что с Уиллом все идет как надо, но потом посмотрела сюда, а он куда-то свалил. Типа ну ясно. Короче, я уже не знаю, что происходит. И между вами с Ридом как будто что-то есть, и это круто, без разницы...

Я сглатываю.

– Ага, только Рид не из тех, с кем встречаются. Или занимаются сексом.

– Ты о чем?

– Это Мина так сказала. Что Рид из тех, за кого выходят замуж...

Кэсси смеется:

– Боже, Молли. Да какая тебе разница, что думает Мина? Посмотри, какой у нее ужасный вкус. – Она хлопает себя по груди и улыбается. – Ты чего. Это все так субъективно! Вот, например, посмотри на ту девчонку. В фиолетовом платье. – Она кивает в сторону. – Тебя она физически привлекает?

Я качаю головой.

– Ну вот. Но знаешь что? По-моему, она дико милая. И я бы сто проц с ней переспала.

– Уверена, Мина будет счастлива.

– Боже мой. Да я просто привожу пример. Всем нравится разное. Ну и что, что у тебя не совпадают с кем-то вкусы? Это ведь хорошо. Меньше конкуренции.

– Даже не знаю, хочу ли я...

– Если ты пытаешься разлюбить Рида из-за своего гребаного эго, я тебя стукну.

Эго? Нету у меня эго. Будь у меня раздутое эго, разве я бы сомневалась, что в самом деле ему нравлюсь?

Хотя, если начистоту, то я не сомневаюсь. Я нравлюсь Риду. И мне нравится ему нравиться. Только я не привыкла к таким играм и теперь вижу себя совершенно по-новому: девушкой мечты в загадочной дымке. Как в кино. Раньше я такой не была, но мне приятно быть «той самой» девчонкой. Поэтому, возможно, я все-таки ужасно самовлюбленная.

Но вообще это ведь страшно – признаваться, что тебе кто-то нравится. И, по сути, куда легче, когда шансов на успех нет. Однако стоит через себя переступить, и все сразу становится возможным. Карты на столе, и вот она ты – в открытую показываешь свое желание.

Правда, отсюда и куча проблем. Все будут знать, что тебе нравится парень, который носит ядреные белоснежные кроссовки. И если кто-то не считает его симпатичным, тебе будет стыдно. Хотя на самом деле он симпатичный. Может, даже чертовски очаровательный. И пипец как мне нравится. А все остальное не имеет значения.

19

Верните мне мою нормальность.

Я чувствую себя ужасно. Как будто делала бусы, но забыла завязать нитку. Я сама на себя не похожа. Я не из тех девушек, кто жестко отшивает одного парня, притворяется, что встречается с другим, и не может выкинуть из головы третьего.

И раньше мы с Кэсси так часто не ссорились.

Мы весь день друг с другом очень осторожны. Вчера она заночевала с Миной в гостевой спальне у Макса, а меня подбросила к метро Минина подруга Самар. Прошлый вечер мы с Кэсси не обсуждали. Не вспоминали ни о Риде, ни о моем раздутом эго, ни о моей истерике. Истерике «ты-хочешь-избавиться-от-меня-ради-Мины».

– Привет. – Кэсси появляется в дверях, когда я сматываю тканевую гирлянду. – Тут Мина пришла, а Оливия на работе, так что мы решили составить ей компанию и пораскрашивать посуду.

– Здорово.

– Я подумала, может, ты захочешь присоединиться.

– А. – Я тщательно наматываю гирлянду на руку – вокруг большого пальца и под локтем. – Не хочу мешать вашему свиданию.

Она натужно смеется:

– Это не свидание. Боже. Там же Оливия будет.

Я не отвечаю.

– Короче... Я уже поняла, ты очень сильно себя жалеешь. Но все равно решила предложить. Когда ты в последний раз разговаривала с Оливией?

– Давно...

– Значит, ты не знаешь, что там за история с Эваном?

Я поднимаю на нее взгляд:

– А что там за история с Эваном?

– Я надеялась, что ты знаешь. Эбби тоже не в курсе, но что-то случилось. Оливия только что вернулась из Филадельфии. – Кэсси пожимает плечами. – Короче, мы едем к ней прямо сейчас. Если хочешь с нами – поехали.

Я сомневаюсь.

– Ладно. Слушай, не хочешь – как хочешь. Без обид. Только не грузи меня больше бредом про то, что я променяла тебя на Мину.

– Я с вами, – выпаливаю я.

Мы с Кэсс словно партнеры в самом сложном на свете танце. Между нами теперь все очень хрупко. И если я оступлюсь – все пойдет насмарку.

Кэсси запрыгивает на переднее сиденье Мининого «лексуса», а я устраиваюсь на заднем. Всю дорогу до Силвер-Спринг мы показно друг с другом не разговариваем, отчего угнетенная обстановкой Мина болтает без умолку. Точно, она же рассказывала, что у нее словесный понос, когда она нервничает.

– А вы бывали в гончарных мастерских? У них там тарелки, кружки, все уже прошло обжиг и готово к покраске. Мне было очень весело. С красками я не дружу, конечно, но все-таки. Молли, мне кажется, тебе понравится.

– Бывали, Оливия же там работает...

– А, ну да, верно. – Мина притормаживает у знака остановки.

– Только давно, – добавляю я.

Мина убирает темно-фиолетовый локон за ухо.

– Думаю, я нарисую пингвинов. Парочку влюбленных пингвинов. Хочу вручить вашим мамам на свадьбу. Но только если получится хорошо.

– Знаешь, им твой подарок понравится в любом случае, – говорит Кэсси. – Они на тебе помешались.

– О-о-о, правда?

– Ага. Мне кажется, они очень признательны, что ты не бросила меня после ужина с бабулей.

Мина хихикает, а Кэсси поворачивается к ней и улыбается. Наблюдать это с заднего сиденья довольно странно. Они не сюсюкаются – ничего такого, – просто я чувствую себя ребенком в машине со взрослыми. В детском кресле и с соской.

Мы наконец паркуемся у обочины, в паре кварталов от мастерской. Я иду чуть поодаль и почти не разговариваю. Мне немного неловко, и участие в беседе представляется чем-то неподъемным. Иногда со мной такое случается – я зависаю и не могу говорить. Вроде придумаю что-то крутое, но потом столько раз повторяю это в уме, что в конечном счете забываю, произнесла вслух или нет. Приходится молчать – все-таки крутая фразочка серьезно потеряет в очках, если случайно ее повторить. Лучше не рисковать.

– Если честно, я даже не представляю, что там у них стряслось, – признается Кэсси. Она идет задом и напоминает в этот момент экскурсовода.

– Ты про Эвана?

– Ага. Деталей не знаю. Никаких. Эбби просто сказала, что что-то случилось. – Она пожимает плечами и открывает входную дверь.

В субботу в мастерской тихо и почти безлюдно. Я сразу замечаю Оливию: она сидит за столом и расписывает тарелку. Неподалеку от нее две девочки лепят с мамой копилку в виде поросенка. Больше никого.

– Салют, – здоровается Оливия, не отрываясь от работы.

Мы подходим к ней. Выглядит она нормально. На ней клева фиолетовая футболка с гномом. И плакать Оливия, похоже, не собирается.

– Что делаешь? – Мина внимательно рассматривает заготовку.

– А, ерунда. Просто для витрины.

Но нет, никакая это не ерунда. Я смотрю на тарелку и начинаю глупо завидовать. Боже, я всегда забываю, какая Оливия все-таки талантливая. Время от времени я морочу себе голову мыслями о том, что я тоже. Но увы до Оливии мне далеко.

Тарелка получается потрясающая. Бледно-зеленый фон, а края обведены золотым. Посередине – еще не законченный, но изящный дракон с тщательно прорисованной чешуей. Рид бы офигел. Вот же блин.

– А можно я сфоткаю? – спрашиваю я.

Оливия смущается.

– Дракона, – добавляю я. – Он потрясающий.

– О, спасибо.

– Правда.

– Он еще не готов, но давай.

Я достаю телефон и фотографирую, после чего мы усаживаемся за стол и Оливия приносит нам тарелки, краски и кисточки. Сначала мы должны протереть тарелки влажной губкой. Потом Оливия велит нам нанести три слоя

фоновой краски.

– Видишь, какая она диктаторша, – говорит Кэсси. – Попробуй только пропустить один слой – сразу на тебя набросится.

Оливия кивает:

– О да, у меня знатно пригорит.

На первый взгляд она ведет себя как обычно, но я-то знаю, что между ней и Эваном что-то случилось. Ничего не могу поделать, но в каждом взмахе ее кисти мне видятся грусть и страдания разбитого сердца. Так и тянет расспросить. Поверить не могу, что Кэсси до сих пор этого не сделала.

Мы работаем почти в полной тишине. Я покрываю свою тарелку тремя слоями белого, что кажется мне немного нелепым. Когда краска высыхает, я оставляю середину белой, а по краям рисую цветочки. Мина сидит напротив; навалившись локтями на стол, она корпит над пингвинами. Кэсси же пытается скопировать дракона Оливии. Получается так себе.

– Как будто эмбрион рисовал, – ворчит она.

Мина кладет подбородок ей на плечо:

– А мне нравится.

– Еще бы, – улыбается Кэсси.

– Значит, вчера вы были на вечеринке? – спрашивает Оливия.

– Ага, неплохо прошло. А ты только вернулась из Филадельфии, да? – интересуется Мина.

Мысленно я со всей силы даю ей пять. Даже не верится, как быстро ей удалось перескочить на эту тему. Поистине, дочь психологов.

– Да, приехала прошлой ночью, – объясняет Оливия и вздыхает.

Кэсси сразу же подключается:

– Ты в порядке? Что случилось?

– Ну. – Оливия пожимает плечами. – Да. В общем, Эван меня бросил.

– О, Ливви...

– Ага. – Она нерешительно мне улыбается.

– Боже мой. Что случилось?

Оливия невозмутимо качает головой.

– Сама не знаю, честно.

Потом пожимает плечами.

И начинает рыдать.

– Вот ублюдок, – вставляет Кэсси.

И тогда Оливия выкладывает все.

– Я хотела остаться до среды. А потом... Не знаю. – Она шмыгает носом. – Все вроде бы шло нормально. Наверное, он постоянно от меня отстранялся, но я этого не понимала. Только потом дошло.

– Это случилось у его родителей? – спрашивает Кэсси.

– Ага. – Оливия кивает. Затем делает глубокий вдох. – Да. Там и родители были, и его сестра, так что закончилось без особой драмы.

Родители Эвана Шульмейстера. Интересно, что они за люди? Наверное, я сую нос не в свое дело, но мне очень любопытно, как это работает. В смысле что происходит, когда ты приезжаешь в другой город в гости к родителям своего бойфренда? Значит ли это, что вы не будете заниматься сексом? Или придется рисковать, надеясь на то, что вас не застукают? Что-то мне подсказывает, что семья Эвана Шульмейстера сильно вовлечена в его личные дела. Впро-

чем, это просто ничем не подтвержденная догадка. И совершенно неуместная.

– А секс-то у вас был? – интересуется Кэсси как бы между прочим.

Оливия краснеет:

– Ну да.

– Значит, он с тобой переспал, а потом бросил.

– Наверное.

– Я его по стенке размажу, – говорит Кэсси, и Мина серьезно кивает.

– Ничего не понимаю... – начинаю я.

Оливия беспокойно теревит кисточку.

– Да я тоже. Все было хорошо, знаешь. Он попросил остаться до пятницы, так что я поменялась на работе...

Кэсси чуть ли не шипит:

– Бред какой-то.

– Мне кажется, это потому, что он сразу задумал со мной порвать, но ему не хватило духу. Оставил все на последний момент.

– СЕРЬЕЗНО, ЧТО ЛИ?

В другом конце лавки девочки и их мама резко отрываются от своей копилки.

– Блин. Прости. – Кэсси переходит на шепот.

– Ничего, – говорит Оливия. – Так вот. Серьезно. Короче... Вчера утром он зашел ко мне в гостевую спальню – принес чай, бейгл и все такое. Я еще подумала, как это мило. Раньше он мне завтраки в постель не носил. Но потом он буквально дождался, когда я набью рот этим бейглом, и такой: «Я хочу с тобой поговорить». А я типа: «Давай». И он выдает: «Кажется, я не готов себя ограничивать».

– Господи, – вырывается у Кэсси. – Вы же встречались с гребаного восьмого класса!

– Знаю. – Оливия пожимает плечами.

– А потом что?

– Ну, скандалить я с ним не собиралась.

– Поверить, блин, не могу.

– А, и еще, – добавляет Оливия. – Все это время я молчала, а он без конца повторял, что его очень беспокоит, что я никак не реагирую.

– Что, конечно, неправда, – вставляет Мина.

– Думаешь? В общем, наконец он сказал, что оставит меня одну, чтобы я все это *обдумала*.

Кэсси фыркает.

– Но перед уходом он повернулся ко мне и сказал: «Но если захочешь переспать, я не против».

Я охаю.

– НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

– Еще как может.

– Гребаный Шульмейстер, – возмущается Кэсси. – Ему предстоит переспать с моим кулаком. Вот ведь мудак конченный.

Боже. Я и забыла, как страшна Кэсси в гневе. Такой я ее не видела со средней школы – с тех времен, когда мальчики изображали звуки опадающего стока: «Вуа-вуа-вуа». Кэсси такая. Она не терпит подобной жестокости и готова ни секунды не раздумывая навалить парням.

Есть в этом что-то героическое, за что я ее и люблю.

Кэсси перехватывает мой взгляд – может быть, случайно, но я чувствую, как уголки моих губ ползут вверх. Не могу удержаться.

Она улыбается в ответ. Так, слегка.

И я испытываю облегчение.

Когда я проснулась в воскресенье, Кэсси не было дома. Мама попросила меня сходить на рынок. Что я и сделала – одна.

Сегодня здесь нереальная толпа. Я сажусь на край лавочки, скрещиваю ноги и перебираю фенечки.

Повсюду бегают детишки: мечутся между палатками с овощами и свежесрезанными цветами. Обычно в такой обстановке я начинаю ностальгировать.

Но сегодня с самого утра я чувствую жуткую усталость.

В общем, сейчас я тот самый персонаж, который в идеальную погоду сидит на лавочке с другими людьми и рассеянно пялится в айфон.

Пишу Эбби:

Слышала про Шульмейстера? – злое эмодзи.

А потом нахожу фотографию тарелки Оливии и отправляю ее Риду. Как раз перед тем, как успеваю себя от этого отговорить.

Это моя подруга Оливия нарисовала. Любишь такое?

Странно писать парню «любишь» – даже в таком нейтральном контексте. Теперь я не могу отвести взгляд от этого слова, будто написала его жирным и с сердечком после.

Очень люблю, – мгновенно отвечает он.

И сразу же добавляет:

Как тебе рынок?

Так. Секундочку.

Он пишет снова:

Куку, оглянись!

А вот и он. Стоит передо мной.

– Привет! Ты что здесь делаешь?

– Овощи покупаю? – говорит он вопросительно и показывает сумку для продуктов.

– Ясно. – Я улыбаюсь.

Боже, он выглядит так *по-ридовски*. На нем коричневые шорты и футболка с «Игрой престолов». Другая футболка с «Игрой престолов». Это значит, что у него их целая коллекция. А еще кроссовки – белые-пребелые.

В животе все сжимается.

– Знаешь что?.. – говорю я быстро.

Естественно, он и вправду пытается угадать.

– Ты нашла в шоколадном яйце маленького шоколадного цыпленка?

Я смеюсь:

– Да нет.

– Очень жаль. – Он садится рядом. – Тогда что же?

– Что же что?

– Ну, что я угадываю?

– А, ну теперь ответ тебя разочарует. Просто хотела сказать, что вспоминала о тебе вечером. Кое-что напомнило.

– Что?

– Слово «флакон» рифмуется с «дракон». Ты замечал?

– Э-э, да, – отвечает он с улыбкой.

– В пятницу это звучало забавнее. Говорила же, ты разочаруешься.

– А по-моему, очаруюсь!

Очаруюсь. Ну и словечко. Господи Иисусе. И почему я так краснею? Нельзя так себя вести рядом с ним.

– Слушай, вопрос, – внезапно говорит Рид и прочищает горло. – Не хочешь сегодня поработать?

– О. Почему бы и нет. Тебя надо подменить? – я убираю волосы за ухо.

– Нет, хочу, чтобы ты составила мне компанию.

– Правда?

– Правда. И, – добавляет он, – заплачу я тебе шоколадными яйцами.

– Ты решил, что я готова ради них на все?

– Да.

Я улыбаюсь во весь рот. Даже не знаю, как объяснить, что я чувствую... Я испытываю одновременно ужас и удовлетворение. В равных долях. И сама понимаю, что эти ощущения не очень-то совместимы.

– Только мамам напишу, чтоб были в курсе.

– Какая ты ответственная.

Пока мы идем по Кэрролл-авеню, Рид рассказывает мне про новые поступления в «Бисселе». Только я почти ничего не слышу. Честно говоря, меня волнует исключительно моя рука. И его рука. И пространство между ними. Не знаю, куда девать руки – размахивать ими, сцепить их или так и оставить их болтаться?.. Каждое мое движение чересчур осознанно. Все-таки это смешно... Если превратить меня в круговую диаграмму, одержимость вопросом «Что делать с руками?» займет внушительную ее часть – получится своего рода Пакман.

– И в итоге мы оказались в комнате с самым большим количеством пупырчатой пленки на свете, – заканчивает он.

– А как же фабрики пупырчатой пленки?

– Мы даже фабрики обогнали.

Я изображаю, как сжимаю пупырышки между пальцами. *Пух.*

– Пух, – говорит Рид.

Я смотрю на него, и он улыбается.

Мы проходим мимо Кэсси: пока она меня не окликает, я ее даже не замечаю. Они с Миной и Оливией сидят на лавочке. У каждой по стаканчику мороженого с маленькой пластиковой ложечкой. Кэсси скрестила ноги по-турецки.

– Эй! Куда спешите?

– Я развел Молли на лишний рабочий день, – хвастается Рид.

– Ага, это я его развела на то, чтобы он *решил*, будто развел меня.

Мина хихикает, а Кэсси карикатурно закатывает глаза.

– А вы знакомы? – уточняю я. – Оливия, это Рид.

– Привет.

Рид улыбается Оливии, и она отвечает ему тем же. А мне становится тревожно. Может, из-за того, как он улыбнулся, а может, из-за ее порозовевших щек.

– Вау. Крутая футболка, – отмечает Оливия.

– Погоди. Ты любишь «Игру престолов»? – довольно спрашивает Рид.

– Люблю ли я «Игру престолов»? – повторяет она скептически. – Человек ли я? Бьется ли мое сердце?

Рид победно сжимает кулак.

А мой легкий испуг мутирует в жуткую панику. Потому что я уже была свидетелем чего-то подобного. И его последствий. Клуб «9:30». Кэсси и Мина в футболке Georgie James.

Оливия одна. Впервые за четыре года.

Нет. Нет. Нет.

Раньше у меня никогда не было потребности кому-то вмазать.

Нет, я не представляю, как смачно бью Оливию по лицу.

Мою милую, волшебную, спокойную, как океан, Оливию! Которой только что разбили сердце. Не кто-то, а сам Эван Шульмейстер. Наверное, я схожу с ума.

Это же *Оливия*.

Ревновать *к ней* было бы полным мудачеством.

– Ну, нам пора, – выпаливаю я. Рид кивает.

– Так, погодите, – игриво говорит Кэсси. – Мы тут хотим устроить вечеринку с ночевкой. Завтра. Мы, Уилл и Макс. Присоединитесь?

Даже не глядя на Кэсс, я понимаю, какое у нее сейчас выражение лица.

Я смотрю на Рида. Он пожимает плечами:

– Да, хорошо.

И улыбается.

Оливия тоже улыбается.

А у меня екает в груди. То ли от предвкушения, то ли от ужаса.

20

Патти и Надин думают только о нашей вечеринке с ночевкой. Мне кажется, если бы к нам пришла одна только Мина, они бы ужасно нервничали. А так они понимают, что мы те еще обломщики и не дадим им с Кэсси замутить.

То, что я буду в окружении парней, их не заботит. От чего немножко грустно.

Надин откопала в бельеовом шкафу старые спальники. По сути, это официальное одобрение взрослых.

– У вас такие крутые родители, – подняв брови, замечает Мина.

– Как и твои! – говорит Кэсси.

– Мои все-таки посдержанней, – замечает Мина. – Не настолько крутые. А пить вам разрешают?

Мы с Кэсси переглядываемся.

– Технически нет, – говорит она.

Мина закусывает губу.

– Так что, сказать ребятам, чтобы не брали водку?

– Нет, мы провернем все незаметно. – Кэсси ухмыляется, а мое сердце начинает биться быстрее. Никогда еще не ощущала себя настолько семнадцатилетней.

Мы расстилаем спальники на полу в комнате у Кэсси. Когда-то второй этаж был чердаком, так что здесь не очень много места. Эта спальня даже меньше других, но мне кажется, что для вечеринки она подходит как нельзя лучше – все-таки это единственная комната, где потолок достаточно высокий, чтобы уместить двухъярусную кровать.

Мина остается на ужин. Стараясь произвести на нее впечатление, Надин ставит на стол огромные хрустящие крылышки по-корейски из «Бончона»[55]. И, если честно, я уже не понимаю, выглядит это со стороны мило или по-расистски в духе бабушки Бетти. Впрочем, Мина в ответ смеется:

– Очень круто!

– Ну а для нас крутая ты, – отвечает Надин.

Но всем все равно немного неловко. Кроме Ксавье, который исполняет барабанное соло при помощи пластиковой ложки и своего стульчика. Однако все остальные... Сложно объяснить.

– Так кто там к нам придет? – уточняет Патти. – Оливия, а еще?..

– Уилл, Макс и Рид, – перечисляет Кэсси.

– Столько пацанов! – говорит Надин.

Какое-то время мы молчим.

– Ага, – наконец выдает Кэсси.

– Вы уже готовы к свадьбе? – спрашивает Мина.

– Наверное. – Надин пожимает плечами. – Мы не планируем ничего особенного. К нам придет тридцать пять человек, так что мы думаем только о том, как бы их всех накормить.

– Будет кошерное, веганское, безглютеновое – все что душе угодно, – добавляет Патти.

И снова тишина. Не понимаю почему. Может, мы пока не притерлись к Мине.

– Аренду столов возьмет на себя наш племянник, – говорит Патти.

– Айзек? – спрашиваю я.

Это брат Эбби. Трудно представить, как он заказывает по телефону свадебную мебель. Он ужасно умный – достаточно умный, чтобы получить стипендию в Говардском университете. Вечеринки он, конечно, любит, но на заказ итальянских стульев эта любовь вряд ли распространяется.

– Поверь, он умеет удивлять, – отвечает Надин.

– Может, придумаем запасной план?

– Кстати об этом: а какой у вас план на случай дождя? – спрашивает Мина. – Моя мама интересовалась. – Она кусает куриное крылышко, а потом кладет его на тарелку и тянется за салфеткой.

– Наш план в том, чтобы отрицать саму вероятность дождя, – смеется Надин. После чего Ксавье со всей силы бьет по своему столику – словно добавляет к ее заявлению восклицательный знак.

Ребята приходят после ужина, а я все никак не могу успокоиться. Мне предстоит ночь... со всеми. С Ридом. Как себя вести? Рядом с Ридом я одна, с друзьями Мины – другая. К столкновению миров я не привыкла, отчего меня прямо трясет.

– Крутой у вас район, – говорит Уилл. – Завидую, что вы можете дойти до метро пешком.

– Ага, это удобно.

Кэсси располагается на полу рядом с Миной – и обе опираются спинами о кровать. Все остальные тоже находят к чему прислониться: Уилл с Максом – к ящикам Кэссиного стола, Оливия – к двери, а мы с Ридом – к стенке. Вместе мы образовываем на полу широкий квадрат, но если вытянем ноги, кажется, коснемся друг друга ступнями.

Уилл расстегивает свою знаменитую сумку и достает бутылку водки. С виду она дорогая: матовая бутылка с красивым синим горлышком. Понятия не имею, где он берет выпивку. Может, у него есть поддельные документы? Может, они есть у всех, кроме меня? Чувствую себя как в кино.

У Кэсси пакет апельсинового сока. Она наливает немного в большой пластиковый стакан. Это ее любимый фокус – если освободить место, то можно смешать сок с водкой прямо в пакете.

– Во, это для меня, – быстро вставляю я. – Сок я выпью.

– Поделишься? – спрашивает Рид, и я ему улыбаюсь.

Я догадывалась, что пить он не будет. Но все остальные пьют, даже Оливия. Забавно. Никогда не думала, что окажусь на ночной вечеринке с бухлом. Да и на обычной тоже. И тем более не думала, что обе тусовки будут на одной неделе. Наверное, это фишка семнадцатилетия. Никогда не знаешь, что произойдет дальше.

– Угадайте, что я сегодня прочитала, – говорит Кэсси. – Вы знали, что оргазм укрепляет внутренние мышцы?

– Круть. – Макс победно вскидывает кулак.

Оливия закусывает губу.

– У меня никогда не было оргазма.

Странно, но я ей искренне завидую. Не потому, что у нее не было оргазма (привет, Эван Шульмейстер), – довольно очевидно, что у меня его тоже не было, – но я бы хотела быть человеком, который может публично это признать.

– Оливия, – обращается к ней Кэсси. – Ты очень многое теряешь.

Капитан Очевидность. Само собой – это же оргазм.

– Я слышала, он похож на чиханье, – добавляет Оливия.

– Оргазм? – Кэсси смеется. – Кто это тебе сказал?

– Интернет.

– Ты поэтому все время нюхаешь тминный порошок? – спрашивает Кэсси.

– Это научный эксперимент.

Мина хихикает:

– Ты такая милая, Оливия.

– Знаешь, на что он похож? – внезапно выдает Кэсси. Она откидывается назад и кладет руку на кровать. – Это как в «Супер Марио», когда Марио съедает листочек, а потом разгоняется и летит. – Ее ладонь взмывает в воздух.

Уилл с Максом задыхаются от смеха. А вот Оливия задумывается.

– Как красиво, – замечает она.

– Оливия, все совсем не так. Оргазмы на видеоигры не похожи, – говорит Макс.

– Ага, а ты у нас эксперт. Наверное, кроме тебя, ни у кого на свете оргазма не было. – Кэсси закатывает глаза.

А я сижу как на иголках. Мне нехорошо от одного этого разговора. Такое ощущение, что я последняя девственница во Вселенной, а все остальные занимаются сексом с утра до ночи. Только и делают, что раздеваются, ласкают и целуют друг друга. Все, кроме меня.

Конечно, это неправда. Но так я себя чувствую.

Уилл залпом осушает свой стакан и сразу же наливает новый.

– Только попробуй убиться в слюни, – предупреждает его Кэсси.

– Я не пьяный.

Она смотрит на него, сощурившись.

– Слушай, мне что, по прямой линии пройти? – говорит он и поднимается на ноги.

А потом идет по прямой линии – ко мне.

– Видишь? Абсолютно трезвый. – С этими словами Уилл съезжает по стене и садится рядом со мной – вплотную. А Рид в это время сидит с другой стороны. Честно говоря, это волнительное чувство – быть зажатой между двумя парнями. Даже несмотря на то, что Уилл мне не нравится. Точнее, нравится не так, как Рид.

Уилл просит Кэсси включить какую-нибудь музыку, а потом придвигается ближе и спрашивает, что бы хотела послушать я. Как будто проверяет.

– Florence and the Machine, – отвечаю я неуверенно.

– А.

Он кивает, но понять, что у него на уме, невозможно.

Меня переполняют эмоции. Кэсси ставит альбом Florence and the Machine, после чего разговор о сексе продолжается.

– Ладно. У меня есть теория, – говорит Рид, наклонившись ко мне.

– Теория.

– Да. – С секунду он молчит, а потом переходит на шепот: – Мне кажется, они все девственники и просто врут.

– Правда? – спрашиваю я с улыбкой.

Он многозначительно кивает:

– Это глобальный заговор. Все хвастают, какой замечательный у них секс,

но на самом деле сидят дома и залипают в интернете.

– И рассказывают своим интернет-друзьям, как много у них секса, – добавляю я.

– Именно. – Рид улыбается.

– Хорошо, а как тогда объяснить беременность?

– Непорочное зачатие.

– Эй. – Уилл подталкивает меня локтем. – О чем это вы там шепчетесь?

А потом осторожно берет мою ладонь и кладет ее на свою. Его почему-то привлекают мои фенечки, и он водит пальцами по узелкам.

У меня перехватывает дыхание.

– Это от кого? – спрашивает он.

– От двоюродной сестры. – Я сглатываю. – Эбби. Она моя лучшая подруга.

– Дай угадаю: у нее такой же браслет.

– Наверно. Определенно.

Я чувствую, как Рид наблюдает за мной, наблюдает за Уиллом, и я почти уверена, что он ревнует. Может, конечно, я все себе надумываю, но мне все равно так кажется. Неплохое чувство.

Видимо, я очень, очень плохой человек.

Позже мы залезаем в спальные мешки, и я опять оказываюсь между Ридом и Уиллом. Уилл ложится почти вплотную, так что я даже не знаю, как выйти в туалет, чтобы его не потревожить. От одной этой мысли мне сразу же хочется писать. Но двигаться я не буду.

Ведь я лежу с Хипстером Уиллом.

И Ридом.

И, кажется, сердце больше не хочет оставаться в груди.

Я просыпаюсь от какого-то шороха – это Уилл ворочается во сне. Он тихо-нечко храпит, губы слегка приоткрыты; рядом с ним калачиком свернулся Макс, а Кэсси с Миной укутались в одеяло на верхнем ярусе кровати.

А вот нижняя кровать аккуратно заправлена. Значит, Оливия проснулась. Да и спальный мешок Рида тоже пуст.

Меня вдруг охватывает страх, но я стараюсь ему не поддаваться.

Выскользнув из спальника, я иду в туалет и на цыпочках прохожу мимо комнаты Ксавье, а потом вниз по лестнице. В гостиной горит тусклый свет. Сквозь дверной проем я вижу две взъерошенные головы над спинкой дивана. Совсем близко друг от друга.

– Привет. – Я вхожу в комнату. В голове звенит.

– О, привет! – говорит Рид. И, может, я надумываю, но, клянусь, видок у него растерянный, почти виноватый.

Оливия мне улыбается. Она сидит к нему почти вплотную.

Я вся немею.

– Давно вы проснулись? – медленно спрашиваю я, опускаясь на диванный подлокотник.

– Час назад или вроде того, – отвечает Рид. – Решили тут потусоваться.

Я пытаюсь на них не глазеть. Пытаюсь. Но мне нужно все проанализировать. Оливия под одеялом, и рук ее мне не видно. Как и его.

Немею. Или, наоборот, прихожу в себя.

Под одеялом они держатся за руки. Я почти уверена. И это полнейшее дерьмо и совсем не круто. Не то чтобы меня волновало, кто нравится Риду. Какого

хрена меня вообще должно это волновать? Меня не волнует. Плевать.

Но тут Оливия потягивается – я вижу, что руки у нее сцеплены, и почти вздыхаю от облегчения.

Они не держатся за руки.

Это хорошо.

Надо перевести дыхание.

– Я как раз рассказывала Риду про линзы, – говорит Оливия.

– Да. Оказывается, бывают разные виды линз. И их можно прикручивать к фотоаппарату.

– Оказывается, камеры бывают не только на айфонах, – усмехается Оливия.

На щеке у Рида появляется ямочка.

– По твоим словам.

Я не могу здесь находиться. И смотреть на это не могу.

– Мне нужно одеться, – бросаю я.

Представьте одевание, которое занимает пять часов. Потому что ровно столько я провожу в своей спальне. Если бы я могла остаться там навечно, я бы так и сделала.

Но спустя пять часов в дверях появляется Патти:

– Есть минутка?

Я в постели. И минутки у меня нет. Сегодня мой день полностью посвящен фейсбуку – *Рид Уэртейм теперь дружит с Оливией Ламберт* — и проверке пропущенных сообщений. Таковых нет.

Естественно, блин.

Но я пожимаю плечами. Когда Патти открывает дверь настежь, я вижу, что за спиной у нее стоят Надин и Кэсси.

– Семейный совет, – объявляет Надин. – Не возражаешь, если мы присядем?

Я качаю головой.

– А где Ксав?

– За ним присматривает Мина.

Надин садится на край кровати, Патти – на стул. Кэсси залезает ко мне и прижимает к груди подушку.

– Так вот, – начинает Надин. – Давайте сразу к делу. Вчера у вас было спиртное, так?

Я чувствую, как Кэсси столбенеет, сама же не произношу ни слова.

Надин поджимает губы.

– Ладно, по-другому. Не хотите объяснить нам, почему в четыре утра Уилл блевал в нашей ванной?

– Блевал? – спрашивает Кэсси.

– Еще как.

Кэсси бросает на меня взгляд.

Ты в курсе?

Нет.

Безупречный телепатический диалог.

– Я понятия не имела, – отвечает Кэсси.

– Я не спрашиваю, имела или нет. Я спрашиваю, знаешь ли ты почему.

Кэсси еще сильнее сжимает подушку и кивает.

Я должна все отрицать.

Должна подчеркнуть, что сама пила чистый апельсиновый сок. По край-

ней мере вчера.

– Мне ведь не нужно вам напоминать, что это неприемлемо, – говорит Патти и качает головой. – Мы дали вам полную свободу.

– И доверяли вам, – добавляет Надин.

– Простите, – произносит Кэсси почти шепотом. – Это моя вина.

Может, это несправедливо, но я ничего не отрицаю. Потому что да – это и правда ее вина. Она всех пригласила. Из-за нее нас посадят под домашний арест до конца жизни. И из-за нее Оливия с Ридом в эту самую минуту флиртуют в фейсбуке. Наверно.

Несомненно.

Плакать я не буду.

– Молли, тебя мы тоже хотим услышать, – строго говорит Патти.

– И что я должна сказать? – у меня щиплет в глазах, и я быстро мотаю головой. – Хотите посадить нас под домашний арест – сажайте.

– Что-что? – переспрашивает Надин.

– Просто скажите, что делать, и я сделаю. Отдать телефон? Пожалуйста. – У меня надламывается голос. – Мне по барабану.

– Знаешь что? Нет. Так дело не пойдет. Хотите пить, как взрослые? Хорошо. Только потом придется сесть с нами и по-взрослому все обсудить.

– Ага, ну вот я и сижу, – замечаю я и скрещиваю руки на груди.

– Молли, – шепчет мне Кэсси. Я резко отворачиваюсь.

Патти придвигает стул поближе.

– Молли, что случилось? Поговори с нами.

Мысли проносятся в голове с бешеной скоростью. Совладать с ними я не в состоянии.

– Да я просто не могу понять, с хрена ли мы вообще это обсуждаем? – я слегка спотыкаюсь на ругательстве. – Через год мы будем в колледже. Через пять месяцев нам будет по восемнадцать.

– И что, это значит, вам можно втихую напиваться? – Надин не повышает голоса, но говорит почти угрожающе. – Я так не думаю.

– Да какая разница? – огрызаюсь я. – Какое это вообще имеет значение?

Кажется, будто рядом упала наковальня. Все замирают. И смотрят на меня.

– Кхм-кхм. – Надин встает. – Да что на тебя такое сегодня нашло?

Но я зашла так далеко, что уже не могу остановиться.

– На меня? Да ничего. Ничего на меня не нашло. И ничего у меня не происходит. Поговорите лучше с Кэсси. Может, она расскажет вам, на что похож оргазм.

У Кэсси отвисает челюсть.

– Ты издеваешься, что ли?

– Молли, так нельзя... – начинает Надин, но я ее перебиваю.

– Да плевать. С меня хватит. – Я резко встаю, протискиваюсь мимо Надин к дверям и спускаюсь по лестнице.

Из кухни выходит Мина; она держит за руки Ксавье, который пытается шагать.

– О, привет, – говорит она.

Я бурчу в ответ что-то невнятное и даже не обнимаю Ксава. Просто выскрываю на улицу – и плевать на морозящий дождь, плевать на то, что я в пижаме. Я усаживаюсь на ступеньках и достаю телефон. Звоню Эбби.

Она отвечает после первого же гудка.

– Смешно – я как раз о тебе говорила!

У меня екает сердце. Если она обсуждала меня, значит, она не одна. А следовательно, истерить я буду при Нике, Саймоне или еще ком-то из миллиона других ее друзей. Прекрасно.

– Молли?

– Привет, – выдавливаю я.

– У тебя все хорошо? Что случилось? Так, подожди. Сейчас, я только... – Я представляю, как она с извиняющейся улыбкой просит Ника выйти из комнаты. – Все, я поднимаюсь наверх. Так что происходит?

Я очень хочу рассказать ей о том, как Риду понравилась Оливия, но не могу. Полнейшая глупость... Это же Эбби! Смеяться надо мной она не будет. Впрочем, кто знает. Лично я уже ни в чем не уверена. Может, Кэсси уже доложила ей про Рида. И слова Мины ей передала. Что секс с ним просто невозможно представить. А значит, и со мной тоже. Секс ботанов – что может быть смешнее. Жиробас на жиробасе. Гик на гике. *Вуа-вуа-вуа*. Но никто не видит, какой он милый. Кроме меня.

И гребаной Оливии.

Рид трахает Оливию.

Мне хочется по-настоящему кричать.

– Молли, поговори со мной. У тебя все хорошо? – спрашивает она снова.

– Все нормально.

– Неправда. Что такое?

Мне нужно отдышаться. Дать легким успокоиться.

– Просто я... – глубокий вдох. – Я вывела Кэсси из себя. И мам тоже.

– Ясно. – Я слышу, что она улыбается. – И это всё?

– Не смешно.

– Нет... Ох, Молли. Я и не думала над тобой смеяться. Просто... Знаешь, как часто я бешу Айзека? Или родителей? Серьезно, папа злится на меня буквально каждый день. Родители – они такие.

– Мои нет.

– Потому что ты никогда не лажаешь.

– Издеваешься?

Она смеется.

– Ну так что случилось?

И я ей рассказываю. Честно говоря, мне становится легче. Наверное, ситуация все-таки веселенькая. В смысле я на самом деле оставила Кэсси объяснять, что такое оргазм. Нашим мамам.

– Значит, Хипстер Уилл все запарол?

– Конкретно запарол.

Эбби хихикает.

– Теперь Моллины поцелуи ему не грозят.

– Никогда.

Как будто Моллины поцелуи прямо нарасхват. Как будто у моей двери парни выстраиваются в очередь. «Выстраиваются в очередь» – ненавижу это выражение. Бабушка часто его употребляет. Как будто это главная цель в жизни – иметь вереницу отчаявшихся поклонников, которые больше всего на свете хотят с тобой встретиться, переспать или еще чего. Типа что, я должна со-

бирать парней, как покемонов?..

Мне это не нужно. Я не хочу разбивать сердца. Я просто хочу Рида.

Об этом даже подумать страшно.

Я хочу Рида. И, может, я свихнулась, но мне показалось, что я тоже ему нравлюсь. Тогда, под дождем, он так на меня смотрел... Он садился ко мне поближе... И этот его взгляд, когда я говорила с Уиллом...

Я была так уверена.

Я была так неосторожна.

И теперь я знаю, каково это – быть отвергнутой. Это как попасть в настоящий дерьмоворот.

21

— О, привет! Значит, ты не под домашним арестом, – говорит Рид, когда я прихожу на работу.

– Пока нет. Не знаю, короче. – Я сажусь рядом с ним на пол в детском отделе. Повсюду разбросаны крошечные туфельки. – Что тут случилось?

– Малышовый апокалипсис.

– Ой-ой.

– Это место обладает действенным противозачаточным эффектом.

Слабо улыбнувшись, я усаживаюсь рядом и принимаюсь складывать обувные коробки.

– Нет, правда, – произносит Рид спустя мгновение. – Все хорошо? Мина сказала Оливии, что ты расстроена.

– Ты общался с Оливией?

– Она мне написала.

У меня скручивает желудок.

– Ясно.

У меня появляется примерно пятьдесят миллиардов вопросов, вроде: *А когда вы с Оливией обменялись номерами? Она тебе нравится? И особенно этот: Она нравится тебе больше, чем я?*

– Привет, ребята.

Я поднимаю взгляд. Это Дебора.

– Мои грузчики свободны? Мы только что продали книжный шкаф. – Она победно вскидывает кулак.

– Сейчас все сделаем. – Рид вскакивает, подает руку, и я за нее хватаюсь.

Но прежде чем меня отпустить, он легонько сжимает мою ладонь. И на мгновение Оливии не существует.

Пока я не замечаю ее возле кассы. Ее волосы с синими прядками красиво взъерошены. На ней футболка и джинсы, а в руках, по всей видимости, чехол для фотоаппарата.

– Это ты купила шкаф? – спрашиваю я.

Она смеется.

– О нет. Я пришла за рамкой. Ну и поздороваться.

– Привет, – говорит Рид с улыбкой.

– Покупательница пошла подождать машину, – сообщает Дебора, положив руку Риду на плечо.

Мы тащим книжный шкаф в полном молчании, и я чувствую, как Рид вопросительно на меня смотрит. Но говорить не хочу. Сейчас я своему голосу не доверяю.

Поверить не могу, что Оливия здесь. Здесь – но не из-за меня.

– Ну что, нашла себе рамку? – интересуется Рид, когда мы возвращаемся внутрь.

– Да! Как тебе?

Само собой, она выбрала мою самую любимую рамку в магазине. Деревянную, вручную покрашенную бледно-синей краской и разрисованную цветочками. Чего и следовало ожидать от Оливии.

– Это для твоих мам, – говорит она. – Ты уже в курсе, что я буду фотографом на свадьбе? Кстати, я сейчас к вам, хочу поделаться пробные снимки. Захватила

свою камеру. – Она похлопывает по чехлу фотоаппарата, висящему на груди.

– Камеру? Тюремную? – спрашивает Рид и изображает, что держится за решетку.

– *Фотокамеру.*

– А, ясненько, – говорит он. – Слушай, я вот что подумал. У меня есть друг Дуглас, он помешан на технике, а сейчас заинтересовался камерами и фотографией. Я тут подумал, может, расскажешь ему, что к чему?

ДА ВЫ ЧТО, СЕРЬЕЗНО?! СЕЙЧАС ВСЕ, ЧТО ЛИ, В ФОТОГРАФЫ ЗАПИСАЛИСЬ?!

– Без проблем, – соглашается Оливия.

– Кстати, Уилл тоже фотографирует, да и Мина учится. – Я сдержанно улыбаюсь. – Так что у Дугласа есть масса вариантов.

– О, круто, – кивает Рид. – Но, Оливия, если тебе эта идея по душе, то мы можем, к примеру, как-нибудь погулять вчетвером. – Он бросает на меня взгляд. – А то, кажется, Молли не верит, что Дуглас на самом деле существует.

– Что правда, то правда. – Я не могу сдержать улыбку.

– Я всеми руками за.

– Ну супер! Тогда я ему напишу. – Рид смотрит на Оливию. – И кстати, через минуту я заканчиваю. Хочешь, провожу тебя к Молли?

– О-о-о, было бы здорово.

Господибожемой. Всё, началось – и прямо на моих глазах!

Видимо, ничего не поделать. Оливии даже не приходится прилагать усилий. Наверное, как и большинству девушек.

Я должна улыбнуться. Должна вести себя нормально. Должна растаять, как свечка, и исчезнуть.

Стоит им уйти, как я достаю телефон. На танцующих девчонок-пчеленок Уилла я так и не ответила. Я даже не собиралась ему писать. Но я буквально (ну, не буквально, а почти буквально) взорвусь, если весь вечер просижу дома и буду представлять Рида с Оливией.

Как они целуются. Держатся за руки. И познают оргазмы.

Какие планы? – пишу я и сразу же стираю. Не знаю, как это делается. Что писать, чтобы это не походило на приглашение в постель?

Клянусь, это не приглашение в постель.

Привет, Уилл! Это Молли. – Жму «отправить».

Я знаю одно: ответа ждать не нужно. Нужно закрыть приложение, заблокировать телефон, положить его в карман сумки, застегнуть на замок и навсегда о нем забыть. Потому что для меня сообщения от парней – это как Санта-Клаус или Базз Лайтер[56]. Если ждать, они точно не придут. Но я ничего не могу с собой поделать и держу экран под лазерным прицелом своего взгляда – еще чуть-чуть, и он треснет.

Спустя секунду папка входящих обновляется, и вверху появляется новое сообщение. Маленькое чудо.

О привет че как?

Миллион мыслей в голове. Он ответил. Мгновенно. И спросил, че как. Как будто ему интересно, что у меня происходит. И приглашение в постель тут ни при чем. А может, и при чем. Может, именно так все и бывает.

На работе, но, – я делаю глубокий вдох, – хотела спросить, какие у тебя планы на вечер.

Появляются три точки.

Но потом исчезают. Кажется, он не хочет отвечать на вопрос.

Господи.

Что ж. Ну и ладно. Стремно, конечно, но ладно. Я дышу. Все хорошо.

Боже, наверное, он сейчас с Максом. Да сто процентов. И Макс небось читает через плечо, ржет и издевается над Уиллом из-за того, что я на нем помешалась. А я на сто процентов уверена, что Уилл так и думает. И теперь он настолько напуган, что даже не знает, что отвечать.

Хотя...

Три точки.

Никаких особо. Хочешь потусить? Когда уходишь с работы?

Ой.

Охренеть.

В голове туман.

Ага! Ухожу в 4:30

Заметано, – отвечает он. – *Встретимся у станции Такома? Есть одна идея...* – и попсовый улыбающийся во все зубы смайлик.

Ого.

Что за идея? – спрашиваю я.

Он отвечает:

А тебе все скажи! Увидимся!

На Уилле галстук-бабочка. Я знаю, что это абсурд. Но еще более абсурдно то, что бабочка ему очень идет.

– Время ты выбрала идеально, – говорит он, заключая меня в объятия. – Я как раз торчал дома, и мне было пипец как скучно. А Мина больше на сообщения не отвечает...

Значит, Мина занята – вот почему он решил со мной погулять. Даже не знаю, как на это реагировать.

– Наверное, она с Кэсс.

Уилл с улыбкой пожимает плечами.

Мы заходим в метро – и во второй раз в жизни я оказываюсь на эскалаторе с Уиллом Хейли. И только мы ступаем на платформу, как приходит поезд.

– Вот видишь? Ты идеально выбрала время, – повторяет он.

В метро битком. Наверное, час пик. Я зажата между гигантской двухместной коляской и женщиной, читающей что-то с телефона. Пальцы Уилла на ручне буквально в дюйме над моими. И это должно сводить меня с ума.

Такой милый парень. И мы почти что держимся за руки... Думать о белых кроссовках мне сейчас строго воспрещается.

Мы сходим на Силвер-Спринг, поднимаемся наружу, и только теперь я понимаю, до чего сегодня тепло. Кардиган мне, пожалуй, уже не нужен, однако я ношу его как броню. Уилл идет по Джорджия-авеню, с улыбкой поглядывая на меня, а потом останавливается у магазина.

– «Виниловый Рай Джо», – читаю я вслух.

– Точно. Рай, – говорит он и толкает дверь.

Звенит колокольчик, и мы заходим внутрь.

– *Вот,* – показывает Уилл, оглядываясь на меня. Наши глаза встречаются, и он добавляет: – *Смотри.*

На длинных и узких полках вдоль всего прохода рассортированы виниловые пластинки. А дальше, в зале, поразительно розовые, как жвачка, стены,

увешанные плакатами групп и обложками альбомов.

– Круто. – Я рассеянно просматриваю стойку с пластинками. – У тебя есть проигрыватель?

– Конечно, есть.

Уилл встает поближе. Мы не смотрим друг на друга, даже искоса, но стоим вплотную. Я стараюсь дышать спокойно. Признаюсь, он умеет меня взволновать. Более того, он может заставить меня забыть о Риде на целых пять минут. Я засекала. Хотя умышленно стараться не думать о ком-то – вовсе не то же самое, что о нем забыть.

– Ого, – быстро говорю я и беру со стойки альбом. На обложке изображены мужчина и женщина, полностью голые. С лобковыми волосами и всем остальным.

– Это Джон и Йоко, – поясняет Уилл. Он забирает у меня пластинку и переворачивает, чтобы показать изображение на обратной стороне. Там напечатаны их задницы. – Вызывающе, правда?

Он возвращает мне пластинку, и я снова смотрю на обложку. Альбом называется *Unfinished Music No. 1: Two Virgins*[57].

Если честно, на девственников они не похожи.

И еще: по-видимому, Джон Леннон – официально первый парень, которого я увидела голым. Я стараюсь не смотреть на его член. Интересно, они все так выглядят?

– Ты покраснела! – сияет Уилл.

– Ничего подобного!

– Покраснела! Я же вижу.

Голова кружится. Кажется, меня сейчас стошнит. Ничего не могу с собой поделать – это из-за мыслей о сексе. О сексе с Уиллом Хейли. И сексе вообще. Фишка в том, что мысли при этом у меня совсем не сексуальные.

Глупо, да? Это же секс. Он сексуален по умолчанию.

Но не для меня. Потому что когда в фильмах девушки томно стаскивают с себя футболку в полумраке, они перестают быть мной.

Я вовсе не томная девушка. У таких девушек плоский загорелый живот и красивая маленькая грудь – и глядя на экран, я всегда вижу, как парни мгновенно в них влюбляются. Это написано у них на лице.

Но у меня под футболкой ни плоского живота, ни красивых маленьких сисек. И нет во мне никакой томности. Под моей футболкой просто много меня. Слишком много.

Больше всего мне нравится в Уилле то, что при нем можно испытать внутренний нервный срыв, а он ничего и не заметит. В метро он много болтает и дурачится, а потом предлагает проводить меня домой. Хотя живет он вовсе не в Такома-парке. Даже не близко. Ему придется тащиться обратно до метро и ехать до Бетесды.

Не могу понять, что это значит. Эбби наверняка сказала бы, что я ему нравлюсь, но, может, он просто вежливый. Или любит гулять.

Я говорю ему не париться.

– Серьезно, Молли-Голли, я хочу тебя проводить, – улыбается он. – Уже темнеет.

И я соглашаюсь. Мы проходим по Кэрролл-авеню, идем через парк, и в голове у меня путаются мысли. *Уилл провожает меня домой. По сути, он настоял.*

И, может, это даже хорошо. Может, так все и случается. Может, мы поцелуемся. Может, так я и перестану думать о Риде. Может, мне стоит просто... Не знаю.

Не быть осторожной.

Я резко останавливаюсь, и Уилл останавливается следом.

– Все в порядке? – спрашивает он.

Я завороченно киваю. Глубокий вдох. Мы стоим возле беседки. Наверное, это знак.

– Эй, короче... – я зажмуриваюсь. Потом снова открываю глаза. Уилл смотрит на меня, нахмурившись.

– Молли? – Он подходит ближе. – Что случилось?

– Не хочешь тут посидеть?

– Где? В беседке?

Я киваю.

Он пожимает плечами.

– Давай.

Боже, мое сердце. Я слышу его.

Он идет за мной в беседку. Повернувшись, я вижу, что он закусил губу. Молчит. Я не знаю, хорошо это или плохо, но делаю шаг вперед. Не знаю, как это делается. Не знаю, должна ли я наклонить голову, или выпятить губы, или сделать что-то с руками. Куда их девать?..

Но.

Не заморачивайся.

Не будь осторожной. Не будь осторожной. Не будь...

Я делаю еще один шаг.

– Слушай, я хотел с тобой поговорить, – начинает он. Громко. Слишком громко. И делает шаг назад.

Ой-ой.

Ну вот. Как удар под дых.

Я мгновенно ощущаю, как меня охватывает паника. Не разочарование. Не унижение. Только тошнота, сердцебиение и абсолютная неспособность успокоиться.

Я даже не хочу убежать. Хочу исчезнуть.

– Ты в порядке? – тихо спрашивает Уилл.

Дыши.

– Все хорошо. – *Говори радостно. Говори как обычно.* – Все круто.

– Мне уйти?

– Нет! – о боже. – Нет, нет. Все в порядке!

Он шаркает ногами.

– Прости, пожалуйста.

– За что? Не надо извиняться. Просто я... – я быстро качаю головой. – Я просто пыталась...

– А. Хорошо. – Он кивает. – Ладно.

Кажется, мы молчим целую вечность.

– Так что ты хотел сказать? – спрашиваю я наконец. *Когда я пыталась тебя поцеловать. Когда ты мне отказал. Совершенно однозначно отказал.*

– Ты о чем?

– Ты сказал, что хочешь о чем-то поговорить.

– А. – Он чешет голову. – Э-эм... Да ничего такого. Можно поговорить об этом потом.

– Нет, скажи, – прошу я, возможно, слишком настойчиво. *Давай сотрем последние пять минут. Просто отматываем время назад.*

Уилл поджимает губы.

– Окей. Э-э... – начинает он. – Это про Мину.

– Окей.

– Дело вот в чем. – Он делает вдох. – Я знаю Мину с садика. И, блин... Я ее люблю.

– О. – Я в шоке или типа того. – Значит, ты... и Мина...

– Нет, – быстро отвечает он. – Нет, никогда. Вообще. Никогда.

– Но она тебе нравится, – выдыхаю я.

Уилл пожимает плечами:

– Не важно. – И заливаюсь краской. – Просто... Ей *очень* нравится твоя сестра. Так что Кэсси должна быть поаккуратнее, понимаешь? Разбивать ей сердце запрещено.

– Ну а Мине запрещено разбивать сердце Кэсси.

– Я серьезно, – говорит он и отходит. Затем садится на лавочку в беседке. – Понимаешь, она... Она очень чувствительная. – Он говорит тише. – И еще. До этого Мина ни с кем не встречалась. Даже не целовалась. Не знаю, в курсе ли Кэсси. Просто попроси ее вести себя хорошо.

– Чего? – Я смотрю на него с открытым ртом.

– Только никому ни слова об этом разговоре.

Я киваю.

– Хорошо.

– Серьезно. А то я запру тебя в комнате и заставлю сутки слушать Maroon 5.

И я искренне смеюсь.

– Вообще я не ненавижу их так, как ты, – медленно говорю я, но мысли до сих пор лихорадочно путаются. Все это не укладывается в голове.

Значит, Уиллу нравится Мина.

Ну, то есть естественно, она ему нравится.

Но новости о том, что до Кэсси Мина ни с кем не целовалась... Мина, которая выглядит так, будто рождена для любви... Она столько раз без тени смущения обсуждала при мне секс... Но, может, конечно, она, как и я, смущается в душе.

Или нет. Может, для нее в этом нет ничего такого.

Просто я почему-то все это время думала, что я последняя девственница во Вселенной.

– Мне кажется, переживать нам не о чем. Помнишь, как они сидели в кресле? – спрашиваю я.

– Ага. – Уилл краснеет.

– Ой. Блин. Прости.

– Нет, все нормально. – Он слабо улыбается. – Я просто хочу, чтобы она была счастлива.

– Ага.

Он молчит, а потом смотрит мне в глаза.

– Молли, прости, пожалуйста. Я чувствую себя мудаком. И прекрасно понимаю, почему ты решила...

– Боже мой. Не волнуйся. Все нормально.

– Но мне не по себе. Сам знаю, я люблю пофлиртовать, тут легко ошибиться.

Я пялюсь на свою обувь.

– Прости, правда. Ты мне очень нравишься, Молли-Голли. И я очень хочу быть твоим другом.

– Да. Конечно.

В кармане жужжит телефон. Сообщение. Но я стараюсь о нем не думать.

– Может, тебя обнять? Это не будет странно?

Я сглатываю.

– Да нет.

Уилл ухмыляется и обвивает меня руками. Объятия длятся так долго, что я уже начинаю думать, не значит ли это что-то еще. Впрочем, теперь я хорошо знаю, что это не значит ровным счетом ничего.

– Тебе пора домой, – говорю я. – Правда. Я в порядке.

– Уверена?

Он снова меня обнимает, на этот раз по-быстрому, и идет к метро. С минуту я просто стою. Одна, посреди беседки.

Но вообще – это считается. Определенно. Мне официально отказали.

И это на удивление... нормально. Неловко, конечно. Но мир не перевернулся.

Мне даже хочется обсудить это с Кэсси.

Я достаю из кармана телефон и вдруг вспоминаю про его жужжание. Пропущенное сообщение.

Может, это Рид?

Нет, оказывается, Эбби. Она просто так прислала мне эмодзи – увеличительное стекло. Мы часто так делаем – отправляем друг другу эмодзи, которыми редко пользуются. Просто чтобы в их существовании появился хоть какой-то смысл.

Я отвечаю уже на ходу: эмодзи с лыжным подъемником.

Дискета.

Трепещущий на ветру лист.

Наверное, я в порядке.

Но как только я захожу домой, я слышу голос Кэсси. Голос Мины. И голос Оливии. Они сидят за обеденным столом, устанным газетами. Ксавье еще не спит – он на коленях у Оливии и держит кисточку.

Когда я захожу в комнату, Кэсси отворачивается. Само собой. Она игнорирует меня со вчерашнего дня.

– О, привет, – говорит Мина. – Я слышала, ты гуляла с Уиллом! Как все прошло?

– Хорошо. Отлично.

Боже. Наверное, Уилл ей все рассказал. Про беседку, про неудавшийся поцелуй, про отказ.

– По-моему, это прекрасно. – Она улыбается. – Хочешь покажу кое-что классное?

Потом берет что-то со стола и передает мне.

– Слон? – спрашиваю я.

О, ну надо же. «Слона не утаишь» – так ведь, кажется, говорят?

Мина радостно кивает.

– Мы раскрашиваем фигурки животных для украшения на стол. Оливия нашла целый блог об этом.

– А.

– Ага, сначала покрываем белым, а потом разрисовываем, – поясняет Оливия. – Вообще-то меня вдохновила твоя тарелочка. А Ксав нам помогает. Правда, дружок?

Я молча на нее смотрю. Сердце гулко стучит.

– Я думала, ты ненавидишь поделки, – говорю я Кэсси.

– Ой, точно, – отвечает она. – А я и забыла, что ты все про меня знаешь.

– Кэсси.

– Может, позовем Патти с Надин? Расскажешь им, как я ненавижу поделки?

Мина с Оливией переглядываются. Я чувствую, как горят щеки.

– Кэсс, прости меня, ладно?

– Может, оставить вас на минутку? – тихонько спрашивает Мина.

Кэсси сдержанно улыбается.

– Нет, мы всё.

Я сглатываю.

– Я пойду наверх. Захватить Ксавье?

– О, не волнуйся, я его подержу, – улыбается Оливия. – Да, Ксэйвор Ксэв?

Улыбка Оливии.

Внезапно меня переполняет гнев. Я понимаю, что нечестно сваливать все на Оливию. Потому что я злюсь и на Кэсси – за то, что она мне сейчас устроила. И на Уилла – за то, что внушил мне, будто я ему нравлюсь. И на Рида – сама не знаю, за что.

За то, что так сильно в себя влюбил. И не влюбился в ответ.

Но думаю я только об Оливии. О том, что она посмела назвать Ксава так, как называем его только мы. О том, что он сидит у нее на коленях и рисует, хотя обычно делает это со мной. О том, что она мастерит украшения на свадьбу моих родителей, даже не спросив, как я к этому отнесусь. Даже не подумав о том, что у меня вообще-то было другое видение праздника.

Самое тупое в этом то, что мне безумно нравятся фигурки животных, и к банкам они подойдут идеально. Но тем не менее мне ужасно хочется швырнуть маленького разукрашенного слоника Оливии в рожу. И плевать, что ее только что бросили. Плевать, что так поступают только сучки.

Поднявшись к себе, я пишу Риду.

Ну что, как погуляли с Оливией?

Хорошо!

Отлично. – С точкой.

Даже несмотря на то, что в этом контексте точка – то же самое, что сказать ПОШЕЛ НА ХЕР.

Три точки. Он сомневается.

Спрашивает:

Все в порядке?

Ага.

Ну ладно, хорошо.

У меня сжимается горло. Я пялюсь в экран.

Три точки. Появляются и исчезают. Потом снова появляются – как будто он решает, писать ли что-то еще.

Затем пишет:

Как провела день?

Офигенно. – Видимо, я стерва, или идиотка, или все сразу, потому что я добавляю: *Гуляла с Уиллом.*

Ага, Оливия мне сказала.

Сердце замирает. Значит, они переписывались.

Похоже, что у вас с Оливией все неплохо складывается, – набираю я.

И, прежде чем отправить, секунду смотрю на экран. На мгновение время будто останавливается.

И вдруг он мне звонит.

– Привет. – Я сижу на краю кровати, и меня трясет. Даже обувь не сняла.

– Молли?

– Ага.

– Может, поговорим? – предлагает он очень тихо.

Я сглатываю.

– Окей.

В груди все сжимается. Не понимаю, почему мне так страшно?..

– Ты злишься, потому что я проводил Оливию?

– Нет, – быстро отвечаю я. – С чего бы мне злиться?

– Не знаю.

Мы молчим.

– Просто мне так кажется, – наконец выдает он.

– Ну, ты не прав. – Я зажмуриваюсь. – Так что, вы уже замутили или как? – я стараюсь говорить беззаботно.

– Э-э. Нет. Она пошла к тебе. А я – к себе, играть в «Варкрафт».

– Но она тебе нравится.

– А тебе нравится Уилл? – парирует он.

– Значит, она тебе нравится. – Все мое тело точно сковывает лед.

– Я этого не говорил.

– Но и не отрицал.

С секунду Рид молчит.

– Ты тоже.

Теперь молчим мы оба. В горле комом стоит тошнота. Мне дурно. Кажется, сейчас меня и правда стошнит.

– Это нечестно, – замечает он.

Просто дыши.

– Что нечестно?

– Ты гуляешь с Уиллом, но злишься, что я гуляю с Оливией? Не понимаю. – В его голосе слышится надрыв.

– Я не злюсь.

– Окей, тогда почему мы это обсуждаем?

И, не успев взять себя в руки, я начинаю плакать. Тихонько. И даже не пытаюсь вытереть слезы. Пускай текут. Какая же я все-таки размазня.

– Молли?

Я снова делаю глубокий вдох.

– Просто... Я не понимаю, с чего вдруг. Ты же только с ней познакомился.

Молчание.

– Ты плачешь? – у него дрожит голос.

– Нет.

Он тихо шмыгает носом, и мое сердце принимается неистово колотиться.

– Я с ней не встречаюсь. Между нами ничего нет. – Я слышу, как он сглатывает. – Но я не понимаю, почему тебя это волнует.

– Да мне плевать.

– Окей, – говорит он и замолкает.

– То есть нет, не плевать.

– Проехали.

– Просто я...

– Мне пора.

– Рид.

Он кладет трубку. Внутри меня словно прорывает плотину. Я падаю на постель и начинаю рыдать. И рыдаю, пока не начинаю задыхаться.

22

Я просыпаюсь и вижу кучу сообщений. От Оливии, представьте себе. Совершенно нормальные, дружелюбные и искренние эсэмэски. Мне даже как-то совестно.

Так, небольшой вопрос

В общем, Кэсс предлагает сделать пару золотых зверушек, но я хочу посоветоваться с тобой, прежде чем покупать золотую краску.

Как хочешь, так и делай, – отвечаю я.

Боже. Как же мерзко и гадко. У меня никогда не было сложностей с Оливией. Может, это благодаря нейтрализующему присутствию Мистера-Брекетова-Улыбка по имени Эван Шульмейстер?

Ненавижу гребаного Шульмейстера.

Круто! Наверное, тогда куплю немного на пробу, посмотрим, как будет смотреться. Ура! – отвечает Оливия.

Меня так трясет при мысли о работе, что я даже из постели выбираюсь с трудом. Еще одна смена с Ридом. Даже не знаю, что сказать ему при встрече. Может, для подобных случаев есть определенные правила. Другие девушки всегда знают, как вести себя в таких обстоятельствах. Что сказать парню после того, как ты неловко и слезливо обвинила его в том, что ему нравится другая?

Мне должно быть все равно, кто ему нравится.

Когда я открываю дверь, звенит колокольчик, и Арье машет мне из-за кассы. Еще рано, но по магазину уже ходит пара мамаш с младенцами в слингах. Поначалу я нигде не вижу Рида, и мне хочется заплакать от облегчения.

Но тут дверь в подсобку приоткрывается, и в проеме показывается огромный журнальный столик, сделанный из большого пня. Его несет Рид.

– Привет, – говорю я.

– Привет.

С минуту мы стоим молча и не смотрим друг на друга. Из-за уха у него торчит прядь волос. Лучше закрыть глаза. Ни мозг, ни сердце никак не найдут себе места.

– Мы можем...

– Молли, все в порядке.

– Ага, ладно.

– Прости. – Он сглатывает – и я смотрю, как двигается его кадык. Скрещи-ваю руки на груди.

Наконец Рид переводит на меня взгляд и произносит:

– Не хочу здесь об этом говорить.

– Ладно, – повторяю я. Мне трудно дышать.

Потом Арье подзывает его к кассе, и мы не разговариваем до конца рабочего дня.

Он меня не провожает. Наши смены заканчиваются одновременно, но в последнюю секунду Рид исчезает в подсобке.

Я иду домой задворками; на душе тяжело, все как в тумане. В кармане жужжит телефон, но я не сразу понимаю, что он звонит. Я как будто дрейфую: совершенно не замечаю погоду, не чувствую собственного тела и своих же монотонных шагов.

Сообщение от Эбби.

Ты тут? Может, скайп?

15 мин, – отвечаю я. – Почти пришла.

Дома я сразу же поднимаюсь в свою комнату и ложусь с ноутбуком на кровать. Зайдя в скайп, я звоню Эбби.

– Привет! – здоровается она, сидя очень близко к камере. Потом подается назад, и я вижу, что она не одна. – Молли, это Саймон!

Тот самый Саймон. Он выглядит точно так же, как на фотках: растрепанные светлые волосы и блестящие глаза за хипстерскими очками.

– Привет. – Он улыбается.

– Привет, – отвечаю я смущенно.

– Так. В общем, я понятия не имею, что все это значит, – говорит Эбби, закатывая глаза, – но он хочет задать тебе какой-то важный вопрос. Прямо вот смертельно важный вопрос.

– Ага, это на самом деле важно, – заверяет он, серьезно кивая. – Мне нужно мнение со стороны. Если бы ты определяла Эбби в факультеты Хогвартса, куда бы она попала?

– Конечно, в Гриффиндор.

– Да. Боже. Спасибо.

– Он и его парень только что два часа спорили, в Гриффиндор мне или Пуффельдай, – качает головой Эбби.

– *Пуффельдай?* – Саймон закрывает лицо руками. – Я не могу... Господи боже. Эбби, не позорься. Короче. – Он отнимает руки от лица и показывает мне большой палец. – Молли, ты классная.

– Ага. Она классная. И ты классный. Так что иди уже издеваться над своим парнем, – говорит Эбби и прогоняет Саймона. Он уходит, и ее лицо мгновенно меняется.

– Эй, у тебя все хорошо? – хмурится она.

Я медленно киваю. Не знаю, как у нее это выходит. Либо она очень пронительна, либо меня, вопреки моему мнению, можно читать как открытую книгу. До сих пор не понимаю.

– Ну, вообще-то люди, у которых все хорошо, так не кивают. – Она щурится. – Так что случилось? Ты поговорила с мамами?

– Про...

– Про бухло.

– А. Нет. Дело не...

Я замолкаю, и повисает пауза. Фишка скайпа в том, что он позволяет сполна и в режиме реального времени ощутить неловкую паузу. Вот лицо Эбби: она хмурится и плотно сжимает губы. А в нижнем углу экрана маленький прямоугольник, а на нем я, глаза опущены. Видимо, потому что смотрю я не в веб-камеру, а на себя. В этом наверняка кроется какая-то метафора.

– Молли?

– М-м-м?

– Ты зависла.

Я моргаю.

– А, да? Возможно. Прости. – Я потираю переносицу.

– Это из-за Кэсси?

– Что?

– Она все еще злится, что ты рассказала про оргазмы?

Эбби выпрямляется и откидывается назад, и на несколько секунд я вижу стены ее комнаты – бледно-розовые, обклеенные коллажами с Тейлор Свифт, героями фильма «Виноваты звезды» и остальными ее любимыми штуками. Так же выглядела и ее комната в Такома-парке. Нынешняя, правда, побольше. Расширенный мир Эбби.

– Это же тупость. Хочешь я на нее наору?

Я тихонько смеюсь.

– Спасибо за предложение.

– Серьезно, вы поговорили?

– Нет. – Я прислоняюсь к стене.

– А стоит.

– Да знаю, просто через десять дней свадьба. А я это... Не хочу неловкости.

– Не хочешь неловкости? Этот поезд, по-моему, уже уехал. – Она вскидывает брови. – Серьезно, поговори с ней. Тебе станет легче.

– Знаю.

– Вот и хорошо.

Мы молчим. Эбби тяжело вздыхает.

– Ладно, слушай, – начинает она наконец. – Не хочу заваливать тебя всем и сразу, но... Короче. – Она смотрит мне в глаза. – Мы можем поговорить про этого твоего Рида?

– А что такое? – резко выдыхаю я.

– Короче, мне звонила Оливия.

Меня охватывает паника. Касаюсь щек – они горят.

– Что?

– Так вот. – Она приподнимает плечи. – Это кто вообще? И что там у вас происходит?

– Она сказала, что что-то происходит?

– Ну, это моя догадка.

– У нее с Ридом?

– Молли. – Эбби потирает глаза. – Нет. Ладно. Ничего такого Оливия не говорила.

Сердце стучит.

– Что она сказала?

– Давай начнем с начала. Тебе он нравится?

Эбби кривит губы. Это ее версия Молли-фейса. Запатентованный Эбби Сусо *Не-гони-мне-тут-фейс*.

– Что-то мы все обо мне да обо мне. Как ты? Что там с Ником?

– О, у нас-то все отлично. И с нашими отношениями все отлично. И знаешь, что этому очень поспособствовало? – Она пристально на меня смотрит. – Я призналась, что он мне нравится.

Она знает, и я знаю, что она знает, и она знает, что я знаю, что она знает, – и так до бесконечности. Но я не могу произнести это вслух. Двадцать семь влюбленностей... Но стоило появиться новой, по-настоящему серьезной, как я не в состоянии подобрать слова. Меня будто закоротило. Подруги должны все друг другу рассказывать. Это главный закон дружбы.

Мне нравится Рид. Я запала на Рида. Хочу целоваться с Ридом. И наполовину в него влюблена. Больше, чем наполовину. Намного больше.

- Видишь, ты меня провела, – говорит Эбби, грозя мне пальцем. – Я-то думала, тебе нравится Хипстер Уилл.
- Нет.
- Но ты с ним тусила.
- Это Оливия тебе рассказала?
- Она кивает.
- Но Уилл тебя не интересуется.
- Я закусываю губу.
- Нет.
- А я не интересую его.*
- Тогда зачем с ним тусить?
- Не знаю.
- Все ты знаешь. – Она едва заметно улыбается. – Ну же. Мне кажется, тебе нужно произнести это вслух. Признать. Все нормально.
- Да. – Я киваю. – Я...
- Повисает пауза.
- Эбби продолжает на меня смотреть.
- Ого. Да ты не можешь. Не можешь признаться.
- Я закрываю лицо руками.
- Как грустно и мило.
- Мне двенадцать, я знаю.
- Это правда. – Эбби смеется. – И это тоже нормально! Но тебе пора повзрослеть до тринадцати.
- Я пожимаю плечами.
- Ладно. Значит, вытянем силой. Вопрос первый. Если тебе не нравится Уилл, зачем ты с ним тусовалась?
- Ладно, я не...
- Отвечай на вопрос.
- Я делаю глубокий вдох.
- Потому что Рид тусовался с Оливией.
- Вот-вот, но, *возможно*, ты неправильно все поняла. – Она ухмыляется. – Продолжим. Значит, Рид тусовался с Оливией, и ты позвонила Уиллу...
- Нет, я ему написала.
- Не важно. Ты связалась с Уиллом, потому что хотела... – Она умолкает.
- Потому что хотела, чтобы Рид ревновал.
- Потому что он тебе нравится.
- Потому что нравится.
- Вот и хорошо.
- Ага. – И теперь я красная как помидор, и это глупо, ведь я уже давно не в средней школе. Мне не двенадцать. И я уже не такая размазня.
- Он тебе нравится! – говорит Эбби.
- Но ничего не было. Мы даже не целовались.
- Пока что. – Она сияет.
- Чего ты такая довольная?
- Ты еще не видела меня довольной. Вот поцелуешь его – тогда посмотрим.
- С тобой я смотреть ничего не буду.
- Эбби заливается хохотом.
- Ага, окей, но заметь, что ты не стала отрицать.

Я краснею с ног до головы. Потому что знаю, что она знает. Наверное, об этом знает весь мир.

Я не отрицала, что хочу его поцеловать.

И может быть, я его поцелую.

23

Привет. Наверное, я зря пишу так поздно

Но я должна тебе кое-что сказать и боюсь передумать. Так что да.

Во-первых, мне очень, очень жаль.

Пожалуйста, прости меня, Рид. Я повела себя как стерва. Наверное, ты не хочешь со мной разговаривать.

Прекрасно понимаю.

Это нечестно, что я начала психовать из-за того, что ты тусовался с Оливией

Тем более что я тусовалась с Уиллом

Отстойно это все. Прости.

Но тут вот какая штука

Скорее даже не одна

В общем, есть многое, о чем мы с тобой не говорили, а стоило бы.

Например, о том, что Уилл меня не интересуется. А я не интересна ему.

Да и вообще о том, что дела у меня не очень. Например, из-за этой истории с Кэсси и Миной.

И да, Оливия тут ни при чем!

И это, разумеется, не должно помешать тебе с ней целоваться.

Просто

Пожалуйста, не целуйся с ней.

Потому что тут такое дело

Мне кажется, тебе не надо целоваться с Оливией

Потому что

Не верю, что собираюсь это написать

24

Три точки.

25

Он что-то пишет.

Руки трясутся так, что я с трудом держу телефон.

У меня болит живот, и ниже живота тоже болит, и еще ниже тоже. Страх, смешанный с возбуждением.

Привет. Я тут, – отвечает он.

Ага. Привет.

Три точки.

Привет! Наверное, нам надо поговорить?

Да

Но, думаю, лучше лично

Сердце бьется с невероятной скоростью.

Да. Конечно. Ты сейчас где?

Дома. А ты?

Дома!

Буду через пять минут, – присылает он.

Есть один нюанс, связанный со временем, о котором никто не говорит. Между секундами есть пробелы. И шестьдесят секунд – это довольно много. А триста секунд – почти бесконечность.

Я проскальзываю на крыльцо и сажусь на садовые качели. Жду.

А вот и он. В новых кроссовках – это первое, что я замечаю. Коричнево-серые с белыми шнурками – можно сказать, винтажные.

– Привет.

– Привет. – Я улыбаюсь. – Хочешь присесть?

– Ага, давай.

Рид уверенно кивает и вообще выглядит до милого решительным, отчего я хихикаю. Он садится рядом – так близко, что мы соприкасаемся ногами. Я это очень отчетливо ощущаю. Наверное, мой мозг был создан для того, чтобы подмечать подобные мелочи.

– Мне нравятся твои кроссовки, – говорю я.

– О, спасибо. – Он проводит рукой по волосам. Похоже, сильно нервничает. – Это Оливия их нашла.

– Ага.

Он поворачивается ко мне.

– В общем, давай поговорим об Оливии.

Нужно дышать. Сохранять спокойствие. Если Рид скажет, что уже с ней целовался, мне надо за него порадоваться. За них обоих.

Я киваю, а он молчит. Мы тихонько покачиваемся туда-сюда.

– Так вы встречаетесь? – спрашиваю я наконец.

– Что? Нет. Я же тебе говорил.

– Но она тебе нравится.

– Нет! Не в этом смысле. Я хочу познакомить ее с Дугласом. – Он молчит, и я вижу, как он сглатывает. – Я разговаривал с ней о тебе.

Он резко переводит на меня взгляд, и его пальцы скользят по подлокотнику. А мне все труднее дышать.

Уже очень поздно.

Я на садовых качелях.

А рядом – Рид.

Рид, на футболке у которого излишне детализированная карта Средиземья. Рид с глазами цвета лесного ореха, в очках в тонкой оправе, со звездным светом в волосах и мягким, нежным ртом. Я, конечно, не знаю этого наверняка, но подозреваю, что рот у него все-таки нежный.

Я пялюсь на свои колени.

– В общем, хочешь поговорим о той штуке? – спрашивает он через какое-то время.

– О той штуке?

– О том, что ты собиралась мне сказать.

– Ах да, о *Той Штуке*. – Я слегка улыбаюсь.

– О том, что *Не Надо Целовать Оливию*.

– Да. Именно об этой *Штуке*.

– И у *Штуки* есть причина.

– Да.

– Несмотря на то что она не та, в кого я влюблен.

– Влюблен?

– Не знаю. – Он улыбается. А потом берет меня за руку и переплетает свои пальцы с моими.

Ой.

Сердце бьется где-то в горле.

– Я хочу тебя поцеловать, – говорю я и слышу, как дрожит мой голос.

– Хорошая идея.

Он обвивает меня руками, и качели тихо скрипят. Кажется, мой мозг в кои-то веки расслабляется. Я подаюсь вперед, и мое тело, оказывается, знает, что делать.

И я это делаю.

Его рот даже мягче, чем я представляла.

Я тайком завожу его к себе в спальню. Подумать только, я в самом деле тайком привела к себе парня! С минуту мы просто стоим и улыбаемся друг другу.

А я уже говорила, что Рид у меня в спальне?

Он подходит ближе.

– Да, я просто тебя... – и прежде чем я успеваю понять, что он сказал, его губы касаются моих.

Я не думаю. Впервые. И совсем не осторожна. Глаза закрыты, руки у него на плечах. Я целую его. Так, словно это моя идея, а не его. Я не понимаю, что делаю, но, наверное, это и не важно. Мы целуемся. Снова. Наконец-то. Наконец. Он обхватывает меня за талию и прижимает к себе. Я слышу, как бьется его сердце, и чувствую, как его губы расплываются в улыбке. Я открываю глаза.

– Что? – я улыбаюсь в ответ.

– Да ничего, просто... – Он крепко меня обнимает. – Все это на самом деле происходит.

– Да. – Я улыбаюсь.

– Ага. – Он снова нежно меня целует. – Просто я так...

– Знаю. – Я утыкаюсь лицом ему в плечо и вздыхаю.

Мгновение мы молчим. А потом одновременно начинаем говорить.

– Я так рад...

– Ты хочешь...

Он смеется.

– Ты первая.

Сглотнув, я спрашиваю:

– Хочешь переместимся туда? – и краснею. Боже. Я не знаю, как это делается. Не знаю, как сказать это красиво – чтобы было как в кино.

Слушай, в общем, у меня тут есть кровать.

Слушай, давай попробуем в горизонтальном положении.

Но он понимает и так. Сбрасывает кроссовки, ложится на постель и протягивает ко мне руки. Я сжимаю его ладони, и он тянет меня к себе.

– Не хочу тебя раздавить...

– Не раздавишь. – Его глаза блестят за линзами очков.

– Да, но...

– Давай вот так. – Он осторожно тянет меня на кровать и обнимает. – Пойдет?

– Да. – Всем своим телом я прижимаюсь к его телу. – Ты уверен, что я...

– Ты меня не раздавишь, – отвечает он с улыбкой.

– Мои волосы лезут тебе в лицо.

– А мне нравится. Это странно?

– Не знаю.

Я смеюсь, но стоит нашим губам встретиться, и звук пропадает.

Когда лежишь, все совсем по-другому. Не знаю, как объяснить. У меня покалывает внизу живота, и поэтому хочется целовать Рида еще больше. Целовать везде. Я склоняю голову и прижимаю губы к его челюсти. К изгибу его шеи. Потом опускаюсь ниже и целую его в ключицу.

– Ох, – выдыхает он, и я вдруг чувствую, как что-то упирается мне в ногу. Кажется, он возбужден.

Боже.

Сердце колотится.

– Я просто... – начинает он, но я запускаю пальцы ему в волосы и целую его еще сильнее. Он закрывает глаза. И, кажется, я понимаю. Почти. Почти понимаю, почему для многих это так важно.

Почему важно для меня.

Он прерывается, тяжело дыша.

– Молли, я не хочу...

– О. Боже мой. Прости. Я не хотела... – я неуклюже поднимаюсь.

– Нет-нет! В смысле я хочу, но не... – Он выдыхает. – Наверно, не сейчас.

– Я тоже. Прости, пожалуйста.

Он садится, раскинув ноги, и берет меня за руку.

– Но серьезно, – говорит он. – Я правда хочу.

– Хорошо.

– Типа очень.

Я искоса на него поглядываю и замечаю ямочку у него на щеке.

Боже мой. Не могу отвести взгляда от наших рук. Пальцы переплетены, и Рид нежно водит своим большим по моему указательному. И что-то ниже живота сжимается. Может, действительно возможно, как говорят, «сгореть от страсти». Может, такое и правда случается.

– Скажи, ты вообще почту проверяешь? – неожиданно спрашивает он.

– Что?

Все еще тяжело дыша, Рид откидывается на кровать и улыбается.

– Постой, ты что, прислал мне что-то?

– Не-а.

Он ухмыляется.

– Что-то я запуталась.

Я ложусь рядом, и Рид поворачивается ко мне.

– Я тебе ничего не отправлял, – говорит он. – Но думаю, что кое-кто другой мог.

– Спасибо за информацию, – отвечаю я и зарываюсь лицом ему в грудь.

Забавно. Не думала, что смогу быть собой в такой момент. Но это так. Сейчас я чувствую себя собой.

26

Вау! Ого. Никто не говорит, насколько приятно твоему рту после поцелуя.
Целовалась. Я.

Я трогаю губы кончиками пальцев и сразу же включаю камеру на телефоне, чтобы их изучить. Опухли – как будто пчелы искусали. Я выгляжу как какая-то другая Молли. Теперь непонятно, как люди целуются, но никто этого не замечает. Может, это как зубная нить. Чем больше целуешься, тем больше губы привыкают. Думаю, и я смогу. Смогу сделать поцелуи новой привычкой.

Несколько сообщений от Рида. Отправлены в четыре пятнадцать утра.

Теперь официально

Это лучшее, что случилось с моим ртом

Даже лучше Кэдбери

И теста для печени (без обид!)

Я хихикаю и прижимаю колени к груди.

Я и не думала обижаться!

Он отвечает мгновенно.

Фух! – Три точки. – И привет.

Привет. – Смайлик с довольной улыбкой.

Такое ощущение, что я состою не из клеток, а из крошечных бабочек.

Все это было наяву, – пишет он, – ведь правда?

КАЖЕТСЯ.

Надеюсь.

Я тоже.

Так странно, – отвечает он. – Но по-хорошему.

Так странно хорошо, – улыбаясь, печатаю я. – Никогда не думала, что буду целоваться с парнем, у которого карта Средиземия на футболке.

Три точки.

Так, Молли. Ладно. Нам стоит поговорить.

Я взволнованно сажусь в кровати.

Он снова что-то печатает.

По сути, это не такая уж БОЛЬШАЯ ОШИБКА, но, думаю, тебе стоит знать, что у Толкина в этом слове был мягкий знак: «Средиземье». – Нервно улыбающееся эмодзи с каплей пота на лбу.

Так вот о чем Рид хочет поговорить наутро после нашего первого поцелуя. Я ухмыляюсь и отправляю ему:

Эй, а ты милашка.

Ты тоже.

Кто-то тихо стучится ко мне в комнату.

Секс! Кто-то пришел.

ОМГ, ОЗАБОЧЕННЫЙ АЙФОН... Сек. Не секс.

ПОЗДНО! – пишет он. Три точки. – Это считается секстингом?

Наверное...

Еще один стук, и дверь приоткрывается. Патти.

– Котик, ты уже проснулась?

Боже.

– Проснулась.

– О, отлично.

Она заходит и закрывает за собой дверь. Я не знаю, что и думать. Она в курсе про алкоголь и в курсе про Рида – по лицу видно. И как мамы всегда все замечают?

Я стараюсь вести себя спокойно и поджимаю ноги, освобождая место.

– Садись, если хочешь.

Она опускается на постель и опирается спиной о стену. И вдруг я замечаю конверт у нее в руке.

– Кто-то тебе прислал.

Она передает конверт мне, и я краснею. Размером он с поздравительную открытку. Ни адреса, ничего, лишь надпись: *Молли*.

Значит, бросили прямо в ящик.

Так вот зачем Рид провожал Оливию до моего дома.

И теперь я ужасно хочу посмотреть, что внутри. Но сначала Патти должна уйти. Я пытаюсь намекнуть ей взглядом, мол: *хорошо, мам, спасибо, что зашла*.

Но это никогда не срабатывает.

– Итак, котик, нам правда надо поговорить о том, что случилось в понедельник.

О.

Сердце екает.

Патти опирается на одну руку.

– Я рада, что вы с сестрой завели новых друзей. И понимаю, как вам тяжело после отъезда Эбби.

Я киваю.

– И, кажется, все они славные ребята.

– Прости за историю с Уиллом и алкоголем, – бормочу я. – Знаю, мы тупицы. Можете посадить меня под домашний арест. Правда.

– Котик, никакая ты не тупица. Не говори так, пожалуйста.

– Прости.

– И домашнего ареста не будет. Конечно, мы не одобряем то, что вы с сестрой пьете. – Она на секунду замолкает, и губы ее растягиваются в улыбке. – Но, насколько я поняла, ты ничего и не пила.

– Это Кэсси сказала? – я раскрываю рот от удивления.

– Она что-то напутала?

– Нет, просто... – Просто я повела себя с ней как последняя сучка, а она продолжает меня прикрывать. – Кэсси под домашним арестом?

– Она отделалась предупреждением. В общем, ладно. – Патти подтягивает колени к подбородку и обхватывает их руками. – Я хотела у тебя кое-что уточнить.

– Давай.

– Знаю, мы с тобой уже обсуждали контрацепцию...

К лицу приливает тепло.

– Ой, я не хочу об этом говорить.

– Знаю. – Патти улыбается. – Но это важно. Особенно учитывая, что что-то уже... происходит.

Боже мой.

– Что-то, – повторяю я.

– Ну, я знаю, что твой друг Рид заходил вчера в гости.

Да блин, они ВСЕГДА знают.

– Мы не занимаемся сексом, – быстро отвечаю я.

– Котик, я понимаю. Но это пока. – Она пододвигается ближе. – Думаю, нам пора задуматься о противозачаточных таблетках. Знаешь, иногда я забываю, что тебе уже семнадцать.

Я зажмуриваюсь. Весь этот разговор... Не могу. Разговор о гипотетическом сексе – да пожалуйста. Но когда Патти лезет в мою сексуальную жизнь? Вот уж пипец.

Ни. За. Что.

Она смеется.

– Что ты так морщишься?

– Я не занимаюсь сексом, – повторяю я.

– Хорошо. Слушай, я тебя и не тороплю. Уж поверь. Просто считаю, что такую возможность надо учитывать.

– Окей... Думаешь, мне нужны противозачаточные?

– Думаю, об этом стоит задуматься, – говорит Патти. – Я вот начала принимать таблетки в старших классах и пила их весь колледж, а перестала только когда встретила твою маму.

Сложно представить, что было до их знакомства. Наверное, они встречались с другими людьми. Вероятно, Патти даже гуляла с парнями. Я никогда их об этом не спрашивала.

Бывшие... Как это странно. У меня никогда не было ничего «бывшего». Даже сама мысль об этом кажется мне невыносимой. Разлюбить. Стать чужими людьми. Только представив, что это может случиться со мной и Ридом, я хочу плакать. А я ведь даже не успела его полюбить. Кажется.

Не знаю.

Забавно – если не брать в расчет поцелуи, то именно так оно и было с Надин и тетей Карен. Теперь их отношения испорчены. Близость пропала.

Бывшие сестры. Звучит как глупость, но ведь это правда, иначе и не скажешь. Именно так все и происходит: со временем вы становитесь совсем чужими и живете порознь, хотя когда-то были не разлей вода. При мысли об этом у меня колет в груди. Я пытаюсь прогнать это чувство.

Патти улыбается.

– Так что, расскажешь мне о нем?

Я закрываю лицо руками.

– Не-а.

– Все официально? Он твой бойфренд? Просто «да» или «нет».

– Мам.

– Ладно. Но ты хоть рада?

Я киваю, улыбаясь сквозь пальцы.

Патти обнимает меня за плечи.

– Даже забавно, что вы с сестрой почти одновременно проходите через одно и то же. Какие же вы милашки!

– Гм.

– А Кэсси в курсе?

– Про Рида?

Мне даже его имя произносить неловко. Я отнимаю руки от лица, но сердце все еще бешено колотится.

– Не думаю. – Я закусываю губу. – Не знаю. Нас что, было очень вчера слышно?

Патти вскидывает брови.

– Да нет же. Боже мой... Не в *этом* смысле. – Я пытаюсь скрыть улыбку. – На лестнице. Шаги там. А не что-то еще. Все, молчу.

Она хлопает меня по плечу.

– Кажется, это хорошая идея.

Я вскрываю конверт сразу же, как только она уходит. Любимая открытка Рида. Самая крутая из всех – с королевой Елизаветой, у которой отпадное выражение лица, в стиле: *идите на фиг* – а снизу значит: «Наблюдаю и храню молчание».

Внутри Рид написал: «*Я слежу за каждым твоим движением, но ничего не говорю... Пока что*». И подпись: «*С любовью, Елизавета*».

Боже мой. Какой же он дурачок. Вот ведь странный. Не могу перестать улыбаться.

А еще, может быть, мне самую малость не по себе. Потому что сегодня днем у нас общая смена. И потому что в последний раз, когда мы виделись, мы целовались.

Что хорошо.

Лучше, чем хорошо. Лучше лучшего.

Но теперь я не знаю, что надеть. Волосы в ужасном состоянии, а я все вышагиваю по комнате туда-сюда и не могу остановиться. Вперед-назад, от шкафа к зеркалу.

Вообще я хочу одеться как обычно. Быть обычной *и* милой. Хочу, чтобы Рид считал меня милой. Симпатичной. Красивой. И не хочу, чтобы он решил, что вчерашняя ночь была ошибкой. Он так, конечно, не подумает, но одеться нужно правильно.

К сожалению, ничего – *ни-че-го* — в моем шкафу сегодня на мне не сидит.

Нужно взять себя в руки, принять золот и успокоиться на фиг.

Наверное, надену юбку. У меня есть темно-желтая юбка, чуть короче, чем все остальные, но, думаю, с колготками будет то что надо. Я надеваю ее со своей синей кофтой в цветочек. Смотрится глупо, так что я ее снимаю и меряю другую. А потом еще одну. И еще шесть других кофт – и, наконец, возвращаюсь к самому первому варианту – с кардиганом сверху прокатит.

Идеальный осенний наряд. В июле. Но блин, задолбало возиться, пусть будет так.

Я выхожу на улицу, и меня встречает приятный солнечный денек. Даже дышится легко. Я собралась рановато, так что иду длинной дорогой через центр, мимо фиолетового дома и магазинов. Утром в будни здесь тихо. Все вокруг подернуто дымкой и пронизано спокойствием – не считая того, что творится у меня в животе. А когда я дохожу до «Биссея», внутри у меня начинается настоящий салют, гремит уличный оркестр и взрываются ядерные бомбы.

Из-за Рида.

Патти рассказывала, что живот функционирует почти что как второй мозг. Это называется энтеральная нервная система. Она располагается в желудочно-кишечном тракте и, чувствуя, что рядом враг, выпускает щедрую порцию гормонов. Этот механизм называют «Борись или беги». Наверное, с влюблен-

ностями нечто похожее. И с парнями.

Конечно, Рид мне *не* парень.

Но живот принимает его за врага. Я считаю это научным доказательством того, что со мной происходит нечто страшное. Влюбляться – это страшно.

Не то чтобы я *влюбилась*. Скорее просто немножечко запала.

Вижу его и улыбаюсь. Честно, не могу ничего с собой поделаться. Он стоит за кассой на стойке, которая высится между нами, как Великая Китайская стена.

А вот и Дебора.

– Ура, ты пришла, – говорит она. – А нам только что привезли новую партию чашек. Не хочешь распаковать их и приклеить ценники?

– Конечно, – отвечаю я и бросаю взгляд на Рида.

– Я помогу, – вызывается он.

Его маму это удивляет.

– А я думала, тебе нравится стоять за кассой.

– Да, но чашки мне нравятся больше.

– Буду знать, – говорит Дебора и отправляет нас в подсобку.

Я закрываю за собой дверь. С секунду мы просто смотрим друг на друга. Может, я даже утратила дар речи.

На Риде кофта не совсем в его стиле – белая с длинными синими рукавами. Волосы взъерошены, глаза кажутся почти золотистыми.

Я жутко энтерально волнуюсь.

– Не знаю, что делать в таких ситуациях, – выдаю я наконец.

Он смеется.

– Я тоже.

Я сажусь на пол, спиной к стене, и прикрываю ноги юбкой. Рид опускается рядом.

– Получила твою открытку, – говорю я.

– *Мою* открытку? – вскидывает брови он.

– Ой, простите. Получила открытку *Елизаветы*.

Рид серьезно кивает.

– Очень мило с ее стороны.

– Ага. Правда, немного... угрожающе?

– Хм. – И снова ямочка на щеке. – Может, она ревнует.

– Может.

И на секунду повисает пауза.

Я закусываю губу.

– Наверное, нам надо поговорить.

– Или не надо, – отвечает он.

– Да, помолчать тоже приятно, – замечаю я мягко.

И тогда его ладонь находит мою. Наши пальцы переплетаются.

– Жаль, что на двери нет замка, – добавляю я.

– Жаль, снаружи моя мама. – Он сжимает мою руку и тихо, на выдохе произносит: – Я так хочу тебя поцеловать.

Я смеюсь.

– Ох, прямо от сердца отлегло.

– Серьезно?

Я киваю, уткнувшись ему в плечо. Делаю глубокий вдох.

– Ты вкусно пахнешь.

– Дезодорантом? – спрашивает он.

Я улыбаюсь.

– Собой.

– Думаю, это мой дезодорант.

– Ну, я рада, что ты им пользуешься.

Он целует меня в голову.

– А теперь вернемся: у тебя отлегло от сердца оттого, что я хочу тебя поцеловать? Разве вчера ночью это не было понятно?

Я пожимаю плечами.

– Или утром? – Он достает телефон и листает сообщения. – Посмотрим. Вот я пишу, что целовать тебя – это лучшее, что случилось с моим ртом. А тут – что это даже лучше «Кэдбери». «Кэдбери», Молли.

– Знаю.

– Тогда как ты перешла от «лучше “Кэдбери”» к тому, что я не захочу целовать тебя снова?

– Не знаю. – Я улыбаюсь. – Просто решила не делать поспешных выводов...

– Ну... – Рид бросает взгляд на дверь, словно ожидая, что к нам вот-вот вломится его мама. Потом набирает воздуха, нежно касается ладонями моих щек.

И целует меня.

– Ой.

– Со мной можешь делать любые выводы, – говорит он. – Какие угодно.

– Ты имеешь в виду... – начинаю я.

Но он перебивает:

– Да.

– Ты даже не знаешь, что я хотела спросить, – смеюсь я.

– А это не важно. – Он целует меня снова. – Хочу ли я тебя поцеловать? Да. Хочу ли пойти дальше? Да. Готов ли не торопить события? Да. Хочу ли быть твоим парнем? – у него слегка надламывается голос, но продолжает он уверенно: – Да.

– Хорошо.

– Что именно? – Он явно волнуется.

– Все перечисленное. – Сердце бьется в горле. – Кроме «не торопить события». Я хочу поторопить.

– Тогда давай, – смеется он.

– Хорошо.

Видимо, это означает, что у меня есть парень. Молли и ее парень. Рид Джером Уэрттейм – мой парень.

Даже не уверена, может ли мой мозг поместить два этих слова в одно предложение. «Мой» и «парень».

Например: *Мой парень отлично целуется. У моего парня пять кошек. Мой парень был у меня до четырех утра. Из-за моего парня я ужасно-преужасно не выспалась.*

Но усталость приятная – размеренная и теплая. Я будто оказалась в самой томной и кинематографичной мечте в карьере мечтательницы Молли. Пора нажать паузу. Я хочу растянуть этот миг и просто находиться в нем.

Даже как-то жаль Елизавету – все-таки я увела у нее парня. Мне очень, очень стыдно, и я понимаю, что она королева. Но дело в том, что она мертва. А я жива.

И чувствую себя живой как никогда.

27

В общем, теперь мой мозг – это круговая диаграмма из двух цветов: одна часть – Рид, а вторая – свадебная лихорадка. Нет, меня не лихорадит при мысли о свадьбе с Ридом. Я совершенно точно не представляю себя в свадебном платье. И не думаю о том, как можно украсить свадебный торт шоколадными яйцами. Моя одержимость касается исключительно свадьбы, которая пройдет у нас на заднем дворе. Через неделю.

Богом клянусь, такое ощущение, что щелкнул какой-то переключатель. Все было спокойно, но в одночасье переменилось. Уверена, где-то существует тревожный рычаг, и кто-то переключил его в режим: АБСОЛЮТНАЯ И НЕВЫНОСИМАЯ ПАНИКА.

И этот кто-то – Патти.

Патти, за завтраком поставившая на стол ноутбук и открывшая прогноз погоды на ближайшие десять дней.

– «Местами проливные дожди». Наверное, надо достать тент? Так, на всякий случай? Или, может, какой-нибудь шатер? Вполне себе вариант, но тогда надо арендовать и вентиляторы.

Надин трогает Ксавье за носик и дает ему бутылочку.

– Может, в случае дождя просто занесем все внутрь?

– Думаешь, в наш дом вместится тридцать пять человек?

Мы с Кэсси молча едим хлопья. Все это до странности напоминает реали-шоу. Так и представляю, как на экране крупным планом показывают вещающую что-то Патти, а сверху наложены анимированная фата и звуковые эффекты.

– Кстати, Кэсс, тебе нужно платье. Или брюки. В шортах идти нельзя.

– А кто это сказал, что я пойду в шортах? – недоумевает Кэсси.

Надин качает головой и украдкой ей улыбается.

– Ну, тогда хорошо. Договорились. – Патти вздыхает. – Отлично. Так. Надо позвонить насчет тента. Дини, а ты договорилась насчет еды?

– Да, на четверг.

– Хорошо. За фотосъемку отвечает Оливия – и, кстати, я считаю, ей надо заплатить.

Кэсси пожимает плечами.

– Денег она не возьмет.

– Слушайте, – резко говорит Надин, – только смотрите, чтобы она не приво-дила своего Шульмейстера. Они же не сошлись снова? А то я не хочу портить себе праздник присутствием этого говнюка. Нет, нет и еще раз нет.

Кэсси хихикает, прикрывая рот.

– В любом случае, если не сложно, обсудите с ней оплату. Молли, декор у тебя под контролем, так?

– Ага.

Патти массирует виски.

– Я точно что-то забыла. – Она смотрит на Надин. – Что я забыла? – а затем садится... мимо стула.

– Мама, – зовет Ксав. – Ой-ой!

Мы с Кэсси обмениваемся испуганными взглядами, в которых читается: «Ну пипец!»

– Так, всё, моя очередь, – говорит Надин. – Ты. – Она указывает на Кэсси. – Берешь на себя Оливию. А ты, – она поворачивается ко мне, – занимаешься украшениями. И кому-то из вас придется приглядывать за бабушкой. Не хочу, чтобы она устроила заваруху.

– Боже мой, – вздыхает Кэсси. – Какая ты суровая брайдзилла, Надин.

– Совершенно верно, черт возьми.

– О, – говорит Патти, – Молли, ты пригласишь своего мальчика?

– Э, что? – Кэсси оборачивается, и глаза ее горят.

– М-м...

– Можешь пригласить, – разрешает Патти, потирая лоб. – Нет проблем. Просто до пятницы скажи мне точно.

Кэсси пихает меня локтем.

– *Своего мальчика?*

Я еле сдерживаю улыбку.

– Молли, какого хрена?

– Ох, как я люблю эти душевные семейные посиделки, – ехидничает Надин. – Короче говоря. – Она поворачивается к Патти. – С тобой всё. Пойди вздремни.

Патти рассеянно кивает и поднимается наверх.

Надин с Ксавье уходят на чтения сказок в библиотеку, и мы с Кэсси остаемся в столовой одни. С минуту мы молчим.

Затем Кэсси переводит на меня взгляд.

– Так что, есть мальчик? – спрашивает она. В ее голосе чувствуется то ли любопытство, то ли ярость – не понимаю.

Я пожимаю плечами. И чувствую, что краснею.

– Почему ты мне не сказала?

– Не знаю.

– *Не знает она.* Боже. Я же твоя гребаная близняшка.

Наконец я решаюсь посмотреть ей в глаза.

– Ну, я думала, ты со мной не разговариваешь.

– Ну, так оно и было.

Я нервно смеюсь.

– Ну, окей.

– Но проехали уже, ладно? Теперь разговариваю. Расскажи про парня. – Она ставит локти на стол и подпирает руками подбородок.

– Эм... А что ты хочешь знать?

Кэсси улыбается и закатывает глаза.

– Пф-ф, сначала скажи мне: кто он?

Я краснею.

– Рид.

Она смеется.

– Что?

– Да ничего. Просто меня это ничуть не удивляет.

– А.

– Так что у вас? Вы целовались? Он твой парень? Рассказывай!

– Да. – Я улыбаюсь, уткнувшись в рукав.

– Что? – Она бьет меня по руке. – погоди, что именно?

– И то и другое.

У нее отвисает челюсть. А я бью ее в ответ.

– Не надо так удивляться.

– Я не удивляюсь. Просто очень рада, Мо. Это же очень важно! – Она садится поближе и приобнимает меня одной рукой за плечи. – Охренеть. У тебя есть парень.

– А у тебя девушка.

– Ага. Так странно. – Она кладет голову мне на плечо и вздыхает.

Какое-то время мы так и сидим.

– Боже, по-моему, нам столько всего надо обсудить, – говорю я и зажмуриваюсь.

– Определенно, – говорит Кэсси и поднимает голову.

Когда я открываю глаза, она, поджав губы, тупо смотрит в стол.

– Ладно, мне нужно тебе кое-что сказать, – спустя мгновение произносит Кэсси; она перестает меня обнимать и взволнованно сцепляет руки. – Короче, не знаю, как это преподнести, чтобы тебя не разозлить и не обидеть, но ты должна меня выслушать. Я просто скажу как есть, ладно?

Я чувствую, как оборонительно напрягаются мои плечи, но стараюсь расслабиться.

– Хорошо.

Кэсси закусывает губу и кивает.

– В общем, я чувствую, что с тех пор, как я начала встречаться с Миной, у нас с тобой все не совсем гладко.

Я киваю.

– Да? Значит, я не надумала?

– Нет, – сглотнув, отвечаю я.

– Честно говоря, поначалу меня это выбешивало. Я не понимала, почему ты не можешь просто за меня порадоваться.

– Но я радуюсь! Очень.

– Знаю, но ты считаешь, что Мина заняла твое место.

– Нет, я не... – я поднимаю взгляд. – Я так не считаю.

– Но ты сама так сказала, – настаивает Кэсси. – На вечеринке. Ты сказала, что я хочу избавиться от тебя из-за Миной.

– Ага. – Я вздыхаю. – Прости.

Она качает головой.

– Я тебя ни в чем не обвиняю. Просто мне кажется, что о таком надо говорить. Не думаю, что все само собой рассосется, так ведь? Может, с Ридом будет полегче, но...

Я закрываю глаза.

– Не знаю.

– Честно, я уже дошла до того, что прежде чем что-то сделать, думаю, как ты это воспримешь. Типа я не хочу быть тем, кто с головой уходит в отношения, а всех остальных игнорирует. Мы таких людей презираем.

– Ты не...

– И я очень стараюсь, понимаешь? Но, по-моему, ты этого не ценишь. Я всюду тебя с собой зову. На ночевку, на вечеринку, даже, блин, в гончарную мастерскую. Всюду.

Меня тошнит – не знаю почему.

– Ты не обязана меня звать.

– Я знаю! – Она вскидывает руки. – Знаю, что не обязана. Но хочу.

– Я не хочу быть человеком, вокруг которого нужно ходить на цыпочках.

– Нет, Молли, ты не такая. – Кэсси качает головой. – Нет. Просто я разрываюсь. Я не привыкла к тому, что рядом есть кто-то еще столь важный для меня.

Она смотрит себе на ноги, и в глазах ее стоят слезы.

– И не хочу тебя потерять, понимаешь?

В глазах щиплет, и все вокруг чуточку плывет. Я не могу сфокусироваться и упираюсь подбородком в кулак.

– Боюсь, это неизбежно, – говорю я наконец.

– В смысле?

– Люди отдаляются. Посмотри на Надин и тетю Карен.

– Тебе не кажется, что это немного не то? Тетя Карен – гомофобка.

– Да, но все же. – Я сглатываю. – Сколько ты знаешь взрослых сестер, которые так же близки, как в детстве?

– Ну, я в принципе знаю не так уж много взрослых сестер... – отвечает Кэсси, слабо улыбаясь.

– Но ты понимаешь, о чем я. Раньше мы рассказывали друг другу обо всем. Кто нравится, с кем хотим замутить и все такое. А сейчас все по-другому. Как будто сменились приоритеты и отношения стали важнее.

– Так, приоритетов мы не меняли...

– Но поменяем. – Я делаю глубокий вдох. – Пускай не с Миной и Ридом. Но рано или поздно это случится. Так всегда и бывает. На родственниках не жьются.

– Да, это попахивало бы инцестом.

– Самую малость.

Кэсси смеется, а потом шмыгает носом.

– Блин, ты, конечно, права, – выдает она наконец. – Наверное, поэтому я и хотела свести тебя с Уиллом. Типа если бы мы встречались с лучшими друзьями, все сложилось бы иначе.

– Ага.

– Но... Уилл – не вариант, да?

Я с улыбкой качаю головой.

– Так что нам делать? – спрашивает Кэсси.

– Не знаю.

Она снова шмыгает. Я смотрю на нее и вижу, что по ее щекам текут слезы.

– Отвали. Это грустно, – говорит она, улыбаясь сквозь слезы.

– Знаю.

– Перемены – это жесть как сложно. И пипец как грустно.

– Да идут они на хер! – вдруг восклицаю я, смакуя слова. *Идут на хер.* Кэсси явно не ожидала такого ответа и чуть не задыхается со смеху.

И в этот миг я задумываюсь: смотрят ли на нас наши предки? И если да, то понимают ли?

Наверняка понимают. Потому что с переменами всегда так. Они до боли обычны, но составляют основу всех трагедий. Наверное, и во времена палеолита сестры чувствовали себя так же хреново.

Странно то, что я это *понимаю*, но мне ничуть не легче.

28

В среду Рид приходит на дегустацию моего торта.

Наверное, оттягивать уже нельзя: я должна пригласить его на свадьбу в воскресенье. Только как-нибудь непринужденно. Ведь не обязательно устраивать из этого Целое Дело. Обычное свидание. На свадьбе. Где невесты – мои родители. ТАК ВЕДЬ? НИЧЕГО ОСОБЕННОГО.

– Так, уже пол-одиннадцатого. – Он опирается спиной о холодильник. – На работе мне надо быть в полдень, поэтому не позволяй мне... м-м...

Я целую его так крепко, что случайно задеваю ледогенератор, и тот с шумом включается.

– Ой, – говорю я, а Рид смеется и обхватывает меня за талию.

Все-таки это так странно. Странно, что я это делаю. Странно, что раньше я как-то обходилась без этого. Я уже не понимаю, как прожить без поцелуев пять минут, что уж говорить о тридцати двух тысячах.

Мне нравится, что Рид целуется в очках. Нравится странная легкость в голове. Наверное, не стоит целоваться на кухне, особенно когда Кэсси дома. Она может зайти в любую секунду, и это самое страшное. Теперь я понимаю, почему она была такой загадочной, когда появилась Мина. Не могу объяснить, но понимаю.

Я снова целую Рида. Может, если мы все время будем целоваться, мне не придется звать его на свадьбу: он сам все поймет? Наверное, он в любом случае ожидает приглашения.

А может, и нет. Может, он думает: «Вот те на – я подцепил эту девчонку на прошлой неделе, а она уже тащит меня на свадьбу своих родителей!»

ЭЙ, ЖИЗНЬ: ПЕРЕСТАНЬ БЫТЬ ТАКОЙ НЕЛОВКОЙ.

Рид замирает.

– Что это пикнуло?

– А! Духовка нагрелась. – Я вздыхаю и заставляю себя отстраниться.

Я же пеку. Пеку маленький торт и целую гору капкейков. Наверное, пора перемешать ингредиенты. Как-нибудь. В конце-то концов.

Рид нежно меня целует.

– Молли?

Ой-ой.

В дверном проеме стоит Оливия. Глаза у нее вылезают из орбит.

Я поворачиваюсь к ней. Радостно.

– Привет!

Но тут моя рука неловко дергается и задевает целую стопку мерных чашечек, которые с грохотом падают на пол.

С пипец каким грохотом.

Потому что в комнате было очень тихо.

– Ой, – говорит она, – не хотела вам мешать.

– Да ты не мешаешь, – улыбаюсь я во весь рот. Да, во весь рот. Если буду улыбаться, она решит, что я выгляжу совершенно нормально, и ничего не заподозрит. *В общем-то*, она ничего не видела. Но, скорее всего, представила, потому что я ОЧЕНЬ РАССЛАБЛЕНА и ВЕДУ СЕБЯ КАК ОБЫЧНО.

Она опускает взгляд.

– Так вот, мы с Кэсс хотим выбрать пару ваших семейных фоток для сва-

дъбы. Я подумала, может, ты хочешь... Но ты, кажется, занята.

– Еще как. Мы торт печем!

– Вижу.

У меня горит лицо. Я даже не подозревала, что Оливия у нас, и уж точно не ожидала увидеть ее в дверях.

– Ну, это... Если захотите помочь с фотками, мы будем в столовой, – добавляет она.

– Хорошо, отлично, – тараторю я.

Она на мгновение переводит взгляд на Рида, потом обратно на меня.

– Хорошо, ну...

И не успеваю я сказать «пока», как она исчезает.

Мне ужасно не по себе. Как только Рид уходит, я иду в столовую, но обнаруживаю там лишь фотографии, разбросанные по столу. Ни Оливии, ни Кэсси.

Не хочу себя накручивать, но дело вот в чем: даже если Оливия не нравится Риду, я не знаю, какие чувства она испытывает к нему. Мне вдруг становится безумно ее жалко, хотя всего неделю назад я мечтала швырнуть ей чем-нибудь в лицо.

Молли образца недельной давности была той еще стервой.

А теперь нужно поступить правильно. Я делаю глубокий вдох и пишу ей сообщение:

Привет, ты еще здесь?

Ничего. Ничего.

И вдруг – три точки.

Привет! Мы с К. у Ксава. Поднимайтесь к нам.

Боже, она думает, что я приду с Ридом. Что я на такое способна. Что буду хвастаться: *Эээээээй, Оливия, угадай, что я тебе скажу. ОН МОЙ ОН МОЙ ОН МОЙ.*

Меня передергивает от одной этой мысли. Мне кажется, я не из тех, кто на такое способен.

Я медленно поднимаюсь по лестнице, и сердце бьется где-то в горле.

Комната Ксавье размером с гардеробную. Seriously, мамы купили ему в «Икее» коврик, на котором нарисованы рельсы, и он занял весь пол. Когда я открываю дверь, Оливия с Ксавье строят башню из кубиков. Впрочем, нет. Это Оливия строит башню. А Ксавье старательно ее рушит.

– Привет, – говорю я и усаживаю его к себе на колени. Он тут же начинает брыкаться. – Простите, что опоздала на фотки.

– Да ничего, – отвечает Кэсси. – Я так понимаю, вы были заняты. – Она игриво двигает бровями, и Оливия хихикает. Вот дурехи. Обе.

Я улыбаюсь, прикрыв рот рукой, и, как и Кэсси, опираюсь спиной на детскую кроватку.

Кэсси придвигается ко мне.

– Так что, Рид придет на свадьбу?

– Э-э. Надеюсь? Я еще не спрашивала.

Я перевожу взгляд на Оливию – она безмятежна, как никогда.

– Ну так спроси, блин, – вздыхает Кэсси. – И скажи ему, что мне надо с ним поговорить.

Я сощуриваюсь.

– О чем это?

– О том, что если он разобьет тебе сердце, я его кастрирую. Стандартное послание от заботливой сестренки. – Она встает и потягивается. – Запомни эту мысль. Я в туалет.

И закрывает за собой дверь. Оливия смотрит на меня с улыбкой.

– Молли, у тебя есть парень.

Только не улыбайся. Сейчас не до улыбок. Нужно взять себя в руки и изо всех сил постараться не вести себя как мудачка. Бедняжку только что бросил гребаный Эван Шульмейстер. А теперь парень, который ей, возможно, нравится, стал моим парнем.

Я осторожно киваю, не сводя глаз со своих коленок.

– Я так и знала!

– Правда? – я неуверенно смотрю на нее. – Ты не злишься?

– А с чего мне злиться?

– Ой. Боже. Я думала, может, он тебе нравится.

Ксавье с грохотом разваливает башню и переводит взгляд с Оливии на меня; губы у него подрагивают.

– Ну, дружище, ты сам все разрушил, – говорю я ему.

Иногда мне удается провести Ксавье так, что он не плачет. Но сейчас он беспомощно падает в объятия Оливии.

– О нет, – говорит она. – Ну, то есть он нравится мне как друг. И, по-моему, он милый. Типа очень милый.

– Это правда. – Я пытаюсь сдержать улыбку.

– Как по мне – так он намного милее Уилла. – Она краснеет.

О боже. Он ей все-таки нравится.

– Прости меня, пожалуйста, – говорю я тихо.

– Да нет! Прощу, не извиняйся. Вообще, я с самого начала знала, что он в тебя влюблен.

– Что? – замираю я.

– Каждый раз, когда мы с ним общались, он только о тебе и говорил.

Я прикрываю улыбку рукавом кардигана.

– О.

– Ага. – Оливия тоже улыбается. – Серьезно, я не хочу вам мешать. – Она сжимает ножку Ксавье. – И искренне за тебя рада, Молли.

Не знаю, что на это сказать. Кажется, мой мозг отключился. Думаю я только об одном: Оливия гораздо лучше меня как человек.

– Да, но я хочу, чтобы и ты была счастлива, – говорю я наконец.

Она пожимает плечами.

– Да я уже.

– Но я хочу, чтобы ты была влюблена. В кого-то, кто лучше, чем Эван.

– Да кто угодно лучше, чем Эван, – замечает она.

– Что верно, то верно.

Теперь я яростно подбираю ей пару у себя в голове. Понятно, что Уилл не годится – она даже милым его не считает. А Макс немного мудака. Но вот Дуглас?.. Рид клянется, что он существует. Оливия и неуловимый Дуглас. Рид уже их шипперит, я знаю.

– А ты... – начинаю я, но Оливия перебивает.

– Я знаю, о чем ты думаешь. – Она опускает подбородок Ксаву на макушку. – Но сейчас мне бойфренд не нужен.

– Правда?

– Ни капельки. – Она улыбается.

Я обдумываю ее слова. Не знаю, грустно это или весело, но я так давно хотела завести парня, что не могу вообразить, как его можно не хотеть. Сказать, что не хочу, – да, а вот не хотеть на самом деле...

Но, может, дело во мне. Может, после двадцати шести раундов неразделенной любви я немножечко сломалась. Может, это такой побочный эффект.

29

Вечер пятницы. Глубокий вдох.

*Короче, я уже пару дней пытаюсь тебе кое-что сказать
Но почему-то не получается.
Так что я сделаю это в сообщении. Такая вот я дуреха
Ты свободен в воскресенье? Послезавтра то есть?
Потому что я иду на свадьбу и мне нужна пара...*

30

Суббота с рассветом на заднице. Мой парень отвечает:

Так, у меня есть идея

СВАДЕБНАЯ идея.

Знаешь, бывают такие треугольные флажки, похожие на акульки зубы?

Есть как раз такие украшения для торта!

Они крепятся к длинным деревянным шпажкам. Я не выдумываю. Нашел на пинтересте.

МОЛЛИ, ПОЧЕМУ Я СКРОЛЛЮ ПИНТЕРЕСТ? Безумие какое-то.

Наверное, я по тебе соскучился

А может, пинтерест – это такая милая зараза, которая передается только через твою слюну?

*Твою *милую* слюну.*

«Милая слюна Молли Пескин-Сусо».

Так должна называться твоя автобиография!

А вообще я знаю, что ты сейчас где-то у портнихи, которая что-то тебе подшивает

(Надеюсь, не слишком много.)

(Ты очень нравишься мне и неподшитая.)

Имей в виду.

А еще, мне кажется, ты просто обязана украсить торт флажками

(Если еще непонятно, то это я говорю «да». Я пойду с тобой на свадьбу – и куда угодно, особенно если там будет торт.)

31

Неподшитая? – пишу я. – Типа как нестерилизованная кошка, что ли?

Ой. Ой, нет

В смысле ДА. Не стерилизуйся, пожалуйста

Мой парень просит меня «не стерилизоваться». Кажется, мне никогда не надоест его странный ум. Никогда.

Постараюсь! – пишу я.

А потом добавляю:

Очень рада, что ты придешь.

В общем, подшивать мне никто ничего не будет. Даже платье. Мы просто пришли сюда из-за мам. Сюда – это в ателье свадебного бутика. Мы с Кэсс сидим на бархатном диване у примерочной, вокруг сплошные зеркала. Я стараюсь не пялиться на себя.

Патти выходит из примерочной и вздыхает.

– Господи. Вот видите, теперь я сомневаюсь... Может, лучше с бретельками?

Кэсси приподнимает брови.

– А не поздновато ты задумалась?

– Ты превосходно выглядишь, – с улыбкой говорит Надин.

– И не похожа на бледную сорокавосемилетнюю тетку без сисек?

– Похожа. – Надин целует ее. – И мне это нравится.

Кэсси откидывается на диванные подушки и показно закрывает глаза руками:

– Хорооооооооош уже. Уединитесь для начала.

– Привыкай, Китти Кэт, – говорит Надин, а потом ухмыляется и, глядя в зеркало, расстегивает верхнюю пуговицу. – Что скажете?

– Идеально, – отвечаю я.

Это и правда так. На Надин светло-серые брюки и белая рубашка из отдела для женихов. Я слышала, как она говорила консультанту, что для нее в приоритете «легкий доступ к сиськам». А вот сиськи Патти спрятаны под невероятным количеством кружев. Наши мамы безумно красивы. Может, странно думать подобное о родителях, но так и есть. Не верится, что завтра у них свадьба.

Надин вдруг поворачивается ко мне, и глаза ее блестят:

– Так что, Молли, ты будешь с Ридом?

Кэсси тоже вся сияет.

– Со своим парнем, – добавляет она. – Просто напоминаю.

Мой парень. Никак не привыкну к этим словам. Я улыбаюсь в кулак.

Я смотрю в зеркало и замечаю, что Надин и Патти наблюдают за нами. Они обе как-то очень хитро на нас посматривают, и я вижу, что Патти собирается что-то сказать – прямо видно по лицу. Но тут к ней подходит швея и говорит, что хочет еще кое-что подшить.

Блин, нужно придумать такую штуку. Типа сервис. Только твоя мама собирается ляпнуть что-то неловкое – как появляется специальный человек и уводит ее.

К сожалению, эстафетную палочку перехватывает Надин.

– Я хочу побольше узнать про этого твоего крутого бойфренда.

Кэсси хихикает. Я закатываю глаза.

– О да, он крутой.

– Я ведь даже не подозревала, что что-то намечается, – продолжает Надин. – Момо, ты давно ничем с нами не делишься. Я и не знала, что тебе кто-то нравится.

– А я знала, – самодовольно встревает Кэсси.

Мне становится жарко.

– Обязательно это обсуждать?

– Ну-у-у, малыш. Я просто очень за тебя рада. – Надин садится между нами на диван и обнимает нас.

– Она так давно хотела найти парня. Та-а-а-а-ак давно, – говорит Кэсси.

Я морщусь.

– Эй, это звучит убого.

– Что? Нет же!

– Ну-у-у, Момо, почему ты так решила?

Потому что. Не хочу я быть такой девушкой. Я хочу быть другой. Как Оливия, которая отлично справляется одна. И сейчас даже ни капли не заинтересована в отношениях.

– Потому что я не хочу быть девушкой, которой необходим парень, – говорю я.

– Конечно, он тебе не необходим, – соглашается Надин. – Но нет ничего плохого в том, что ты хотела парня.

Я пожимаю плечами.

– Я серьезно, Момо. Ты можешь хотеть чего угодно. – Она легонько дергает меня за прядь волос. – И знаешь что? Любовь стоит того, чтобы ее хотеть.

– Согласна, – ухмыляется Кэсси.

– Я просто не ожидала, что это случится. – Я краснею. – Наверное, лучше поздно, чем никогда.

Надин начинает хохотать. Я чувствую, как уголки моих губ ползут вверх.

– Что?

– Лучше поздно? Мо, тебе же семнадцать.

– Вот именно.

– В какой вселенной это «поздно»? – Она сжимает мое плечо. – Для таких вещей не существует расписания. У меня не было девушки до выпускного. А твоя мама вообще ни с кем не встречалась в школе.

– Правда?

– Правда.

Я молчу, а потом добавляю:

– Не знаю... Просто... Мне казалось, что я ждала этого целую вечность.

– О, я понимаю, малыш. И ни в коем случае не обесцениваю твои чувства. – Она высвобождает руки и сцепляет их у себя на коленях. – Да, ожидание – отстой. Особенно когда думаешь, что этого никогда не произойдет.

– Именно!

Надин улыбается.

– Я вам когда-нибудь рассказывала, как пыталась забеременеть?

– Вроде нет, – отвечает Кэсси.

Я тоже качаю головой.

– Ну так вот. Это пипец была эпопея. Мы лет десять старались то так, то сяк. У каких только врачей не обследовались. Никто не знал, в чем проблема.

– Серьезно, что ли? – спрашивает Кэсси.

А я сижу в шоке. Хотя можно было сложить два и два. Не просто же так наши мамы решили завести еще одного ребенка через шестнадцать лет после первых двух. И все-таки я даже не догадывалась, что Надин все это время пыталась... Целых десять лет!.. Поверить не могу.

– И знаете, потом просто получилось. А мне было сорок два. Все думали, что шансов, как пить дать, уже нет, но вот пожалуйста.

– Ого. Я понятия не имела, – выдаю я.

– Знаю, – улыбается Надин. – Я не хотела вам говорить. Еще не хватало, чтобы вы решили, что вы для меня менее родные, чем ваш брат. Вы же понимаете, что это не так?

– Да, – быстро соглашаюсь я.

– Но мы с вашей мамой всегда хотели троих детей. Такой у нас был план. И мы думали, что благодаря близнецам мы уже идем на опережение. Но не тут-то было...

– Ксавье по-светски припозднился, – смеется Кэсси.

– Вроде того. Но знаете, в этом есть и свои плюсы. Потому что когда столько времени чего-то хочешь и это наконец сбывается... Это прямо волшебство какое-то.

Ни с того ни с сего мне вдруг хочется плакать. От радости. От счастья. Потому что я прекрасно понимаю, о чем она говорит. Да, теперь моя жизнь – это бабочки в животе, волнение, сердечки вместо глаз, но под всем этим: *Поверить не могу. Поверить не могу, что это происходит со мной.*

Сложно передать сладость этого чувства.

Как будто понимаешь, что дверь, в которую ты столько лет барабанила, наконец-то открылась. А может, и была открыта с самого начала.

32

Ужин мы не репетируем. Мы вообще ничего не репетируем. Однако гости из других городов приезжают к нам в субботу вечером, поэтому мы уже по-настоящему чувствуем, что праздник на носу.

Бабушка Бетти остановилась в Marriott, а дедушка и бабушка Сусо – где-то в мини-гостинице неподалеку. А друзья мам по колледжу вроде бы придут завтра утром.

Но Эбби приезжает сегодня. С Ником. И останется ночевать у нас.

Я надуваю в своей комнате матрасы, а Кэсси переносит ко мне свои вещи. Плевать, что придется спать друг у друга на головах. Все-таки это первая ночевка девчонок Сусо в полном составе больше чем за год.

После ужина, когда мы убираем со стола, вдруг раздается звонок в дверь. Я влетаю в прихожую так быстро, что скольжу по половицам.

– О боже! – На пороге Эбби – буквально прыгает от радости.

– Ты здесь!

– Я здесь! И вы здесь! – Она делает глубокий вдох. – М-м-м! Ты пахнешь как Молли.

– Погоди, а это...

– Это хорошо!

Я вспоминаю Рида. И его дезодорант. Главное не покраснеть.

– Поверить не могу, что ты здесь.

– Я здесь. И посмотри, кого я привела! – Вся сияя, она отступает в сторону. – Молли, это Ник. Ник, это Молли.

Забавно – некоторые люди выглядят в точности как на фотографиях. Саймон, например. А вот Ник в реальной жизни куда милее. В сто тысяч раз милее. У него до ужаса притягательные карие глаза – а такое не передадут никакие фотки.

– Привет. – Он неловко переминается на месте с большой спортивной сумкой в руках. – Спасибо, что пригласили.

– Шутишь? Само собой!

Снаружи слышится щелчок закрывающихся дверей машины, а через пару секунд появляется Айзек, волоча два чемодана.

– Привет, Мо, – говорит он и почти садится на колени, чтобы меня обнять. В Айзеке два метра роста. Не шутка. Рядом с ним даже Рид покажется коротышкой.

Тут меня осеняет, что для Оливии он в самый раз...

Но нет. Нет. Ей это не нужно. Стереть эту мысль.

Ник и Айзек будут спать на двухъярусной кровати в комнате Кэсси. Забавно, что Эбби с братом гостят у нас без родителей. Дядя Альберт с тетей Вандой остановились в студии Айзека на Ю-стрит, которая, по правде сказать, уж больно смахивает на универское общежитие.

– А что тетя Ванда подумает про твой стол для бир-понга? – спрашивает Кэсси у Айзека.

Он ухмыляется.

– Я замаскировал его скатертью и вазой с цветами.

– Гениально.

Когда Эбби закрывает дверь в мою спальню, Кэсси тут же выдает:

– А у Молли есть – барабанная дробь – парень.
 – Что-о? – Эбби ахает. – Боже. И ты с ним целовалась. Да? Боже мой!
 – И НЕ ГОВОРИ! – продолжает Кэсси. – А мне она даже не сказала. – Она шлепается на надувной матрас.

– Я никому не сказала, – замечаю я.

– Ага, кроме мам.

– И им не говорила! Они сами поняли.

– Ух, я хочу узнать все с начала, – просит Эбби.

– Да мне нечего особо рассказывать. Патти тупо нас услышала.

Эбби с Кэсси начинают ржать.

– Что? – спрашиваю я и невольно улыбаюсь.

– Услышала *что?* – уточняет Эбби.

НУ ВОТ ОПЯТЬ.

– Да не это. Господи... Как мы *болтали*. Всего-навсего болтали.

– Ну-ну.

– Может, целовались.

– Вот это уже похоже на правду, – кивает Кэсси.

Она берет подушку, бросает в меня, мажет, подбирает ее снова и бьет меня ею.

– Подушечный бой! – пищит Эбби. – Это же как в типичной фантазии, да? Мне сказать Нику, что тут происходит?

Кэсси кивает.

– Скажи ему еще, что мы поливаем медом сиськи.

Эбби смеется и достает телефон.

– Стой, ты что, серьезно? Ты ему это пишешь, что ли? – Кэсси тянется к Эбби, но та ловко от нее уклоняется. – погоди, дай гляну.

– Не-а. – Эбби улыбается во весь рот. – Это конфиденциально.

– Жопа моя конфиденциальна.

– Надеюсь.

Забавно наблюдать за их потасовкой. Словно я снова в прошлом. Странное счастье. Даже разговаривать не хочу. Мне просто нравится здесь быть.

Пишу Риду.

Скорее всего, завтра тебе придется со мной танцевать.

Три точки.

О неееееет. Я не танцую.

И ВСЕ ЖЕ.

Ты НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ, какой я неуклюжий, Молли.

Я смеюсь. Вообще-то представляю...

Моими танцами можно пытаться людей. Серьезно.

– Посмотрите, кто тут у нас хихикает, уткнувшись в телефон, – замечает Эбби.

Я поднимаю взгляд, виновато улыбаясь, и вдруг замечаю себя в зеркале на другом конце комнаты.

Так странно. Я не причесана. В футболке, которую вроде как носила беременная Надин. В пижамных штанах. А в уголке рта белый след от зубной пасты.

И при всем при этом, кажется, я впервые в жизни чувствую себя по-настоящему красивой.

33

От волнения я не могу уснуть. Думаю о свадьбе, Риде, украшениях, своей одежде...

Я в восторге от своего платья. Такой простой дизайн: нежный лазурный цвет, короткие рукава, тюль под юбкой. И все. Но мне очень идет. Худой оно меня не делает – напротив, оно как будто специально меня полнит.

Не могу перестать щупать ткань. Поскорей бы уже переодеться.

Что-то витает в воздухе. Меня пронизывает звенящее предвкушение. За окном мамы выставляют стулья вдоль двух длинных столов. Тента не будет – наверное, Надин удалось отговорить Патти. Но вообще на улице тепло и солнечно. Еще чуть-чуть, и я смогу вздохнуть с облегчением.

Утро я посвящаю украшениям. Кажется, все наконец готово: на подставки в виде винтажных ящичков из-под колы я разложу раскрашенные банки с цветами (чутьочку гортензий, но в основном гипсолюбки), а зверушек Оливии и семейные фото в красивых деревянных рамках расставлю прямо так по всему дому. Гирлянду из тряпичных ленточек я подвешу во дворе на манер эдакой неряшливой хупы[58], а электрическую Айзек обещал помочь мне подвесить на деревья.

И теперь я всерьез задумываюсь о том, чтобы разрезать свои журнальные бусы. Потому что меня вдруг осенило, что ими можно перевязать салфетки. Seriously, у меня столько идей, что я могла бы уже открыть свой бизнес. Кто знает, может, однажды и открою.

Только вот с нашими суровыми брайдзиллами приходится нелегко. Я от каждой из них ежеминутно получаю сообщение.

Котик, напомнишь Айзеку про чаевые для ребят из аренды?

Момо, найди, пожалуйста, зарядку от ноутбука

Миссия отменяется! ЗАРЯДКА ОБНАРУЖЕНА.

Еду привезли. Попроси их разложить все на кухне, ладно? Спасибо!!!

Вообще-то я еще в пижамных штанах – но ведь не без штанов, поэтому бегом спускаюсь по лестнице и почти врезаюсь в одного из официантов.

– Боже мой. Извините. – Я поднимаю взгляд. И моментально краснею. – Джулиан?

– Ого! Быть не может! Ты же подружка Элены! Молли, верно?

Моя одиннадцатая влюбленность. Завтрачный Экспериментатор Джулиан Портильо. А теперь он официант в кейтеринговой компании. Поди разбери.

– Значит, твои мамы женятся, – говорит он.

– Ага. – Как будто сон какой-то. – Вау. Как ты? Как Элена?

– О-о-о, у нее все хорошо. Да и у меня. Учусь в Джорджтауне, закончил второй курс и вот взял подработку на лето. Мне нравится.

– Это очень здорово!

Он улыбается – и вот они, его ямочки. Видимо, ямочки – моя слабость.

– Кстати, давай познакомлю. Это Картер Эддисон. – Джулиан легонько касается моей руки.

Как по команде, долговязый кучерявый парень оставляет накрытую кастрюлю и подходит к нам.

– Привет, – улыбаясь, здоровается он.

Он тоже по-своему милый, и улыбка у него широкая и искренняя.

– Я су-шеф, – сообщает он.

– И по совместительству бойфренд, – ухмыляется Джулиан. – Картер, это Молли, дочь невест.

Бойфренд. Вот этого я не ожидала.

– Очень приятно познакомиться, – говорю я.

– Взаимно. И мазаль тов[59]!

Я провожаю их на кухню и показываю, где найти приборы, утварь, мои капкейки и все такое прочее.

– Не знаю, поможет вам это или нет.

– Еще как поможет, – заверяет Джулиан. – Все супер.

– Хорошо, – киваю я.

А потом с минуту мы просто молча стоим и улыбаемся. Я никогда не отличалась особенным красноречием в присутствии Джулиана Портильо.

– Слушай, не подумай, что я тебя подгоняю, – наконец говорит Джулиан, – но, может, тебе пора одеваться? Не пойми меня неправильно, я люблю клетчатые штаны...

– Вот черт! – вырывается у меня.

– Смотри, она покраснела! – Он обнимает меня. Меня обнимает Джулиан Портильо. – Блин, какая же ты милашка. – Он подмигивает Картеру. – Знаешь, если бы мне нравились девушки, я бы обязательно выбрал тебя, Молли.

Не уверена, что мои чувства можно передать словами.

Окей, помните эмодзи, которое смеется и плачет одновременно?

Вот – прямо в точку. Я это эмодзи.

Я наспех одеваюсь и уже бегу по лестнице, когда приезжают Мина с Оливией. Довольно рано – кажется, их кто-то подвез. Только заметив, Оливия сразу меня обнимает.

– Поздравляю!

Кэсси идет нам навстречу.

– Короче, у меня только что был офигенный разговор с бабулей.

– Какой?

Кэсси корчит рожицу, и я смеюсь.

– Она только что сообщила мне, что когда бисексуалки женятся, они становятся лесбиянками.

– О нет, – бормочет Оливия.

– И я такая... Бабуль, просто нет. Нет. И так закатила глаза, что мозги было видно.

Теперь смеется Мина.

– Ну, она ведь не со зла.

– И это она еще не успела напиться, – замечает Кэсси. А потом косится на меня и, ухмыляясь, толкает локтем в бок. – Эй. Твой парень пришел.

Я краснею. Странно все как-то. Наверно, потому что всем вокруг все известно. И блин, кажется, отныне так и будет. Похоже, я никогда с этим не свыкнусь.

Рид стоит на заднем крыльце. В рубашке. Ну вот, теперь я знаю – рубашка делает его еще милее. Он улыбается мне, я улыбаюсь в ответ, и кажется, как будто кто-то поставил мир на паузу – всего на несколько мгновений.

Может быть, оно и к лучшему, что я никак к этому не привыкну.

Кажется, шесть часов никогда не наступит, но когда все-таки вдруг насту-

пают, мы стоим под гирляндовой хупой: Кэсси, Эбби и я плюс Айзек с Ксавье на руках. Ксавье одет в малюсенький серый костюмчик.

Идеальный малыш.

– Добро пожаловать, – приветствует всех тетя Лиз.

Технически она мне не тетя. Да и вообще она не священник, впрочем, онлайн-сертификат у нее есть.

– Патти и Надин попросили меня, чтобы все было быстро, мило и приемлемо для несовершеннолетних. Насчет последнего мы еще, конечно, посмотрим...

Все смеются.

– В общем, меня зовут Лиз, мы с Надин вместе снимали квартиру в Мэриленде. Это было примерно, не знаю, миллиард лет тому назад.

Надин фыркает.

– Так вот вам анекдот из жизни: получаем мы расписание на первом курсе, и Дини в ярости. Потому что ей поставили введение в биологию, которое она уже проходила в старших классах, а это *полнейшая жопа...*

Гости за столом хохочут, потому что так ругаться – очень в стиле Надин. Я смотрю на родителей Эбби – дядя Альберт как всегда суров, а тетя Ванда, подняв брови, весело улыбается. Эбби искоса на меня поглядывает и ухмыляется.

– В общем, она убегает на занятия, бормоча под нос проклятия и тяжело дыша от гнева. А потом появляется в обед, и я спрашиваю: «Так что, тебе зачтут занятия? Засчитают оценку за уже пройденный курс?» А Надин такая: «Да не-е, мне пара понравилась».

Надин закрывает лицо руками и хохочет.

– А я типа: *что?* – продолжает Лиз, и в глазах ее сверкают искорки. – Мол, утром ты была готова приковать себя цепями к дверям деканата, а теперь такая: «Да это самый лучший курс». В общем, совсем меня сбила с толку. – Лиз выдерживает драматическую паузу, потом продолжает: – А через пару недель Надин представила мне ассистента преподавателя Патти Пескин.

Народ улюлюкает и хлопает в ладоши, а Надин и Патти переглядываются и хихикают. Так странно видеть, как твои родители так открыто друг друга обожают. Я не говорю, что это плохо, – просто непривычно.

В миллионный раз за сегодня я ловлю взгляд Рида.

Он улыбается.

И я улыбаюсь.

– Так вот... Согласна ли ты, Надин, взять в жены эту женщину Патти и уважать ее, поддерживать ее, заботиться о ней, в здравии и в болезни, пока смерть не разлучит вас?

– Согласна, – говорит Надин. Я никогда не видела, чтобы она так широко улыбалась.

– А ты, Патти, согласна ли взять в жены эту женщину Надин и уважать ее, поддерживать ее, заботиться о ней, в здравии и в болезни, пока смерть не разлучит вас?

Патти шмыгает носом.

– Согласна.

Чьи-то теплые пальцы переплетаются с моими – это Эбби. Я крепко сжимаю ее руку.

– Так что, колечко-то наденем? – спрашивает Лиз.

Я смеюсь. Все смеются. Только Патти рыдает, что неудивительно, однако и Надин тоже плачет, хоть и не так сильно. На самом деле это многое значит. Я видела ее слезы всего раз, и в тот момент она рожала...

– Итак властью, данной мне штатом Мэриленд, объявляю вас законными и самыми крутыми на свете женами.

Потом они разбивают бокал, все хихикают и кричат «мазаль тов», кто-то свистит.

А потом... Что ж.

Родителям в жизни выпадает всего один шанс страстно поцеловаться на виду у своих детей. И вот он, этот шанс. И их не остановить.

Даже если бы могла, я бы не стала.

После церемонии ко мне подходит Рид и тут же меня обнимает.

– Это было офигенно.

– Спасибо! – Я утыкаюсь ему в грудь и вдыхаю запах его дезодоранта. – Ты плакал?

– ЕЩЕ ЧЕГО. – Ямочка! – Чуть-чуть.

– О-о-о-оу!

Я широко ему улыбаюсь, и он берет меня за руки. С минуту мы просто стоим и смотрим друг на друга.

Потом он качает головой.

– Молли, ты меня убиваешь.

– Что?

Молчит. Щеки его розовеют.

– Просто ты очень, очень красивая.

У него такой мягкий голос... У меня перехватывает дыхание. Потому что за всю свою жизнь я посмотрела кучу романтических фильмов и тысячу раз видела похожее выражение на лицах у кинопарней. Но никогда еще никто не смотрел так на меня.

– Ты тоже, – говорю я быстро.

Он смеется.

– Ну спасибо.

Джулиан с Картером уже принесли всю еду на столик для пикника: тут и грудинка, и кукурузный хлеб, и роллы, и овощи, жаренные на гриле. Здесь и кошерная еда, и веганская, и без глютена. И все аккуратно подписано. А рядом стопка пластмассовых тарелок, сделанных под фарфор. Такая вот у нас свадьба с самообслуживанием.

Еще рано, но несколько гостей уже танцуют возле качелей Ксавье.

Играет медленная песня, не могу понять чья. Точно какой-то знаменитый британец. Может, Сэм Смит[60].

– Голодная? – Рид касается моей руки.

– Наверное?

– Или хочешь поболтать с Эбби?

– Можно.

– Тебе сегодня легко угодить. – Он широко улыбается.

– Не говори!

Просто я безумно счастлива, как будто счастье льется через край. Сейчас я могу делать что угодно, и все равно все будет так, как нужно. Неуязвимое счастье. Его не испортить, даже при всем желании.

Мы садимся на краю одного из столов, рядом с Эбби и Ником.

– Посмотри, какие они славные, – произносит Эбби.

Мамы сидят на заднем крыльце, держатся за руки и о чем-то разговаривают. И в эту секунду они не замечают никого. Я вижу, как к ним крадется Оливия с камерой. Они даже не видят, как она тычет в них камерой, настраивает объектив и щелкает затвором, словно какой-то папарацци.

Потом она идет к Кэсси и Мине, которые сидят на траве, и, улыбаясь, показывает им получившиеся кадры.

Кэсси сияет.

– А еще циником себя называет, – бормочу я.

– О да. Вообще-то из нас четверых Кэсси самая сентиментальная. Жутко мягкосердечная нюня. – Эбби хохочет. – Слушай, пока не забыла, посмотри, кто пришел.

Она приподнимает подбородок, указывая куда-то мне за спину.

Я оборачиваюсь, и от удивления у меня буквально отвисает челюсть.

– Боже мой.

Эбби улыбается.

– Ага!

– Ты знала, что она приедет?

Эбби качает головой.

– Пойдем поздороваемся? Чуваки, мы оставим вас на минутку, ладно?

Ник с Ридом переглядываются.

– Конечно.

Наши парни.

Я поднимаюсь и разглаживаю платье. Эбби берет меня за руку, и мы шагаем по лужайке.

Тетя Карен сидит за столом одна со скрещенными на груди руками. Ей как будто неуютно и неловко, и, сказать по правде, выглядит она почти недовольной.

И все-таки она здесь.

Черт возьми.

При виде нас она сияет:

– Привет, малышки! Боже мой. Вы только взгляните на них – какие красотки! И уже такие взрослые.

Она обнимает нас обеих, и мы садимся рядом.

– На заднем дворе теперь совсем по-другому. Вы его озеленили?

– Э-э, ну да. Года два назад, – отвечаю я.

Тетя Карен кивает.

– Так... Э-э... Как поживают собачки?

Она слегка оживает.

– О, у них все хорошо. Очень хорошо. Сейчас они с моей подругой Мадж, и ее муж сегодня готовит стейки. Стриплойны[61].

– Э-э... Для собак? – уточняет Эбби.

– Угу. Они обожают стейки.

– Очень необычно, – говорит Эбби, скосив на меня взгляд.

Тетя Карен улыбается.

– Ну, это ведь особенные собачки. Эбби, я тут рассказывала твоей маме про нашу Дейзи, помесь овчарки, и она сказала...

– Тетя Карен, я думала, ты не придешь, – выпаливаю я.

Воцаряется тишина.

Наконец тетя Карен говорит:

– Знаешь, я просто не смогла это пропустить.

– А Надин знает, что ты здесь?

Тетя Карен поджимает губы.

– Полагаю, что да.

– А ты... Хочешь я ее приведу?

– Ой, нет, не надо, – быстро отвечает она. – Будет слишком... Ну, ты понимаешь. Это ее вечер. И Патти тоже, – неловко добавляет она.

И я вдруг понимаю, что она впервые назвала Патти по имени.

– А я не хочу ничего усложнять, – продолжает тетя Карен. – Разумеется, нам с Дини о многом нужно поговорить, и я должна... – Она умолкает на полуслове и качает головой. – Но не сегодня. Сегодня я просто хотела быть рядом.

– Ну, тогда спасибо, что пришла.

– Мейделе, это ты?

Я кручу головой в поиске бабушки Бетти. А вот и она. В руках у нее какая-то фотография в рамке, которую она вытащила из украшения на столе. Бабуля кладет ее на стол изображением вниз и садится рядом со мной.

Боже мой. У меня семейный передоз.

– Привет, бабушка.

Я ловлю себя на том, что втягиваю живот. Наверное, иногда рядом с ней мне стыдно. На долю секунды я жалею, что не надела утягивающее белье.

– Ты знакома с тетей Карен? – быстро спрашиваю я. – Эбби ты уже знаешь.

– Конечно. Рада видеть вас обеих.

Я стучу пальцем по рамке.

– Что там такое?

– Одна моя очень нелестная фотография. Хотела бы я знать, кто ее отобрал и поставил на стол. – Она качает головой и улыбается. – Требую жалобную книгу.

Вот так поворот. А я и не догадывалась, что пожилым людям тоже может быть неловко из-за подобного. Теперь, само собой, мне дико хочется посмотреть на фотку, и я уверена, что у Эбби на уме то же самое.

– Бетти, покажите нам, пожалуйста! Мы никому не скажем.

– Если покажешь, я ее спрячу, – добавляю я.

Бабуля изображает недовольство, но все-таки переворачивает фотографию. Эбби охает.

– Боже мой! Какая отпадная фотка!

Так и есть. Бли-и-и-и-ин. Ну и снимок!.. Он черно-белый, и Патти здесь совсем еще ребенок, значит, это конец шестидесятых. Однако глаз я не могу отвести от бабули – ей здесь чуть за двадцать. Она нежно улыбается, держит Патти у себя на бедре и смотрит в объектив.

И выглядит она в точности как я – только старомодная и красивая.

А еще она толстая.

Я поднимаю на нее взгляд и вижу, что она смотрит на меня с каким-то странным выражением, которое я не могу расшифровать.

– Я слишком строга с тобой, правда?

Я краснею.

– Не знаю.

– Я ненавидела свой лишний вес. Набрала тридцать килограммов, пока носила твою мать. И чувствовала себя как в чужом теле.

Я молчу. Вдох.

– Понимаю. – Выдох. – Но я же себя так не чувствую.

– Знаю, и это хорошо. Прости меня, мейделе. Нельзя перекладывать свои проблемы на тебя. – Она берет меня за руку и сжимает ее. – Ты невероятно красивая.

У меня горят щеки. Тут вот такая штука: мне часто говорят, что у меня красивое лицо. Или волосы. Или глаза. Но когда меня называют *красивой*, все иначе. Просто красивой, без каких-либо уточнений. Почему-то слышать это от бабули еще более странно, чем от Рида.

У меня щиплет в глазах.

Бабуля прочищает горло.

– Ну так вот... Замечательная была церемония, правда?

– Ага, – соглашается Эбби.

Тетя Карен тихо добавляет:

– Да, очень мило. – И пожимает плечами.

Это такой жест... Такой характерный жест, как будто она вложила в него сорок лет секретов, ссор, путешествий и двухъярусных кроватей.

И ирония в том, что Надин всегда пожимает плечами точно так же.

У меня перед глазами вдруг возникает картинка: мы с Кэсси через двадцать лет. Обе поженились. С Миной. С Ридом. Или нет. Может, мы поженимся с теми, кого еще не знаем. Может, не поженимся вообще. Может, мы будем видеться через день. Может, раз в год. А может, всегда по-разному. Может, никогда у нас не будет постоянства.

Мне кажется, что любые отношения – это на самом деле миллион самых разных отношений. Но я не знаю, плохо это или хорошо.

На закате становится еще красивее. Наверное, все дело в гирляндах. Есть что-то волшебное в мерцающих огоньках на ветвях деревьев. Кое-кто из гостей уже разошелся по домам, но зато целая куча уже танцует, в том числе и Эбби с Ником. Рида я пока не уговорила. Сейчас он самодовольно разглядывает флажки на торте.

Признаю, это была его идея.

Признаю, получилось очень мило.

Но вот мы возвращаемся к столу, и Рид держит меня за руку, пока болтает с Оливией, а Ксавье тем временем засыпает в объятиях у Кэсси. Мина поглощает капкейк и после каждого укуса вытирает пальцы салфеткой. И хотя вокруг всё в движении, в воздухе чувствуется умиротворение.

– Я бы никогда не смогла стать настоящим свадебным фотографом, – говорит Оливия.

– Почему нет?

– Слишком много идеальных моментов. Я за ними не успеваю.

У меня вдруг слезы подступают к горлу.

– Это точно.

Рид сжимает мою ладонь.

Переключается песня – теперь играет что-то быстрое и громкое, и я вижу, как Айзек кружит одну из маминых подружек на импровизационном танцпо-

ле. Кажется, у него на руке мои журнальные бусы (по совместительству кольца для салфеток). Тетя Лиз сидит на качелях Ксавье, активно жестикулирует и смешит мам, а родители Эбби демонстративно покачиваются в медленном танце, несмотря на энергичную музыку.

– Пойду, наверное, сделаю еще пару фоток, – решает Оливия.

– Хорошо, – хором и с абсолютно одинаковой интонацией отвечаем мы с Кэсси.

Оливия щурится и показывает на нас пальцем.

– Вы че, близнецы, что ли?

Уходя, она изображает руками взрыв над головой. *Взрыв мозга.*

Мина хихикает, и они с Кэсси обмениваются радостными нежными взглядами. Я быстро отворачиваюсь. Не потому, что превратилась в одиннадцатилетнего мальчишку.

Просто... Пускай побудут наедине.

Наверное, я потихоньку сдаюсь. По чуть-чуть. Наверное, это и есть наши маленькие шажки в противоположные стороны. Наши едва отличные следы в едва отличных направлениях.

В семнадцать лет каждое событие переживается как конец света. И начало тоже.

И это здорово.

Благодарности

Привет, читатель! Моя книжка в твоих руках. Я ждала этого мгновения так же, как Молли ждала свой первый поцелуй. И бывали дни, когда я сомневалась, что смогу закончить эту историю.

Но все-таки я смогла. И этому посодействовали очень крутые соратники и соратницы.

Горячо благодарю...

...Брукса Шермана, самого крутого чувака и самого крутого агента. Ты мудрый, странный и чудесный, и мне очень повезло, что ты мне помогаешь.

...Донну Брэй, которая помогла воплотить эту идею в жизнь. Ты верила в Молли даже тогда, когда я переставала, и помогла мне нащупать сердце этой истории. Все мои девчонки-пчеленки посвящаются тебе.

...мои замечательные команды из Harper, Bent Agency и New Leaf. Я очень благодарна Алессандре Бальцер, Виане Синискали, Кэролайн Сан, Нелли Курцман, Патти Розати, Молли Мотч, Бесс Брасуэлл, Эрику Свенсону, Марго Вуд, Кейт Морган Джексон, Суман Сиват, Веронике Эмброуз, Бетани Рейс, Крису Билхеймеру, Саре Крич, Элисон Доналти, Барбаре Фицсиммонс, Сюзанне Мёрфи, Молли Кер Хоун, Виктории Лоус, Чарли Хоффману, Дженни Бент, Пуйе Шахбазяну, Крису Макьюэну и многим другим, кто остался за кулисами.

...моих замечательных издателей за рубежом, включая Penguin/Puffin в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, Blossom Books в Нидерландах, Nachette Romans во Франции и Intinseca в Бразилии. Дополнительные шоколадные яйца «Кэдбери» достаются Антее Таунсенд, Бену Хорслену, Клэр Келли, Вики Фотиу, Мирт Спитери, Лотте Дейкстре и Матильде Тамае Буон.

...Кимберли Ито, мою главную читательницу и сестру-агента, долгие годы помогавшую мне не сойти с ума. Вряд ли Молли и Кэсси найдут другого такого же хорошего человека, который родился с ними в один день.

...«Бекминавидеру»[62] – сейчас это, по сути, полноценный брак. Адам Сильвера – думаю, тебе по праву принадлежит половина моего мозга. Дэвид Арнольд – ты вдохновил меня на то, чтобы писать честно (и произносить «Средиземье», как у Толкина). Жасмин Варга, ты Бальцер моего Брэя[63]. (Плюс благодарю главного и почетного гетеро-члена клуба «Бекминавидера» Луиса Риверу.)

...команду Double Stuf: Ника Стоуна, Анджелу Томас и Стефани Слому. У вас волшебные тексты, а в жизни вы еще лучше. Я очень рада, что знакома с вами.

...команду Erratica: Эмили Карпентер, Мэнду Пуллен, Криса Негрона и Джорджа Вайнштейна. Увидимся в Rojo!

...команду В – моих прекрасных братьев и сестер по агенту, которым дарю дополнительную порцию объятий: Хайди Шульц (сюда добавить редко используемое эмодзи), Кимберли Ито, Анджелу Томас, Адама Сильверу, Лианн Элк, Сару Кэннон, Мерси Браун, Джессику Клусс и Риту Мид.

...моих необычайных бета-читателей, которые вдохнули жизнь в персонажей вокруг Молли: Анджелу Томас, Ника Стоуна, Весаун Палмер, Алекса Дэвисона, Далию Адлер, Телор Кинни, Тринтину Райт, Ниту Тиндалл, Эшли Херринг Блейк, Брайана Гулда и Эллен Оу. Ваша поддержка, отзывы и щедрость значили для меня все.

...бесчисленных друзей в этом сообществе, которые держали меня за руку и вели вперед. У меня не получится назвать всех, но давайте попробуем: Джен Гаску, Айшу Саид, И. У. Грегорио, Катерину Лок, Марике Нейкамп, Джеймса Си, Джеффа Зентнера, Кайлу Уэйли, Коринну Дайвис, Алекса Лондона, Тима Федерле, Николая Юна, Марси Беллер Пол, Диану Каприолу, Лэнса Рубина, Дженнифер Нивен, Грега Чангнона, Денизу Патрон, Джули Мёрфи, Рейчел Саймон, Майкла Уотерса, Кэмрин Гарретт, Эмму Тривайн, рок-звезду Кевина Савоие, Гэби Солпитер, Коди Рёкера, Джей-Си Лиллис, Саммер Хикок, Элин Бёркаут, Джоанну Менер, Тома-Эрика Фьюра, Шелумиэля Делос Сантоса, Лору Сильверман, Бике Пэзен, Рейчел Стролл, Мэдди Вульф, Вульфи, Джасмин Перл Рэймандо и Not So YA Book Club, Little Shop of Stories, Foxtale Book Shoppe и многих других. Люблю вас всех.

...друзей, которые меня спасали, смешили и делали менее осторожной: Диану Блюменфельд, Джейми Хенсель, Джейми Семенсон, Лорен Старкс, Эми Ротман, Эмили Таунсенд, Майка Гудмана, Рейчел Зилбург, Дженни Мариакин, Джоша Сигела, Бетси Баллард, Дэвида Бинсвангера, Молли Мерсер, Эвана Даймонда (который куда круче Эвана Шульмейстера!), Сару Бет Браун, Ракель Домингес и многих-многих других. А еще Такома Mamas – вы понимаете, как я соскучилась?

...библиотекарей, книжных продавцов, блогеров и издателей, которые обеспечили для моей книги весь сопутствующий набор чудес.

...толстых подростков. Вы прекрасны.

...Кэролайн Голдштейн: понятно, что эта книга – признание в любви тебе; Сэма Голдштейна, моего личного Ксэйвора Ксэва; Джима Голдштейна, короля всех пап; Айлин Томас, которая знает мои мозги вдоль и поперек.

...мою семью: Адель, Джини, Курта, Джима, Сайрис, Лулу, Стива, Гаэля, Дэна, Эллисон, Питера, Джеффа, Джанет, Ларри, Дженни, Джо, Джоша, Сару, Джея, Элизу, Закари, Милтона, Пат, Ли, Адама, Гайятри, Кэнди, Уильяма, Кэмерон, Гейл, Кевина, Линду, Билла и всю банду Оверхольтов. Вы чудесны.

...Оуэна и Генри – вы свет моей жизни.

...Брайана, моего Рида (обувь у тебя круче). Люблю тебя.

...и бабушку Молли. Я и не знала, что могу по кому-то так сильно скучать. Я потеряла тебя, когда работала над черновиком этой книги, и думала о тебе каждый раз, когда писала твое имя. Я бы отдала все, чтобы еще раз услышать, как ты называешь меня мейделе.

Примечания

1

La Leche League – общественная организация, поддерживающая кормящих женщин. – *Здесь и далее прим. пер.*

[^^^]

2

Мультсериал от создательницы «Времени приключений».

[^^^]

3

Начало американской считалочки «Ини, мини, майни, мо...»

[^^^]

4

Молли – сленговое название наркотика MDMA.

[^^^]

5

Антидепрессант.

[^^^]

6

Американский рэпер, участник группы Public Enemy.

[^^^]

7

FroZenYo – кафе в Вашингтоне, специализирующееся на продаже замороженных йогуртов.

[^^^]

8

Американская актриса и певица.

[^^^]

9

Bissell – марка пылесосов.

[^^^]

10

Вымышленное место действия книг Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» и «Хоббит».

[^^^]

11

Школа в округе Колумбия.

[^^^]

12

Американское реалити-шоу.

[^^^]

13

Цифровой видеоплеер.

[^^^]

14

BuzzFeed – новостная интернет-медиакомпания, основанная в 2006 году в Нью-Йорке. Часть ее контента имеет развлекательный характер.

[^^^]

15

Pinterest – социальный интернет-сервис, позволяющий загружать и составлять подборки изображений по интересам.

[^^^]

16

Anthropologie – американский бутик одежды и товаров для дома.

[^^^]

17

Фильм режиссера Дэвида Уэйна в жанре сатиры.

[^^^]

18

Отсылка к сериалу «Замедленное развитие» (Arrested Development), где один из персонажей неспособен раздеться догола и всегда носит под одеждой джинсовые шорты.

[^^^]

19

Американский композитор, певец и актер.

[^^^]

20

American Apparel – американская компания, выпускающая хлопковую и винтажную одежду, нижнее белье.

[^^^]

21

Ben's Chili – ресторан в Вашингтоне, известный своими хот-догами и бургерами.

[^^^]

22

Один из главных героев серии романов «Сумерки».

[^^^]

23

Яд – указка для чтения Торы.

[^^^]

24

Одноэтажный дом для одной семьи, часто с плоской крышей и обширной верандой.

[^^^]

25

От *bride* (*англ.*) – «невеста», *Godzilla* (*англ.*) – годзилла, вымышленный монстр-гигант. Так называют невест, зацикленных на своей свадьбе.

[^^^]

26

Песня Марка Ронсона и Бруно Марса.

[^^^]

27

Spectrum – ЛГБТ-організація в окрузі Колумбія.

[^^^]

28

Фильтр для фотографий в инстаграме.

[^^^]

29

Ванесса Карлтон – A Thousand Miles.

[^^^]

30

~()~

[^^^]

31

Мини-Мы – один из персонажей серии фильмов «Остин Пауэрс» в исполнении Верна Тройера, клон доктора Зло.

[^^^]

32

Масу's – одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли одеждой в США.

[^^^]

33

Девушка, деточка (*идиш*).

[^^^]

34

«Толстая женщина» (исп.).

[^^^]

35

Torrid – розничная сеть магазинов, специализирующихся на продаже одежды для полных женщин.

[^^^]

36

Огромная пицца, особенно популярная в округе Колумбия.

[^^^]

37

В «Гарри Поттере» Дж. К. Ролинг – человек, рожденный в семье волшебников, но лишенный магических способностей.

[^^^]

38

Комедийный сериал от «Нетфликс».

[^^^]

39

Dance Exchange – школа танцев в Такома-парке.

[^^^]

40

Палка из вспененного полиэтилена, которую используют для обучения плаванию.

[^^^]

41

Марле – кафе в Вашингтоне.

[^^^]

42

Американская телеведущая и писательница, получившая известность благодаря советам по домоводству.

[^^^]

43

Прабабушка (*идиш*).

[^^^]

44

Человек, ведущий богослужение в синагоге.

[^^^]

45

Бесси и Сэди Дилейни – родные сестры, прожившие вместе более ста лет и написавшие книгу воспоминаний *Having Our Say: The Delany Sisters' First 100 Years*.

[^^^]

46

World of Warcraft – многопользовательская онлайн-игра, разработанная компанией Blizzard Entertainment.

[^^^]

47

«Давай погуглю за тебя» (*англ.*).

[^^^]

48

Американская инди-фолк-группа.

[^^^]

49

Поцеловать и подвезти (*англ.* Kiss and Ride) – система кратковременной остановки машин у станций метро и вокзалов, где отсутствует парковка.

[^^^]

50

Футон – напольный матрас.

[^^^]

51

Имеется в виду виски «Джек Дэниэлс» (Jack Daniel's).

[^^^]

52

Название финальной игры за звание чемпиона американской Национальной футбольной лиги.

[^^^]

53

По еврейской традиции, если имя Бога написано на бумаге полностью, то ее нельзя выбрасывать, поэтому Бог часто пишут как Б-г.

[^^^]

54

Карточная алкогольная игра.

[^^^]

55

Bonchon Chicken – международная сеть корейских фастфуд-ресторанов, специализирующихся на жареной курице.

[^^^]

56

Один из героев мультфильма «История игрушек» (Toy Story, 1995).

[^^^]

57

Незавершенная музыка № 1: два девственника (*англ.*).

[^^^]

58

Хупа – балдахин, под которым еврейская пара стоит во время бракосочетания.

[^^^]

59

Фраза на иврите, которая используется для поздравления в честь какого-либо события.

[^^^]

60

Британский певец, обладатель премий «Грэмми» и «Оскар».

[^^^]

61

Стриплойн – премиальный стейк.

[^^^]

62

Комбинация из имен Бекки, Жасмин, Дэвид и фамилии Сильвера.

[^^^]

63

Balzer + Bray – американский импринт HarperCollins Children's Books, основанный Донной Брэй и Алессандрой Бальцер.

[^^^]